

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 8 (88) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, доктор филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

На обложке изображен Габдулла Тукай (1886–1913) — татарский народный поэт и переводчик, литературный критик, публицист, общественный деятель.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Абдувалиева Д., Абдумуминова З.**
Генеалогический анализ антонимов
в исторических произведениях
Алишера Навои 1083
- Абдуллаева М. Ж., Сабурова Ю. Т.,
Рахимова З. М.**
Переводы заимствованных
медицинских терминов 1084
- Аллаберганов Б. К.**
О категории падежа имен существительных
современного узбекского языка 1087
- Бахарлу Х.**
Из истории стандартизованных языковых тестов
IELTS и TOEFL (на основе анализа соответствия
теориям языкового тестирования) 1089
- Богдан А. М., Жилинская А. В.**
Сопоставительный анализ семантических
изменений в понятии «друг» во французской,
русской и английской лингвокультурах 1094
- Болсуновская Ю. А., Лебедева И. О.,
Суван-оол Е. С., Болсуновская Л. М.**
Трудности перевода названий степеней родства
и имен собственных с китайского
на русский язык и наоборот 1097
- Болсуновская Ю. А., Матназаров Т. У.,
Болсуновская Л. М.**
Русские и английские заимствования
в китайском языке 1099
- Болсуновская Ю. А., Чубинец А. А.,
Болсуновская Л. М.**
Проблемы перевода дипломатической
и рекламной лексики (на примере
китайского языка) 1101
- Бурсина О. А.**
Особенности мотивированности
специальной лексики 1103
- Гимаева Э. З.**
Диалектная лексика и фразеология
интеллектуальной и эмоциональной сферы
человека (на материале Словаря русских
говоров Башкирии) 1106
- Глущенко А. Н.**
Интернет-дискурс, его статус во Всемирной
паутине и влияние на повседневную жизнь .. 1107
- Гончаров К. В.**
Анализ инкорпорированного актанта
в глаголах to pile и to hear 1109
- Гордиенко Н. П.**
Использование дискуссии как метода
формирования коммуникативных навыков
на старшей ступени обучения иностранному
языку в средней общеобразовательной
школе 1112
- Громова Д. А.**
Особенности антропонимики современной
британской литературы: классификация
говорящих имен собственных на материале
романов Терри Пратчетта
(цикл «Плоский мир») 1114
- Денисова Н. В. 6**
К вопросу о значении имени собственного
в современной лингвистике 1116
- Долгополова М. В.**
Концепт «добро» во фразеологической
картине мира 1118
- Ибрагимова Л.**
Некоторые размышления, относящиеся
к применению сослагательного (условного)
наклонения 1120

Кондрыкина Н. В.		Риндевич А. А., Сенцов А. Э.	
Роман Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» в оценке русской критики	1122	К проблеме сравнительного изучения понятия обладания на материале французского и русского языков	1151
Кочергина В. Н.		Риндевич А. А., Сенцов А. Э.	
Две крайности, или Антонимы в статье Н. С. Лескова «Специалисты по женской части»	1135	Из истории развития концепта «обладание» в русской лингвокультуре	1153
Максимов В. В.		Рузметов С. А.	
И. А. Крылов «Ворона и лиса»: особенности выражения моральной сентенции	1137	К вопросу о словообразовательных процессах в заимствованной экономической лексике (на материале русскоязычной прессы Узбекистана)	1156
Матназаров Т. У., Хоречко У. В., Болсуновская Л. М.		Ручина А. В.	
Словообразовательные модели интернет- коммуникации в китайском языке	1139	Гуманистические проблемы в рассказах Лу Синя	1158
Махмудов У. Р.		Саидов Ж. Р.	
О сопоставительной фразеологии	1141	О словообразовании имен прилагательных в современном узбекском языке	1160
Обметкина П. А.		Салимгерей З. М., Туребекова Ж.	
Речевые функции риторических фигур в стихотворных текстах Н. А. Заболоцкого о красоте	1144	Феномен комического. Чувство юмора. Смех	1163
Озер Ю.		Самарьян И. В., Гредина И. В.	
Typology of video records	1146	Специфика перевода контрактов в нефтегазовой отрасли (на материале английского, китайского и русского языков)	1165
Радкевич О. С.		Степура С. Н.	
Художественный англоязычный текст как среда функционирования метафоры	1149	Модернизм в русской литературе 1920–1930-х гг. Общая характеристика	1167

ФИЛОЛОГИЯ

Генеалогический анализ антонимов в исторических произведениях

Алишера Навои

Абдувалиева Дилноза, преподаватель;

Абдумунинова Зилола, преподаватель

Джизакский государственный педагогический институт имени Абдуллы Кадыри (Узбекистан)

Антонимы играют значительную роль в художественном творчестве. При повышении художественных и выразительных особенностей произведений широко используются языковые единицы в составе данной категории. Поэтому одной из злободневных проблем, стоящих на повестке дня языкознания, является изучение антонимов с научной точки зрения, пути их возникновения в языке, отношение со словесными и семантическими гнездами других лексико-семантических групп, типы антонимов по структуре, научный анализ на основе фактических материалов синхронных отношений компонентов, образующих антитезу [1, 125].

В текстах исторических произведений А. Навои, в частности, «Тарихи мулуку Ажам» и «Тарихи анбиё ва хукамо» мастерски использованы антонимы, классифицирующиеся с точки зрения вступления в семантически противоположные слов языковые явления.

Лексемы, образующие имеющиеся в тексте антонимические гнезда, разнообразны с генеалогической точки зрения. Анализируем эти антонимические гнезда с генеалогической точки зрения, основываясь на фактических материалах:

1) *Антонимия из тюркских лексем.* Лексема *кичик* (ДТС, 306), имеющая первичное значения «маленький» в VIII–XII веках в производном значении «Последыш» образует контекстуальную антонимию с производном значением «первенец» лексему *улуғ* имеющей первичное значение «большой» в древнетюркском языке: *Яздижурдининг икки ўғли бор эрд: улуғи Фируз ва кичиги Хурмуз* (ТМА, 238).

В настоящее время известно восемь значений лексему *улуғ* как полисемантического слова (УТИЛ, 4, 280–281). Но среди производных значений не имеется значения «первенец». В свою очередь лексема *улуғ* с производной семой «много, большой, в количественном отношении» образуют контекстуальную антонимию с лексемой *оз* (УТИЛ, 3, 92) в тюркской семе «немного в количественном или числовом отношении; мало»: *Чун золим*

табъ киши эрди, зулмидин улуғ эл озурда бўлдилар (ТМА, 214); *Ва ул навъким оз ерда ободонлиғ қолди* (ТМА, 203). Также, наречие *оз* вступает в антонимические отношения с тюркской лексемой *қалин*: *Бағоят қалин эл жамъ бўлуб...* (ТМА, 201).

Лексема *кеча*, обозначающая семему «часть суток от наступления темноты до рассвета; ночь» (УТИЛ, 2, 361), в древнетюркском языке использована именно в этом главном значении (ДТС, 291). Она с этим значением вступает в антонимические отношения с одним из производных значений лексемы *кун*, обозначающий главное значение «солнце» в древнетюркском языке (ДТС, 326): *Бир кеча туш кўрди...* (ТМА, 222); *Ва доим сайд била кун ўт-карур эрди...* (ТМА, 237).

2) *Антонимия, образованная из персидско-таджикские лексем.* Лексема *шоҳ* в значении «падишах; царь» (УТИЛ, 4, 599), выражающая людей двух категорий, двух сословий в обществе, образуют антонимические гнездо с лексемой *гадо* со значением «нищий, попрошайка, неимущий, малоимущий, бедна» (АНАТИЛ, I, 389): *Бу муфрид сўз анинг сўзларидиндурким, шоҳ ва гадога фойдаси оmdур* (ТАХ, 194).

3) *Антонимия тюркских и персидско-таджикских лексем.* Лексема *қуйи* со значением «низ, низкий; место ниже чего-нибудь; низина» (УТИЛ, 5, 365) составляет антонимической гнездо с полисемантической лексемой *баланд* (УТИЛ, 1, 74) со значением «находящиеся выше поверхности земли или какой-нибудь плоскости, уровня, точки»: *Яна Ардашер эрди тифле нажанд // Ки, бўлди мақоми сарири баланд. Бийик тахтидин чархи бевахму бок // қуйи ташлаб, ул тифл бўлди ҳалок* (ТМА, 251). Также в тексте имеются антонимические гнезда *қаро* (ТМА, 207) — *сафид* (ТМА, 210), *ирик* (ТМА, 238) — *нозук* (ТМА, 230);

4) *Антонимия, образованная из арабских лексем.* Лексема *савол* (ТАХ, 190) со значениям «слово, употребляющееся для получения ответа, фраза; вопрос» (УТИЛ, 3, 416) образует логическую противоположность

со словом *жавоб* (ТАХ, 127), имеющим значение «слово, отвечающее на вопрос, обращение; письмо; звук; жест и. т. д.» (УТИЛ, 2, 62). В тексте произведения имеются антонимические гнёзда, образованные из арабских лексем *одил* (ТМА, 238) — *золим* (ТМА, 245), *маглуб* (ТАХ, 157) — *голиб* (ТАХ, 188), *аввал* (ТАХ, 100) — *огир* (ТАХ, 171), *маъмур* (ТМА, 220) — *хароб* (ТМА, 202), *сабоҳ* (ТМА, 251) — *шом* (ТМА, 229), *саҳв* (ТМА, 209) — *саҳиҳ* (ТМА, 215), *собит* (ТМА, 227) — *талаввун* (ТМА, 206), *фақир* (ТМА, 232) — *ганий* (ТМА, 232);

5) *Антонимия персидско-таджикских и арабских лексем*. Персидско-таджикская лексема *гумон* (ТАХ, 143) со значениями «подозрение, сомнение, заблуждение» (АНАТИЛ, I, 422), «сомнение, недоверие, предположение» (УТИЛ, 1, 198) взаимно противопоставляется лексеме *этимод* (ТАХ, 155), обозначающей семемы «доверие, опора, оплот» (АНАТИЛ, IV, 573), «твёрдо верить, считая искренним, правильным, справедливым, доверие, основанное на этом» (УТИЛ, 5, 67).

Алишер Навои в своих исторических произведениях эффективно пользовался широкими возможностями уз-

бекского языка. Используя слова с противоположным значением, историк противопоставляет образы, символы, понятия, действия — состояния. В результате лексем в антонимических парах (гнёздах) имеют художественно-эстетическую силу [2, 33].

Использованные сокращения:

АНАТИЛ — Алишер навоий асарлари тилининг изоҳли луғати, I–IV жилдлар. Тошкент: Фан, 1983–1985.

ДТС — Древнатурский словарь — Л.: Наука, 1969.

УТИЛ — Ўзбек тилининг изоҳли луғати. I–II. Москва: Русский язык, 1981.

УТИЛ — Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдли. Тошкент: Ўзбекистон Миллий энциклопедияси. 2006–2008.

ТМА — Алишер Навоий. Таиҳи мулуки Ажам. Мукамал асарлар тўплами. 20 томлик, 16 том. Тошкент, 2000.

ТАХ — Алишер Навоий. Тарихи Анбиё ва ҳукамо. Мукамал асарлар тўплами. Мукамал асарлар тўплами. 20 томлик, 16 том. Тошкент, 2000.

Литература:

1. Бафоев, Б. Навоий асарлар лексикаси. Тошкент: Фан, 1983.
2. Юлдашев, М. Бадиий матнинг лингвопоэтик тадқиқи. Филол. фан. ном...дисс. афтореф. — Тошкент, 2009.

Переводы заимствованных медицинских терминов

Абдуллаева Мияссар Жуманиязовна, преподаватель;

Сабурова Юлдуз Тахировна, студент

Ташкентская медицинская академия; Ургенчский филиал (Узбекистан)

Рахимова Зарофат Матюсуповна, преподаватель

Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Медицина — одна из древнейших областей человеческого знания, поэтому вполне естественно, что медицинская терминология отличается рядом качественных особенностей, связанных с историей ее становления и развития. В каждой терминологической системе наряду с терминами, созданными средствами национального языка, встречаются различные заимствования из других языков, в частности, термины, образованные из греческих и латинских морфем. Русская медицинская терминология в этом плане не является исключением, так как и она была создана, в основном, при помощи заимствованной греко-латинской лексики [1].

Современная медицина берет свое начало из античной Греции (и даже в Римской империи медицинские знания совершенствовались, в основном, греки) и, соответственно, основной вклад в медицинскую терминологию внес греческий язык. Гречизмы анатомио-физиологического содержания встречаются спорадически уже в ранних па-

мятниках древнерусской письменности. Это термины, зафиксированные прежде всего в «Гиппократовом сборнике» («Corpus Hippocraticum»), в отрывках из произведений Аристотеля, Галена и византийских врачей [2]. Прямыми заимствованиями из латинского и греческого языков являются, к примеру, названия заболеваний различного характера (кариес, костоеда — из греко-лат. *caries*; диабет — из греко-лат. *diabetes*), а также названия анатомических образований (артерия — из греко-лат. *arteria*; капсула — из греко-лат. *capsula*). Следует отметить, что заимствования целого ряда греко-латинских наименований происходили с усечением: например, названия воспалительных заболеваний или же болезней невоспалительного характера (холецистит, воспаление желчного пузыря — из греко-лат. *cholecystitis*; мастит, воспаление молочной железы — из греко-лат. *mastitis*).

В составе русской медицинской терминологии выделяются несколько групп терминов [3]:

1) исконно русские наименования, принадлежащие к общеславянскому пласту: бедро (уменьшительное «бедрцо, берцо»; отсюда «берцовая кость»), бельмо, бок, бровь, волос, воспа (оспа), голова, горло, грудь, грыжа, губа, зуб, лицо, лоб, моча, нос, ноготь, плод, почка, рак, рука, селезенка, сердце, темя, ухо и др. Можно считать древнерусскими слова, общие для церковнославянского и древнерусского языков, а также слова, принадлежавшие к одному из них, но устойчиво вошедшие в русский литературный язык, например: беременная, бесплодие, близнецы, болезнь, боль, больной, гной, голень, гортань, жажда, желудок, желчь, зачатие, здоровье, зрение, кишка, кожа, кость, лекарство, лечебный, лечение, лечить, мозг, мозоль, мышца, ноздря, обоняние, осязание, отек, отравление, пах, печень, плева, плечо, подошва, поясница, пуп, рожа, рот, судорога, тело, челюсть, череп, шея, язва и др.;

2) заимствованные классицизмы, являющиеся интернационализмами, но приспособленные к звуковой и морфологической системе русского литературного языка: аборт, аппендицит, бронхит, бацилла, ваготомия, вакцина, гингивит, инфекция, лимфа, ретина, ректоскопия, экскудат и др.;

3) заимствованные из западноевропейских языков, западноевропейские, также ассимилированные в разной степени: а) английские: блокада, допинг, клиренс, сайт, шунт, шок и др.; б) французские: акушерка, бандаж, буж, грипп, дренаж, кретинизм, мигрень, шанкр и др.; в) немецкие: бюгель, кламмер, курорт, фельдшер, шпатель, шприц и др. Заимствования из других языков единичны, например, малярия (итал.), москит (испан.).

4) латинские *termini technici*. Прямыми заимствованиями из латинского и греческого языков являются, к примеру, названия заболеваний различного характера (анемия — из греко-лат. *anaemia*; агония — из греко-лат. *agonia*), а также названия анатомических образований (аорта — из греко-лат. *aorta*; капсула — из греко-лат. *capsula*). Следует отметить, что заимствования целого ряда греко-латинских наименований происходили с усечением: например, названия воспалительных заболеваний или же болезней невоспалительного характера (цистит, воспаление мочевого пузыря — из греко-лат. *cystitis*; гастрит, воспаление желудка — из греко-лат. *gastritis*).

Русским переводчикам приходилось преодолевать значительные трудности при передаче средствами родного языка наименований отвлеченных понятий, выработанных западноевропейскими языками, включая освоенные ими классицизмы и неоклассицизмы. Особо остро недостатки терминологии ощущались русскими врачами-педагогами. Преподавание медицинских дисциплин на русском языке было возможно только при условии разработки отечественной терминологии. Поэтому многие выдающиеся русские врачи становились одновременно переводчиками и филологами. Среди них прежде всего следует упомянуть главного лекаря Санкт-Петербургского адмиралтейского госпиталя М. И. Шеина (1712–1762), который со-

здал самую раннюю в русской литературе сводку русских анатомических терминов [4].

Русская медицинская лексика была представлена в первом академическом словаре русского языка — «Словаре Академии Российской» (1789–1794) — более чем 600 словами. Были включены народные общепотребительные русские наименования, а также заимствованные научные термины греко-латинского происхождения. Слова сопровождалась весьма полными, тщательно сформулированными определениями. Медицинскую часть словаря составляли ведущие русские ученые врачи А. П. Протасов и Н. Я. Озерцовский (1750–1827). Переводчикам легче удавалось справляться с названиями болезней и симптомов, т.к. для них часто имелись эквивалентные обозначения, бытовавшие в языке народной медицины. Труднее обстояло дело с научной анатомией, поскольку многие анатомические образования, например *pleura*, *pancreas*, *trochanter*, вообще не имели русских аналогов. В подобных случаях нередко создавали описательные составные термины вместо одного латинского (или латинизированного греческого) слова. Так, М. И. Шеин создал для слова *diaphragma* русский эквивалент «грудобрюшная преграда».

В терминологической системе, кроме прямых заимствований, выделяют также семантические и словообразовательные кальки и буквальные, этимологические переводы из латинского и греческого языков (например, макроцефалия, большеголовость, — из греко-лат. *macroccephalia*; благоприятный прогноз — из лат. *prognosis bona*) [5]. В медицинской лексике русского языка, кроме полных калек, наблюдаются также полукальки — термины, состоящие частью из исконного материала, частью же — из материала иностранного слова и соответствующие по морфологической структуре аналогичным словам языка-источника (верхнемедиальный — от лат. *supramedialis*). Наряду с этим, и переводчики прибегали к калькированию. А. П. Протасов ввел наименование «ключица», являющееся калькой с латинского слова *clavicula* (от *clavis* ключ). Термин «воспаление», созданный Шейным в 1761 г. как калька с латинского слова *inflammatio* (от *flamma* пламя) был впервые зафиксирован в словаре [6]. Кальки представляют собой скрытое заимствование: из исконного языкового материала создается слово или выражение, воспроизводящее строение иноязычного образца.

Переводы заимствованных медицинских терминов на русский язык имеют несколько способов: прямое заимствование, которое представляет собой перенесение из одного языка в другой готовых материальных единиц — слов, морфем — и их семантики (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования, примеры выше), и скрытое, или внутреннее, заимствование [7]. К ним относятся *кальки*, которые подразделяются на словообразовательные, семантические и фразеологические [8]. Примеры словообразовательных калек: клетка-хозяин (*host cell*), клетка памяти (*memory cell*), несовместимость

(incompatibility), родительская клетка (parent cell) и др. К семантическим калькам следует относить семантические заимствования, при которых заимствуется значение иностранного слова, а не его структура. Обязательным критерием выделения семантической кальки является тот факт, что новое значение слова должно отражать новое для данного языка понятие. Такими семантическими кальками явились, в свое время, английские «cell» — «клетка» (в значении «простейшая единица строения и жизнедеятельности организма, состоящая из ядра, протоплазмы и оболочки» [9]); «tissue» — «ткань» (в значении «совокупность гистологических элементов, т. е. клеток и элементов межклеточного вещества» [10]); «vessel» — «сосуд» (в значении «проток или канал, несущий любую биологическую жидкость» [11]); «proving» — «испытание» (в значении «систематическая процедура тестирования на здоровых людях, чтобы выяснить симптомы, вызывающие необходимость в лекарственном веществе» [12]).

При фразеологическом калькировании заимствуются, кроме значения, способы сочетания слов. Фразеологическое калькирование приводит к образованию нового фразеологизма в языке. Примерами фразеологических калек являются: «natural selection» [13] — «естественный отбор» [14]; «unconscious selection» — «бессознательный отбор» [15]; «struggle for existence = struggle for life» — «борьба за существование» [16]; «drug picture» — «лекарственная картина» = «лекарственный портрет» (описание симптомов, отмеченных у здоровых добровольцев, испытывавших то или иное лекарство) [17] и др.

Анализируя приведенные примеры, становится понятно, кальки в большей степени представлены в русской медицинской терминологии. Все это обусловлено характером терминотворчества — сознательным отбором языковых средств выражения медицинских понятий специалистами, и что, калькирование является самым основным

приемом перевода медицинских терминов, которое придает краткость и простоту получаемому с его помощью эквиваленту и его однозначную соотносённость с исходному слову [18]. А одним из основных требований, предъявляемых современным терминологическим наименованиям, состоит в их «международной узнаваемости», обеспечиваемой интернациональностью формы и содержания терминов. Именно калькирование предполагает интернациональность содержания терминов при сохранении их национальной формы, что особенно значимо при переводе медицинской лексики.

Примеры переведены с английского языка на русский, выбор английского языка был обусловлен тем, что именно этот язык является в настоящий момент языком международного общения и, в частности, широко используется в медицине. Кроме этого, латынь в большей степени оказала воздействие на английский язык, в меньший — на русский язык. Роль латыни в обогащении медицинской терминологии заключается не только в ее непосредственном воздействии на терминосистемы, но и в том, что через ее посредство в терминосистемы проникли греческие заимствования и терминологические элементы, в формировании неологизмов — терминов, созданных на основе греко-латинских терминологических элементов в национальных языках.

В современном обществе латынь крайне необходима уже не только врачам, но и предпринимателям, юристам, адвокатам и представителям других профессий. *Persona non grata, status quo, terra incognita* — вот только мизерная часть тех латинских выражений и крылатых фраз, которые мы встречаем практически каждый день. Более того, без минимальных познаний в латинском языке, без понимания общеизвестных латинских выражений, пословиц и крылатых фраз уже невозможно представить современного интеллигентного человека.

Литература:

1. Н. А. Трофимова Дис.... канд. филол. наук: 10.02.19: Саратов, 2004/209 с.
2. Купова, Ю. Н., Купов С. С., Роль калькирования в переводе медицинской лексики, МГОГИ, 2009
3. Абрамова, Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: Дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 2003.
4. Журнал «Друг здоровья», Спб., № 26, с. 48.
5. Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов. 2005.
6. «Словаре Академии Российской» (1789–1794), первый академический словарь русского языка
7. Ткаченко, В. А. Теоретические и практические аспекты калькирования // Языковые ситуации и взаимодействие языков. — Киев: Наукова Думка, 1989. с. 178–193.
8. Матвеева, О. В. Лексическое калькирование как результат лингвокультурного влияния в условиях межкультурной коммуникации: Дисс. ... канд. филол. наук. Саратов
9. 6. стр. 246
10. Stedman's Medical Dictionary. Baltimore. 2003, стр. 642
11. 8. стр. 671
12. Стивен Кейн. Гомеопатическая фармация. Введение и руководство. Изд-во «Гомеопатическая медицина», русское издание, М. — 2002, с. 42
13. Ch. Darwin. On The Origin Of Species. — Internet Reprinted Edition of the Original Book of 1859.

14. Большая Советская Энциклопедия. — 2-е изд., 1952., т. 15 с. 546.
15. 12., т. 5, с. 93
16. 12., т. 5, с. 608
17. Tyler, M. L. 1980. Homoeopathic drug pictures, pp. 567–568, Jain Publishing Company, New Delhi + русское издание Кейна и др.
18. Н. А. Трофимова Дис.... канд. филол. наук: 10.02.19: Саратов, 2004209 с.

О категории падежа имен существительных современного узбекского языка

Аллаберганов Бакварган Курамбаевич, кандидат педагогических наук, доцент
Ургенский государственный университет (Узбекистан)

Падежи в узбекском языке выражают синтаксические отношения существительных в словосочетании и предложении с помощью падежных аффиксов.

Отношение независимости обозначается основой существительного в его назывной функции, — это и есть именительный или назывной падеж. Все другие падежные аффиксы косвенных падежей выражают различные отношения зависимости существительного от других членов словосочетания и предложения. Каждый падеж имеет свои аффиксы: родительный *-нинг*, винительный *-ни*, дательно-направительный *-га* (*-ка*, — *қа*), местный *-да*, исходный *-дан*.

Падежные аффиксы присоединяются непосредственно к основе существительного после местоименно-притяжательных аффиксов и аффикса множественного числа склоняемого существительного, поскольку падежные аффиксы выражают «конечные» синтаксические связи имен в словосочетании и предложении: *китобни* «книгу» (вин. п.), *китобимни* «мою книгу» (вин. п.), *китобларни* «книги» (вин. п.), *китобларимни* «мои книги» (вин. п.) и т. п.

Назывной падеж, выражаемый основой существительного, обозначает отношение независимости как вне связи с другими словами. Он возможен и в зависимой позиции, когда

а) существительное вещественное, обозначая вещество или материал, служит определением следующего непосредственно за ним существительного: *олтин соат* (букв. «золото часы») «золотые часы».

б) существительное обозначает меру и служит нумеративным словом: *бир қон арпа* «один мешок ячменя».

в) существительное выражает совокупность, род или вид данных и предметов и с ним соотнесено другое существительное с местоименно-притяжательным аффиксом 3 л. ед. или мн. ч.: *қўй гўшти* (букв. «овца мясо её») «баранина», *шаҳар кўчаси* (букв. «город улица его») «городская улица».

г) имя собственное соотносится с существительным с местоименно-притяжательным аффиксом: *Тошкент шеваси* (букв. «Ташкент говор его») «ташкентский говор».

Родительный или притяжательный падеж, выражает в широком смысле принадлежность предмета лицу или другому предмету, обозначенному родительным падежом. Существительное, отнесенное к существительному в родительном падеже, должно быть снабжено местоименно-притяжательным аффиксом соответствующего лица: *менинг отам* «мой отец», *сенинг отанг* «твой отец», *унинг отаси* «его отец» и т. д.

При перечислении ряда существительных в родительном падеже с отнесенным к каждому из них существительным возможны два случая: 1) логическое подчеркивание каждого существительного в родительном падеже обуславливает обязательность аффикса родительного падежа, 2) при перечислении без выделения аффикс родительного падежа сохраняется при последнем существительном, относясь к каждому. В таких случаях аффикс родительного падежа, равно как и аффиксы других падежей, несет синтаксическую нагрузку группы однородных членов.

Возможны следующие частные значения родительного падежа в зависимости от лексико-семантических особенностей существительных:

— принадлежность предмета лицу или другому предмету: *отамнинг тўни* «халат моего отца»;

— совокупность лиц или предметов, с которыми соотносится один из них или несколько: *болаларнинг бири* «один из мальчиков»;

— совокупность предметов, с которыми соотносится выделенный из ряда однородных по качеству. В таких случаях это обычно прилагательное в значении существительного: *яхшиларнинг яхшиси* «лучший из лучших», «лучшее из лучшего»;

— лицо или предмет, к которому отнесено действие или состояние, выраженное в таких случаях формой имени действия или отглагольного имени: *овознинг пасайиши* «понижение голоса».

Обычно принято говорить, что в родительном падеже, т. е. с аффиксом родительного падежа, употребляется существительное определенное: *шаҳарнинг кўчаси* «улица (определённого) города», если же речь идет о предмете неопределенном, аффикс родительного падежа опуска-

ется: *шахар кўчаси* «улица (неопределённого) города», «городская улица».

На самом же деле можно сказать *бир кампирнинг ақлсиз ўғли бор* «у одной (какой-то) старухи есть неразумный сын», и в то же время, это выражение невозможно без аффикса родительного падежа. С другой стороны можно сказать *қўйнинг гўшти* «мясо овцы» (единичной и, неважно, определенной или неопределенной) и *қўй гўшти* «мясо овцы» (в родовом понятии), «овечьё мясо», «баранина».

С этой точки зрения существительные не равноценны, т. е. по своим лексико-семантическим свойствам не совпадают, не могут одинаково употребляться с аффиксом родительного падежа и без такового, т. е. в назывной функции.

Обязателен аффикс родительного падежа при личных местоимениях, именах собственных, в случаях, когда одним из членов словосочетания является прилагательное в значении существительного, например *отнинг яхшиси* «лучшая из лошадей» и т. п.

Винительный падеж зависит от переходного глагола, т. е. является падежом прямого объекта: *бола тарвузларни узиб чиқибди* «мальчик сорвал арбузы».

В случае с винительным падежом также обычно указывается, что аффикс винительного падежа обозначает известный говорящему определенный предмет: *китобни олдим* «я взял (определённую) книгу». Отсутствие же аффикса свидетельствует о неопределенности предмета: *китоб олдим* «я взял (какую-то неопределённую) книгу» и т. п.

Предложение *бола тарвузларни узиб чиқибди* «мальчик сорвал арбузы» было бы необычно без аффикса винительного падежа, поскольку форма глагола-сказуемого *узиб чиқибди* выражает законченность, завершенность действия, то есть предполагает, что действие распространяется на весь объект.

Сравним примеры: *йўлни тўсиб катта бир тоғ турганмиш* «преградив дорогу, стоит огромная гора», *йигит яна кўприкка қараб йўл олибди* «парень снова направился (взял путь) к мосту». В первом примере *йўлни тўсиб* «преградив дорогу (как таковую)» без аффикса винительного падежа значило бы скорее «преградив путь», «воспрепятствовав», «мешая кому-либо». Во втором примере *йўл олибди* «направился» употреблено в переносном смысле, здесь аффикс винительного падежа неуместен.

Следовательно, факт наличия или отсутствия аффикса винительного падежа обусловлен лексико-семантическими особенностями существительного, синтаксическими условиями и т. п. «Определенность» и «неопределенность» это уже моменты производные.

Аффикс винительного падежа обязателен:

- а) при личных местоимениях;
- б) при именах собственных;
- в) при существительных с местоименно-притяжательными аффиксами;

г) при субстантивированных прилагательных и причастиях;

д) при именах, выражающих то или другое понятие времени.

Дательно-направительный падеж обозначается аффиксом *-га*, который варьируется в зависимости от последнего согласного:

— *ка* после конечных *-к* и *-г*, за исключением ряда некоторых заимствований: *педагогга* «педагогу», *митингга* «на митинг»;

— *қа* после конечного *-қ*: *ўртоққа* «товарищу», «к товарищу», и после конечных *-қ* и *-ғ* односложных основ: *ўққа тутмоқ* «брать под обстрел», *ўқ* «пуля», «снаряд», *боққа* «в сад», *боғ* «сад» и т. п.).

Дательно-направительный падеж служит для выражения направления действия, обозначая:

а) лицо или предмет, к которому направлено действие: *акам менга хат ёзди* «мой брат написал мне письмо», *чол отига ем берди* «старик дал корм своему коню»;

б) направление движения, достижение кого-чего-либо: *Урганча кетди* «уехал в Ургенч»;

в) предназначение, цель действия: *улар сени кўрмоққа келдилар* «они пришли (чтобы) повидать тебя»;

г) общее количество при счете или оценке (на сколько, за сколько, за что): *ўз пулимга олдим* «взял я за свои деньги»;

д) при существительных, выражающих то или иное понятие времени, срока: *бир соатга* «на один час» и т. п.

Местный падеж обозначает:

а) место и время действия: *бу кўчада бир уста яшайди* «на этой улице живет один мастер»;

б) местонахождение лица или предмета, пребывание в определенном состоянии: *чол ҳайратда қолибди* «старик удивился» (букв. «старик остался в удивлении»);

в) орудие (место) передвижения: *поездда келди* «приехал на поезде»,

г) орудие действия: *ручкада ёзди* «написал ручкой» и т. п.

Исходный падеж обозначает:

а) исходный пункт действия как в пространственном так и во временном смысле: *бола тез ўрнидан турди* «мальчик быстро встал со своего места», *олти ёшдан олтмиш ёшгача* «от шести до шестидесяти лет»;

б) предмет, из которого что-либо производится: *бензин нефтдан олинади* «бензин получается из нефти»;

в) объект, на который действие распространяется отчасти: *узумдан еб кўринг* «отведайте винограда»;

г) объект при глаголах удаления (удаляться, отделяться, лишаться, спасаться, опасаться, бояться) и некоторых других глаголах (слышать о ком, о чём, осведомляться о ком-чём-либо): *кампир сигиридан айрилибди* «старуха лишилась своей коровы», *у қўйдан хабар олгани кетди* «он пошёл осведомиться об овцах», *мен сиздан хафаман* «я обижен на вас» и т. п.;

д) объект, через который, мимо которого, вслед за которым направлено действие: *бола девордан ошиб тушди*

«мальчик перелез через забор», *у ҳаддидан ошди* «он перешёл всякие границы», *уй ёнидан дарё оқиб ўтар экан* «перед домом (мимо) протекает река», *менинг изимдан юринглар* «идите следом за мной» и т. п.;

е) причину действия (обычно при отвлеченных существительных, именах действия и причастиях): *шармандаликдан жони ҳалқумига келибди* «от стыда он чуть не умер» (букв. душа его подступила к горлу), *у севинганидан ҳушидан кетаёзибди* «от радости он чуть не потерял сознание» и т. п.;

ж) при сравнении по признаку или свойству предмет (лицо), с которым сравнивается другой: *Қадамбой мендан катта* «Қадамбай старше меня» и т. п.;

з) при исчислении или оценке количество или стоимость предметов в отдельности или в указанном количестве: *бу йил ҳар гектар ердан 35 центнердан пахта топширамыз* «в этом году с каждого гектара мы сдадим по 35 центнеров хлопка» и т. п.;

и) некоторые послелогии (*аввал* «прежде», «до», *бурун* «раньше», «до», «прежде», *илгари* «раньше», «прежде», «до», *кейин* или *сўнг* «после», «потом», *бери* «начиная с», «в течение» и другие) требуют исходного падежа: *бундан бурун* «прежде этого», *байрамдан илгари* «до праздника», «перед праздником», *соат бешдан кейин (сўнг)* «после пяти часов», *сиздан кейин* «после вас», *мартдан бери* «начиная с марта» и т. п.

Литература:

1. Азизов, О. Сопоставительная грамматика русского и узбекского языков. Морфология. — Ташкент, 1960.
2. Азизов, О., Ризаева З. Узбекско-русский словарь. — Ташкент, 1989.
3. Бакиева, Г.Х., Караева Б.Х. и другие. Узбекский язык для стран СНГ. — М.: Рема, 2012.
4. Грамматика узбекского языка. I том. Морфология. — Ташкент: Фан, 1975.
5. Решетов, В.В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. — Ташкент, 1965.

Из истории стандартизованных языковых тестов IELTS и TOEFL (на основе анализа соответствия теориям языкового тестирования)

Бахарлу Хади, кандидат филологических наук, преподаватель
Университет Тарбиат Модаррес (г. Тегеран)

Данная статья посвящена диахроническому рассмотрению стандартизованных систем тестирования IELTS и TOEFL по их соответствию с изменениями в теориях методики преподавания языка, и следовательно языкового тестирования. Анализ данных тестов показывает, что IELTS и TOEFL в процессе своего развития, изменились наряду с изменениями в теориях тестирования, имеющих в своей основе теории психолингвистики и методики преподавания. Структура данных тестов в разные периоды определяется на основе доминирующие в данный период подходы к тестированию.

Ключевые слова: языковое тестирование, TOEFL, IELTS, языковая способность.

Языковое тестирование, как раздел языкознания, который рассматривает средства измерения языковой компетенции, в связи с его важной ролью в процессе обучения иностранным языкам, издревле находится в центре внимания учителей, преподавателей и исследователей. Это измерение может быть на разных уровнях продуктивных и перцептивных компетенций; может сосредотачиваться на одной из данных компетенций, или на обеих, или дать предпочтение одной из них.

Теории разработки тестов для измерения языковых способностей тестируемых подвергались фундаментальным изменениям в течение последних десятилетий, наряду с изменениями в таких областях как психолингвистика и методике преподавания иностранных языков. Стандартизованные тесты как IELTS и TOEFL могут служить хорошим примером практической реализации этих теорий.

Из основных проблем тестирования в прикладной лингвистике можно указать на определение критериев измерения языковой компетенции разных людей с разными способностями. Данная проблема прямо воплощается в стандартизованных системах тестирования, как IELTS и TOEFL. Далее рассматриваем историю разработки данных языковых тестов в соответствии с изменениями в теориях тестирования.

История языковой тестологии

Бернард Спольский разделяет процесс развития языковых тестов на три основных периода: донаучный, психолого-структуралистический, психолого-социолингвистический (Спольский, 1975). Моро метафорически называет эти периоды: сад Эдема, Юдоль плача и Странна обето-

ванная (Моро, 1979). Но в последние годы под влиянием коммуникативного подхода в методике преподавания, одноименный период появился в теориях языкового тестирования. Здесь уместно упомянуть, что четкое разграничение данных периодов не возможно, в результате чего можно выделить среди них комбинированные периоды, в которых сочетаются теории разных периодов.

Донаучный этап разработки языкового тестирования охватывает период до середины первой половины XX века. В этот период теории языкового тестирования не имели никакого места среди исследовательских работ в методике преподавания. Учителя и преподаватели создавали свои экзамены на основе гуманитарных и социальных теорий. В эти экзамены включили, прежде всего, задания на *межъязыковое перефразирование (перевод)*, эссе и грамматические задания (обычно тесты на выполнение). Из основных особенностей тестов в этот период можно указать на: невнимательность к основным принципам контроля, как надежность, валидность, целенаправленность и анализ статистических данных. Слишком высокая зависимость от опыта учителя и субъективность считаются основными недостатками контролей данного периода.

Разработка тестов по иностранному языку в конце этого периода была сосредоточена в США и Великобритании. «Первый тест по иностранному языку составил Б. Вуд в 1925 г. Его тесты использовались для проведения выпускных экзаменов в нью-йоркских школах и имели в своей структуре задания на выбор ответа по лексике, грамматике и чтению на французском и испанском языках. В 1929 г. американский психолог В. Хенмон изучил некоторые вопросы технологии составления тестовых заданий тестов успешности. Он разработал тесты для проверки знаний лексики, грамматики, фонетики; умений понимать прочитанное на уровне предложений и абзацев, умений перевода, аудирования, говорения, умения писать сочинения. В. Хенмон разработал также комплексный тест по иностранному языку, который состоял из ряда разделов — субтестов, аналогичных вышеупомянутым изолированным тестам» [Фоменко, 2008].

В 1950–60-ые годы XX-ого века начинается психолого — структуралистический период, когда сочетаются структуралистические идеи Фрайза с бихевиористическими идеями и идеями сопоставительного анализа Ладо. Фундаментальным трудом по вопросам тестирования считается монография американского лингвиста, методиста и тестолога Р. Ладо «Language testing» (Ладо 1961), который, основываясь на тесном взаимодействии обучения и контроля, предложил включить в тест те элементы, которые являются трудными для обучаемых. Р. Ладо считал, что знание этих трудностей и умение преодолевать их дает возможность более качественно изучить язык. Отрицательным моментом его работы было то, что лишь знание дискретных языковых единиц не является целью обучения иностранным языкам, главное — умение использовать их в процессе общения на данном иностранном языке.

В этот период измерение языковых компетенций сосредоточивалось на специальных языковых единицах. Проблема влияния родного языка на обучение иностранным языкам находилась в центре внимания исследователей. С помощью специальных средств, технологий и методов измерения, а также статистических подходов доказали, что тестирование может быть объективным, точным, надежным и в определенной степени научным. Именно в этот период среди лингвистов начали выделять специалистов — тестологов. Отличительной чертой теорий тестирования в этот период считается дискретный подход к тестированию. В данном подходе, проверялось лишь усвоение языкового материала, что не представляло особых трудностей для обработки результатов теста [Фоменко 2008].

В результате критических взглядов на предыдущие подходы появился новый психолого-социолингвистический подход с совсем новым подходом к обучению иностранным языкам и соответственно к языковому тестированию. Многие считают психолого-социолингвистический период промежуточным этапом для вступления в период коммуникативного подхода к обучению иностранному языку и к языковому тестированию.

Неспособность структуралистического и бихевиористического подходов в решении ряда проблем преподавания и тестирования иностранных языков, привела к появлению нового подхода, который сосредоточивается на определении языковых способностей на основе измерения способности языковой коммуникации.

Согласно новому подходу, измерение языковых способностей тестируемых возможно через сочетание разных видов контроля, таких как завершение, диктант, эссе, устный экзамен, *межъязыковое перефразирование (перевод)* и т.д. При этом, к основным особенностям контроля в этот период относились практическая направленность и способность измерения более одной языковой способности (синтаксической, морфологической, фонетической и т.д.). Таким образом, теории языковой коммуникации, которые были заложены в методике преподавания, начали развиваться в языковом тестировании, хотя не все лингвисты и тестологи были единогласны о способности языковых тестов в измерении языковых коммуникативных способностей.

Вышеуказанные изменения в теориях языкового тестирования, оказывали влияние на вид языковых тестов, а особенно на стандартизованные тесты. В следующей части, рассмотрим процесс изменения международных систем тестирования IELTS и TOEFL в соответствии с изменениями в теориях языкового тестирования.

IELTS и TOEFL; история развития

История возникновения обеих систем тестирования IELTS и TOEFL восходит к началу 1950-ых годов, т.е. к периоду психолого-структуралистического подхода, когда неспособность традиционного подхода в решении

проблем языкового тестирования привлекла внимание лингвистов.

Тест на знание английского языка как иностранного языка (TOEFL)¹ начал складываться в конце 1940-ых — начале 1950-ых годов, когда известные тестологи как Роберт Ладо и Дэвид Харрис начали свои исследования в этой области. В 1947 г. начала свою работу первая негосударственная организация тестирования и оценивания — Служба тестирования в образовании (ETS)² — присоединением трех общественных образовательных институтов. Целой открытия данной организации служило продолжение работы своих предшественников институтов, не имевших необходимого опыта и научного знания для проведения практических программ тестирования и оценивания, а также продолжение исследовательских работ в области тестирования в образовании. Исследовательская работа этой организации послужила моделью для предъявления системы TOEFL в начале 1960-ых годов. Таким образом, в 1961 г. Центр прикладной лингвистики в сотрудничестве с Институтом международного образования и Национальная ассоциация консультантов по делам иностранных студентов впервые проводили тест TOEFL.

В сравнении, процесс формирования и развития Международной системы тестирования по английскому языку (IELTS)³ был сложнее. Если TOEFL развивался на основе постоянного развития одной системы, то IELTS сложился в виде перехода из одной самостоятельной системы к другой. Исследования в Европе для создания единой системы языкового тестирования на основе долгого опыта Кембриджского университета в проведении разных языковых тестов, как ESOL, привели к появлению Комплекса тестов по английской способности (ЕРВТ)⁴, который применялся с середины 60-ых для тестирования иностранных кандидатов, поступающих в университеты и ВУЗы Великобритании.

В силу изменений в изучении языка и теории преподавания, а также развитий, происходивших в системе тестирования, представление новой системы тестирования, стало необходимым, в результате чего появилась служба языкового тестирования английского языка (ELTS)⁵.

Идея ELTS была заложена в 1976 году и была реализована впервые в 1980 г. Данная система в основном была представлена для выпускников, но вызвал большой интерес и у студентов разных уровней в разных странах, особенно в Австралии. Наиболее сильно на развитие экзамена ELTS влиял факт того, что росла популярность изучения языка как просто «для общения», так и «в профессиональных целях». Задания основывались на использовании академической лексики, а также лексики, которая употреблялась в повседневной жизни.

В 1987 году Британский Совет и Экзаменационный синдикат Кембриджского Университета (UCLES EFL) (сейчас известный как Cambridge ESOL) уполномочили Университет Эдинбурга проводить обучение. В соответствии с этим было принято решение внести изменения по содержанию и организации тестирования под руководством профессора Университета Ланкастера Чарльза Альдерсона. Также было принято решение расширить до международного масштаба пересмотр проекта и в ответ на это организация, занимающаяся международными программами развития австралийских университетов и колледжей (IDP), сегодня известная как IDP Education Australia, присоединилась к Британскому Совету и UCLES в целях формирования международного партнерства, которое отразилось в новом названии теста: The International English Language Testing System (IELTS) [11].

Сопоставительный анализ исторического процесса развития систем IELTS и TOEFL свидетельствует о том, что данные системы языкового тестирования постоянно изменялись под влиянием изменений в лингвистических теориях тестирования.

Первая версия системы TOEFL была представлена в период психолого-структуралистических теорий языкового тестирования, т. е. период дискретного подхода к преподаванию и тестированию иностранных языков. Данный подход полностью соответствовал с тестами множественного выбора, которые стали очень популярными в данный период. Влияние данного подхода видно и в структуре теста, который состоял из 5-и частей: грамматика, аудирование, лексика, чтение, а также письмо в виде сочинения. Проверка владения устной речи и языковых коммуникативных способностей, а также навыки сочетания языковых знаний не имела никакого места в данном варианте TOEFL.

Во второй части процесса развития теста TOEFL, параллельно с появлением психо — социолингвистических теорий в методике преподавания, продуктивные способности (говорение и письмо) стали основными объектами исследования тестологов. В результате этих исследований была разработана новая версия TOEFL, которая состояла из двух основных частей. Первая часть, в которой проверялись чтение, письмо, грамматика и аудирование, а вторая часть, которая была посвящена только устной речи и письму. На вопросы первой части должны были ответить все тестируемые, но на вопросы второй части отвечали только те, кто сдавал экзамен в профессиональных целях.

В 1990 г., т. е. в период коммуникативных способностей в методике преподавания, организаторы TOEFL решили сосредоточиваться на измерении коммуника-

¹ TOEFL: Test of English as a Foreign Language.

² ETS: Educational Testing Service.

³ IELTS: International English Language Testing System.

⁴ EPTB: English Proficiency Test Battery.

⁵ ELTS: English Language Testing Service.

тивных компетенций тестируемых. В этот период идея комбинированных способностей Кэрролла была заложена в основе теста TOEFL. В 1998 г. с целью модернизации теста TOEFL была представлена новая версия теста и бумажную версию заменили компьютерной версией (TOEFL CBT). «TOEFL CBT состоял из четырех частей (субтестов), на выполнение каждой из которых отводилось определенное время. Часть первая — Listening Comprehension — оценивала понимание на слух североамериканского варианта английского языка, при этом использовались лексика и грамматические конструкции, характерные для разговорной речи. Часть вторая — Structure and Written Expression — оценивала знание структур и грамматических явлений стандартного письменного английского языка, скорее формального, чем разговорного. Часть третья — Reading Comprehension — измеряла умение читать и понимать короткие тексты, которые по стилю и тематике похожи на те, с которыми имеют дело студенты в североамериканских колледжах и университетах. Часть четвертая — TWE — оценивала умение писать эссе объемом 200–300 слов на заданную тему за 30 мин». [Балуян, 2010: 46].

В результате сосредоточивания на измерении коммуникативных способностей в TOEFL, появилась версия TOEFL 2000, которая служила критерием измерения коммуникативных способностей контролируемых в англоязычной (особенно академической и университетской) среде. В новом подходе языковые способности разделились на две части: продуктивные и перцептивные. Составители считали, что при общении в языковой среде, в зависимости от ситуации, становится необходимой одна из или обе вышеуказанные способности [Чаппэлл и др., 1997].

В результате постоянных исследований в середине первого десятилетия 21-ого века, в 2005 году была предложена новая версия TOEFL. Эта версия, которая называется TOEFL iBT, отличался от предыдущих версий не только способом проведения (интернетным), но и большим сосредоточиванием на коммуникативном подходе, т. е. переносит акцент с контроля формальных знаний на контроль активного владения языком. «Субтесты по грамматике и структурам, а также лексике были заменены на субтесты по говорению и письму. Грамматические структуры оцениваются исходя из умения студентов использовать их в субтестах по говорению и письму и умения распознавать их при чтении сложных академических текстов в субтесте по чтению. Субтест по письму требует написания двух эссе, а не одного, как в предыдущей версии TOEFL, причём «бумажный» вариант, т. е. написание от руки, был отменен; действителен только компьютерный вариант. Первое эссе представляет собой интегрированный тип задания — прочитать — прослушать — написать. Второе эссе пишется по такому же образцу, который использовался в старом формате экзамена. В субтесте по чтению появились новые типы вопросов, а для проверки понимания речи на слух исполь-

зуются только длинные диалоги, представляющие живую разговорную речь, и четыре лекции, две из которых сопровождаются комментариями тестируемых. В отличие от старого формата новый экзамен TOEFL iBT разрешает и даже рекомендует делать записи и пометки в каждом его разделе» [Балуян, 2010: 48].

Процесс развития IELTS также как TOEFL соответствует изменениям в теориях осметодики преподавания и тестирования. Как указали выше, развитие IELTS началось с теста способности английского языка (EPBT). По принятому подходу в этом тесте, языковые способности заключались, прежде всего, в языковой конструкции, поэтому тестовые задания в основном проверяли грамматические и лексические знания тестируемых. Дальше появилась Служба теста английского языка (ELTS) с чисто коммуникативным подходом к тестированию, по которому языковая способность заключается в умении использования языковых знаний в повседневной жизни. С изменением подхода к определению языковой способности появилась международная версия данного теста с акцентом на коммуникативную компетенцию контролируемых.

EPBT, которую проводили с 1960-ого до 1980-ого годов, рассматривал язык, как модулированную систему и основную задачу языкового тестирования видел в измерении грамматических знаний тестируемых. Дискретный подход к тестированию, по которому языковое тестирование заключалось в отдельной проверке фонетических, фонологических и грамматических знаний тестируемых, находился в центре внимания организаторов.

В начале 1980-ых годов сложилась версия Тестирование по английскому языку ELTS, заменив EPBT. «Новое тестирование имело инновационный формат, который отражал изменения в изучении языка и теории преподавания, а также развитие, происходившие в системе тестирования. Наиболее сильно на развитие экзамена ELTS влиял факт того, что росла популярность изучения языка как просто «для общения», так и «в профессиональных целях». Задания основывались на использовании академической лексики, а также лексики, которая употреблялась в повседневной жизни» [12].

Анализ теста ELTS показывает, что в данном тесте в центре внимания находилась коммуникативная способность тестируемых, не только в повседневной, но и в своей специальной (академической) жизни. «Тестирование ELTS можно было сдать по 6 модулям, которые охватывали 5 направлений в высшем образовании Великобритании, и одно направление, которое не относилось к профессиональному. Шесть модулей ELTS заключаются в следующих: биологические науки, социальные науки, физические науки, технические и прикладные науки, медицина и общие академические науки. Также существовал неакадемический модуль, разработанный для студентов, которые уже имели высшее образование. Каждый кандидат должен был пройти три части по его предмету или модулю и два теста в общей части: M1 Образовательные

навыки — G1 Чтение, M2 Письмо — G2 Аудирование, M3 Интервью. Существенное отличие теста было в том, что все три этапа были связаны между собой одной тематикой. Следовательно при прохождении интервью кандидата просили говорить на тему, что была затронута ранее на этапе M1» [11].

В 1987 на основе опыта ELTS появилась международная система тестирования по английскому языку (IELTS). Основная лингвистическая идея IELTS заложена в теории «интеракционная и ситуативная подлинность» Бахмана. Бахман в понятии подлинности выделяет два понятия: ситуативная подлинность, которая заключается в соответствии между задачами теста и задачами использования целевого языка, и интеракционная, которая заключается в взаимодействии тестатора и задач теста [Бахман 1991].

Существуют два различных модуля теста IELTS: Академический Модуль для тех, кто собирается поступать в университет или другое высшее учебное заведение, и Общий Модуль, цель которого заключается в выявлении общего уровня владения английским языком. Этот модуль подходит для людей, которые желают получить среднее, неакадемическое образование, то есть образование, без получения научной степени. Также этот модуль предназначен для людей, которые хотят работать или пройти процесс иммиграции в Австралию, Канаду, Новую Зеландию или Великобританию.

Тест IELTS состоит из четырех частей. Всем кандидатам, желающим сдать тест IELTS, необходимо пройти одинаковые модули Аудирования и Разговорной речи. Модули Чтения и Письма различаются в зависимости от того,

какой вариант теста проходит кандидат Академический или Общий [13].

Заключение

Подводя итоги анализа структуры тестов IELTS и TOEFL можно подтвердить, что данные стандартизованные языковые тесты на знание английского языка, в течение своего развития, соответствовали теориям языкового тестирования.

Начало формирования обоих тестов относится к 1950-ым годам, когда доминировал дискретный подход к тестированию, которому свойственна проверка усвоения языкового материала. Таким образом, тестовые задания в основном сосредоточивались на измерении языковых знаний контролируемых.

В 1970–80-е годы появились психо-социолингвистические идеи обучения, и соответственно, тестирования, в соответствии с чем изменилась структура тестов. В результате этого изменения появился интегративный подход и продуктивные способности тестируемых и их языковые навыки привлекли внимание тестологов.

С появлением коммуникативной теории обучения языку, в которой основной целью обучения считается измерение языковой и коммуникативной компетенции, т. е. умения использования языка в реальной жизни, изменились задачи языкового тестирования. В результате этих изменений тестовые задания IELTS и TOEFL сосредоточились на измерении коммуникативных компетенций в определенных ситуациях (академическом, повседневном и т. д.)

Литература:

1. Балуйн, С. Р. Из истории языковой тестологии: Тест TOEFL // Известия ЮФУ, Октябрь 2010, сс. 44–49.
2. Фоменко, Т. М. 2008: Французский язык, Тесты как форма контроля. М: Просвещение.
3. Bachman, L. 1990: Fundamental considerations in language testing. Oxford: Oxford University Press.
4. Bachman, L. 1991: What does language testing have to offer? TESOL Quarterly 25, 671–704.
5. Carroll, B. J. 1980: Testing communicative performance. London: Pergamon.
6. Chappelle, Carroll. Grabe, William. Berns, Margie. 1997. Communicative language proficiency: Definition and implication for TOEFL 2000. New Jersey: ETS.
7. Chappelle, Carroll. Grabe, William. Berns, Margie. 1997: Communicative language proficiency: Definition and implication for TOEFL 2000. New Jersey: ETS.
8. Lado, Robert. 1961: Language testing. The construction and using a foreign tests. London: Longmans.
9. Morrow, Keith. 1979: Communicative language testing: revolution or evolution?// The communicative approach to language testing. Oxford: Oxford university press.
10. Spolsky, Bernard. 1975: Language testing: art or science?// 4th AILA international congress. Stuttgart.
11. <http://www.ielts.su/about/history>
12. <http://www.ielts.su/about>
13. <http://www.ielts.su/about/format>

Сопоставительный анализ семантических изменений в понятии «друг» во французской, русской и английской лингвокультурах

Богдан Анна Михайловна, преподаватель;

Жилинская Анастасия Вячеславовна, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: лингвокультура, сопоставительный анализ языкового материала, семантические изменения, формирование понятия.

В настоящее время в лингвистике язык рассматривается «не просто как орудие коммуникации и познания, а как культурный код той или иной нации. Язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Считается, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа» [5, с. 4]. Кроме того, «язык можно также рассматривать как путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность какой-либо нации» [5, с. 4], но и в мировоззрения древних людей, в их представления об обществе и о самих себе.

В современной лингвистике существует традиция изучения понятий, посредством рассмотрения отражения историко-социальных изменений на смысловом поле понятия. Целью данной статьи является сопоставительный анализ семантической истории существительных *ami*, *friend* и *друг*, в которых заключено понятие «друг», на материале французского, русского и английского языков.

Прежде всего, необходимо сказать, что такие понятия как «друг», «дружба» представляют собой универсальную человеческую идею, то есть в каком-то смысле являются одной из необходимых человеческих потребностей. Еще со времен древнегреческих и древнеримских философов до наших дней во всех культурах дружба признавались важным источником любви и наслаждения, понимания и поддержки, товарищества и совета.

Хотя существуют общие признаки, определяющие это понятие, в различных культурах оно отражает представления и ценности, характерные только для них. Для того, чтобы определить особенности отражения этого понятия в исследуемых культурах был проведен сопоставительный анализ на материале французского, русского и английского языков. При анализе языкового материала были также использованы методы трех научных парадигм (сравнительно-исторической, системно-структурной и антропоцентрической) — сравнительно-исторический и описательный методы, методы компонентного и когнитивного анализов.

Практически все грани «рассматриваемого понятия во французском, английском и русском языках могут быть выражены в таких ключевых словах как *ami*, *friend* и *друг*, история которых отражает основные этапы осмысления этого понятия, а также позволяет обнаружить

общие черты или же некоторые особенности формирования понятия «друг» в трех лингвокультурах» [6, с. 37]. Так, «сравнивая историю существительного *friend* в английском и *ami* во французском языках, можно обнаружить, что принципы формирования языкового выражения понятия 'друг' в этих двух культурах очень схожи» [6, с. 38]: исходное значение лексем *friend* и *ami* содержало такой компонент как «любовь». В староанглийском понятие «друг» выражалось существительным *freond*, образовавшимся от глагола *freogan* 'любить, благоволить, покровительствовать', который происходит от прото-германского **frijojanan* 'любить'. Т. е. понятие «друг» изначально было синкретичным: понятия любви и дружбы существовали неразрывно в сознании людей. Позже с усложнением социальных отношений эти понятия разграничиваются с помощью словообразования. В современном английском языке существительное *friend* уже не употребляется в значении 'любимый человек', только в словосочетаниях *girlfriend*, *boyfriend*.

Во французском языке существительное *ami* восходит к латинскому *amicus*, *amica*, одним из значений которого было «любовник» [3, с. 24]. *Amicus*, *amica* происходит от латинского глагола *amare*, *amare* со значением «любить». Предполагается, что латинское *amare* усвоено из субстрата италийских языков. Родственные ему лексемы представлены в разных языковых семьях средиземноморского ареала, напр. этрусское *amin* — 'богиня любви', ликийском *amu*, *ēmu* 'дорогой, любимый, милый', египетском *imz* — означавшее 'любезный' и общеэгейское **amond* [10, с. 51]. Старое значение французского *ami* также указывает на синкретизм «любимый человек — друг». Позже оно утрачивает это значение, однако, понятие «любовь» находит языковое выражение в синонимах *amant*, *amoureux*, *bien-aimé* и в словосочетаниях *petit (e) ami (e) u bon (ne) ami (e)*.

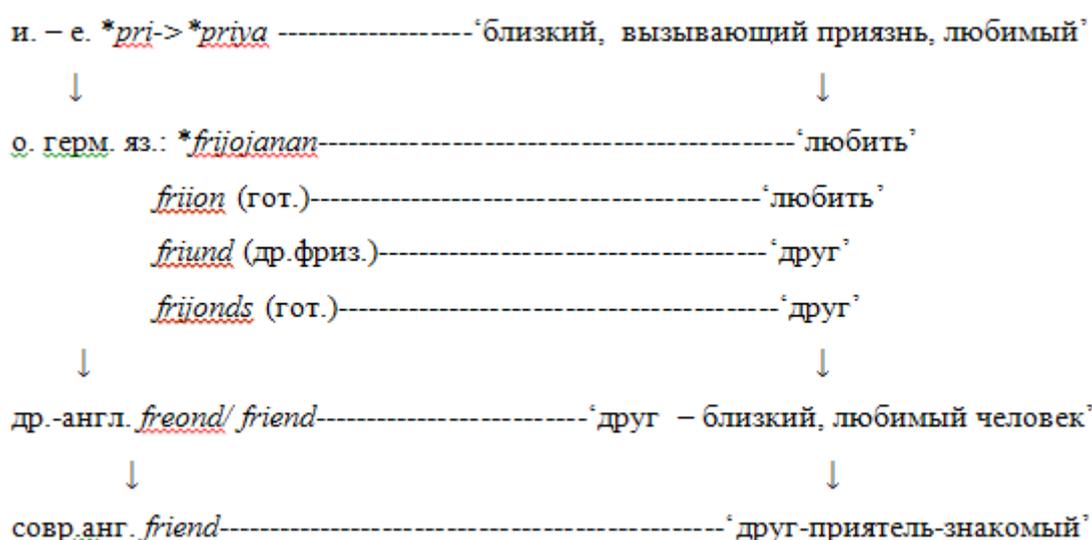
Семантические изменения, которые произошли в процессе развития понятия «друг» в английской и французской культурах, затрагивают и другие аспекты дружбы. Итак, история слова *friend* показывает, что с изменением социокультурной обстановки меняется сам характер отношений между людьми. Заметим, что «общее направление этих изменений иллюстрируется возникновением выражения *close friend* 'близкий друг', которое, хотя с трудом поддается датировке, определенным образом яв-

ляется новым. В целом «значение слова friend стало более «слабым» (т.е. признак близости уже не является основным), так что для того, чтобы ему обрести нечто вроде прежней «силы», теперь приходится использовать выражение close friend» [2, с. 64]. Далее, «о тех же изменениях свидетельствуют словосочетания fair weather friend 'ненадежный друг, друг только в счастье, т.е. временный друг — приятель' и summer friend (букв. — 'летний друг')» [2, с. 69]. Изменение «взгляда на отношения между людьми особенно отражается в синтаксической конструкции a friend of mine — 'один мой друг', в которой в современном употреблении слово friend встречается все чаще и чаще. Словосочетание a friend of mine предпола-

гает» [1, с. 53–55], что тот человек, которого так называют, рассматривается как член некоторого множества (множества друзей).

Заметим, что такая же тенденция наблюдается и во французском языке: существительное ami стало употребляться в значении 'хороший знакомый' в выражении un de mes amis — 'один из моих друзей/знакомых'. Ami обозначает также человека, с которым субъекта связывают скорее внешние обстоятельства, чем близкие отношения: c'est l'ami avec qui j'ai voyagé — 'это тот приятель, с которым я путешествовал' [9, с. 45–47].

Наглядно это можно представить в следующих схемах: в английском:

во французском:

лат. *amare* «любить» > *amicus* «друг, любимый человек» → фр. *ami*

Семантические изменения в английской и французской культурах в общих чертах можно представить в следующей схеме:

«близкий друг/любимый человек» → «друг/товарищ» «друг/приятель»

Однако в русском языке наблюдается иной путь развития данного понятия. Хотя в современном русском языке исследуемое понятие главным образом выражается существительным *друг*, необходимо также отметить тот факт, что существительное *приятель*, которое современные словари русского языка определяют только как близкого знакомого, с которым сложились хорошие отношения, восходит к индоевропейскому корню *prǵa — «близкий, любимый человек» (также как существительное *friend* в английском языке). Однако в русском языке слово *приятель* не становится доминантой лексической группы, в отличие от английского и французского языков. Предполагается, что это связано с появлением производных *принять*, *приятный*, а также в связи с конкуренцией со словом *друг*, то есть актуализацией другого признака в структуре понятия «друг»,

Так как в русском языке значение 'любимый человек' утрачивается, когда существительное приятель отходит на периферию, дальнейший процесс формирования понятия «друг» отличается от английского и французского. Ядром лексической группы становится слово *друг*, которое никогда не имело значения «любимый человек». Такие глубинные изменения в самом понятии объясняются важнейшими культурно-историческими изменениями в обществе или сильным влиянием другой культуры. В I–II в. до н. э. происходило переселение германских племен со Скандинавского полуострова через праславянскую территорию, которые таким образом привели в движение славян и безусловно оказали влияние на их культуру. Слово *друг*, появившееся в русском языке в результате контактов славян с германцами и балтами, восходит к индоевропейскому **dh(e)reugh* < **dher(e)* «крепко держать, поддерживать» [6, с. 79; 8, с. 45].

Впоследствии значение «поддержки, опоры» в отношениях между людьми продолжает развиваться в слове *друг*. Историю данного слова можно представить в следующей схеме:

Таким образом, «на основе сопоставления семантической истории каждой из представленных лексем можно сделать вывод, что исходные точки отсчета в становлении понятия «друг» в исследуемых лингвокультуре схожи» [8, с. 84]. Однако сам процесс формирования данного понятия в русской культуре отличаются от того, что мы можем наблюдать в английской и французской лингвокультурах [5, с. 52–54]. Этот факт вновь подтверждает утверждение о том, что язык является отражением культурной традиции народа, его менталитета и образа жизни. То, что в русском языке понятие «дружбы» и «любви» не становятся синкретичными, указывает на то, что в русской культуре понятие «друг» получает иное осмысление, нежели в английской и французской культурах.

В русской культуре всегда выделялась такая черта русского народа как соборность. В этой связи «дружба» могла осмысливаться русским народом как то, что сплачивает, соединяет людей. Такие признаки «дружбы» как верность,

крепость отношений являются актуальными и сейчас, в отличие от английской и французской культуры.

Следует отметить, что существительное *друг* в современном русском языке стало употребляться в значении «любимый человек». Это явление объясняется огромным влиянием западной культуры на другие культуры мира, а также произошедшими социо-культурными событиями. Например, таким событием явилась сексуальная революция, которая привела к тому, что при таком уровне межличностных отношений (свободных сексуальных связях) стирается грань между сексуальными отношениями и любовью. Однако следует сделать оговорку, что русское слово *друг* не может в полной мере употребляться в значении «любимый человек» — необходимо пояснять, о каком типе отношений идет речь, поскольку на протяжении истории в сознании русского народа твердо сохранилось понимание друга как товарища. В нижеприведенной схеме можно проследить траекторию семантических изменений в понятии «друг» в русском языке:

«оказывающий поддержку, взаимопомощь» → «друг-товарищ» →
→ друг: 1) «товарищ»
2) «любимый человек» (разг.)

Зная траекторию развития понятия «друг» в русском языке, можно предположить, что значение «любимый человек» в слове *друг* не разовьется в такой степени как во французском *ami* и английском *friend*, где признак любви, близости заложен генетически. Отсюда же различия в способе обозначения любовных отношений в русском языке по сравнению с английским и французским, где можно добавить определение к существительному, чтобы реконструировать старое значение «любовник, любимый человек».

Таким образом, в результате проведенного исследо-

вания было установлено, что изначально формирование понятия «друг» в исследуемых лингвокультурах происходило по одному и тому же принципу, однако в русской культуре на определенном этапе истории траектория развития данного понятия резко меняется в связи с актуализацией другого признака в структуре понятия. Характер семантических изменений в структуре понятия «друг» на протяжении истории отражает изменение самого представления о дружеских отношениях в сопоставляемых культурах и определяет основные признаки, организующие данное понятие в настоящее время.

Литература:

1. Англо-русский словарь общей лексики. The Universal English-Russian Dictionary. 5-е изд., исправленное и дополненное. 100 тыс. статей. — М.: Русский язык — Медиа, 2003.
2. Вежибицкая, А. Язык. Культура. Познание. — М., 1995.
3. Дворецкий, И. Х. Латино-русский словарь. Изд-е 5-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1998.

4. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь. — М., издат. «Филология», 1998.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001.
6. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Сопоставительный анализ ключевых слов, обслуживающих понятие «народ», во французской, русской и английской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — №10. — Т. 2. — с. 37–40.
7. Сенцов, А. Э. Концепт будущего в программах политических партий современной России // Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. — 2012. — №3 (19). — с. 82–92.
8. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. 13560 слов: Т. 1–2. — 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1994.
9. Le Robert quotidien. Dictionnaire de la langue française. — Paris: Le Robert, 1996.
10. Löpeltmann, M. Etymologisches Wörterbuch der baskischen Sprache. Dialekte von Labourd, Nieder-Navarra und La Soule. Berlin: W. de Gruyter Co, 1968. Bd. I (A-K), Bd. II (L-Z).

Трудности перевода названий степеней родства и имен собственных с китайского на русский язык и наоборот

Болсуновская Юлия Александровна, аспирант;

Лебедева Ирина Олеговна, студент;

Суван-оол Евгения Сергеевна, старший преподаватель;

Болсуновская Людмила Михайловна, зав. кафедрой, кандидат филологических наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

«Далекий» и «таинственный» — именно такие эпитеты приходят на ум западному обывателю, когда речь заходит о Китае. Этому есть следующие объяснения: во-первых, это единственная в мире цивилизация, на которую западная мысль не оказала значительного влияния, а также единственный крупный регион на земле, где никогда не правил западный человек. Населению западных стран кажется, что в Китае всё наоборот: белый цвет у них символизирует траур, писать могут сверху вниз, причем начиная с верхнего правого угла, восприятие сторон света тоже своеобразное. Разными у китайцев и европейцев являются представления о семье. В китайском обществе семья всегда играла важную роль. Конечно, это относится и к другим обществам, но в Китае семья приобрела особое значение, поскольку она служила моделью общества и поэтому была в центре внимания религии. На западе центром семьи являются супруги, а в Китае, под влиянием конфуцианства, — отношения по линии «отец — сын». Отец был хозяином, главой семьи, он приказывал сыновьям выполнять ту или иную работу по его желанию. Он мог выбирать им профессию, определять, какое дать образование, решал наказывать или нет. По сравнению с Россией или некоторыми Западными странами отношения родства у китайцев структурированы гораздо более подробно. У человека, с детства привыкшего к «классическому» для русского языка пониманию составу семьи (папа, мама, брат, сестра, тетя, дядя, бабушка), а повзрослев, познакомившись с понятиями свекровь, теща, зять, невестка, золовка, деверь, шурин, многообразие родственных обозначений в китайском языке часто вызывает затруднения.

Во-первых, в китайских родственных обозначениях большую роль сыграло разделение членов семьи по старшинству, например: русское «дядя» в китайском языке имеет два наименования: 伯父 bōfù (伯伯 bōbo) — «старший брат отца» и 叔父 shūfù (叔叔 shūshu) — «младший брат отца»; русское «брат» также делится на 哥哥 gēge «старшего брата» и 弟弟 dìdì «младшего брата», так же, как и сестра может быть либо старшей — 姐姐 jiějie, либо младшей — 妹妹 mèimei.

Если упоминается невестка, то из названия сразу можно понять, что 嫂嫂 saosao это «жена старшего брата», а 弟妹 dìmei — «сестра младшего брата»; если речь идет о зяте, то 姐夫 jiēfū — «муж старшей сестры», 妹夫 mèifū — «муж младшей сестры»; русскому «деверю» соответствуют 父兄 fùxiōng «старший брат мужа» и 父弟 fùdì «младший брат мужа», золовке — 大姑子 dàgūzi «старшая сестра мужа» и 小姑子 xiǎogūzi «младшая сестра мужа», шурина — 内兄 nèixiōng «старший брат жены» и 内弟 nèidì «младший брат жены».

Во-вторых, на название того или иного родственника влияет то, с чьей стороны имеется родство — со стороны отца или матери. Например, «дедушка и бабушка по линии отца» — 爷爷 yéye и 奶奶 nǎinai, 老爷 lǎoye и 姥姥 lǎolao — «дедушка и бабушка со стороны матери»; 孙子 sūnzi — «внук (сын сына)» и 外孙 wàisūn — «внук (сын дочери)»; 曾孙女 zēngsūnnǚ — «правнучка (внучка по сыну)» и 外曾孙女 wàizēngsūnnǚ — «правнучка (внучка по дочери)» и т. д.

Для перевода такая подробная классификация представляет определенные неудобства, например, «你好表哥 nǐ hǎo biao ge» (表哥 biao ge — «старший двою-

родный брат по линии матери») на русский язык может быть передано обобщенно «привет, брат», без конкретизации, каким именно братом он является (старшим или младшим), или по какой линии (матери или отца). Также, например, трудность возникает при переводе следующей фразы: «兄弟和姐妹都来了 xiongdì he jiěmèi dōu lái le» (兄弟 xiongdì — «старший и младший брат», 姐妹 jiěmèi — «старшая и младшая сестра») на русский язык может быть переведено следующим образом: «Все братья и сестры пришли», также без конкретизации. Или такие примеры как: 姥姥和奶奶来看看孩子 — Обе бабушки пришли посмотреть на ребенка; 哥哥和嫂嫂, 弟弟和妹妹都帮助妈妈受到收成 — Оба брата с женами помогали маме со сбором урожая.

Однако стоит быть внимательным, поскольку дополнительное смысловое наполнение родственных наименований в китайском языке порой может быть весьма важным: 妈妈同爸爸离婚以后, 我不再看奶奶了 — После развода родителей я больше не видел бабушку по отцу.

При переводе с русского языка на китайский трудность заключается в том, что оригинал на русском языке не несет дополнительной информации (старший — младший, родство по отцу — по матери), а в китайском переводе, ввиду отсутствия эквивалента, не обремененного дополнительной нагрузкой, так или иначе, приобретает.

Однако если серьезно заняться исследованием родственных отношений в русском языке, то можно обнаружить, что и тут не всё так просто. Кроме распространенных родственных связей, есть еще и редко встречающиеся, такие как «дщерша» — племянница по тете, «дщерич» — племянник по тете, «братаниха» — жена двоюродного брата — «堂兄的妻子 tang xiong de qizi». Несмотря на огромное количество родственных связей в китайском языке, обозначений таких родственников в нем нет, поэтому при переводе с русского на китайский может возникнуть ряд вопросов, решить которые можно путем описательного перевода.

Перевод китайских имен на русский язык представляет определенные трудности уже на первом этапе — анализе переводимого текста. Проблема заключается в том, что поскольку имена собственные также записываются иероглифами, необходимо уметь их правильно распознавать в ткани повествования. Ссылаясь на учебное пособие В. Ф. Щичко, можно привести следующий пример невнимательности: в одной из китайских школ дети писали сочинение на тему 项羽拿破仑论, и один ученик написал про то, как богатырь Сян Юй поднял сломанное колесо [1].

Анализируя такие имена, как 李鹏 — Ли Пэн, 朱镕基 — Чжу Жунцзи, 欧根·奥涅金 — Евгений Онегин, 华尔特·狄斯尼 — Уолт Дисней, 谢明·叶果罗维奇 — Семен Егорович, 托·布莱尔 — Тони Блэр, 叶利钦 — Ельцин, 卢日科夫 — Лужков, 罗斯福 — Рузвельт, 丘吉尔 — Черчилль, 阿布杜勒·拉赫曼·瓦希德 — Абдулла Рахман Вахид, нельзя не заметить, что имя китайца состоит из двух-трех иероглифов, которые, если пытаться их переводить, ли-

шают предложение смысла. Например, имя 李鹏 — Ли Пэн состоит двух иероглифов 李 — «слива», 鹏 — «рух» (птица больших размеров). Логично, что в предложении политического содержания странно будет смотреться «сливовый рух». Имя человека другой национальности прежде всего длиннее, и часто между фамилией и именем ставится определенный знак ·. Правила транскрибирования китайских имен достаточно распространены, поэтому переводчику не составляет большого труда справиться с переводом китайского имени на русский язык. С европейскими именами сложнее, поскольку, вычленив в тексте имя собственное и выяснив его «китайское» звучание, необходимо понять, что это за имя на самом деле. Зачастую, несмотря на небольшие неточности, китайская транскрипция иностранного имени позволяет восстановить оригинал, основываясь на созвучности, например 恩格斯 engesi, Ленин — 列宁 liening, Сталин — 斯大林 sidalin, Гоголь — 果戈理 gogeli, Путин — 普京 pujing, Никсон — 尼克松 nikesong, Картер — 卡特 kate. Но есть и такие случаи, когда по звучанию трудно что-то понять, например: Шерлок Холмс — 福尔摩斯 fuermosi. Причиной такой транскрипции стало то, что первым переводчиком рассказов о Шерлоке Холмсе был выходец из провинции Фуцзянь, где иероглиф 福 читается как «хо». Французский писатель Дюма по-китайский звучит как Zhongma 仲马, по той же причине 仲 в Фуцзянь звучит как diong.

Если говорить о переводе с русского языка на китайский, то в этом случае необходимо использовать таблицу транскрибирования зарубежных названий китайскими иероглифами. Женские имена в современном китайском языке практически ничем не отличаются. Главное отличие заключается в смысле входящих в их состав компонентов. Значение иероглифов в мужских именах как правило символизирует ум, силу, честь, а в женских — красоту и счастье, поэтому имена переводятся как названия цветов, драгоценных камней, бабочек, птиц. Точно так же для перевода женских имен на китайский язык необходимо помнить, что иероглифы 娅 ya, 芭 ba, 玛 ma, 娜 na, 利 li, 沙 sha, 娃 wa, 蕾 lei, 秀 xiu, 妮 ni, 琳 lin, 珍 zhen, 蘿 luo, 黛 dai используются только в женских именах. Иероглифы 棟 dong, 楠 nan используются только в начале слова, 亥 hai, 姜 jiang — только в конце слова. Кроме того, необходимо помнить, что буква М перед Б и П транскрибируется как Н; в сочетании гласных ЧТ согласный Ч читается как Ш, транскрибируется иероглифом 什 sh; в сочетании согласных ГК согласный Г читается как Х и транскрибируется иероглифом 赫 he; в словах, начинающихся с Р или Л, за которыми следует гласный, начальный согласные транскрибируются иероглифом 勒 le и т. д.

В заключение хотелось бы отметить следующее: для адекватной передачи информации на тот или иной язык необходимо не только в совершенстве владеть языком перевода, но и хорошо разбираться в культурных, исторических, социальных аспектах той страны, с языка которой вы переводите, в противном случае недопонимание приведет к искажению действительности.

Литература:

1. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учебное пособие. — М.: Восток-Запад: АСТ, 2004. — 224 с.
2. Войцехович, И. В. Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс: учебник/И. В. Войцехович, А. Ф. Кондрашевский. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 525 с.
3. Китайско-русский словарь/Ся Чжунъи и др. Исправленное издание. — М.: Вече, 2005. — 1280 с.
4. Концевич, Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте (Пособие по транскрипции). — М.: Муравей, 2002. — 224–263 с.
5. Фицджералд, Ч. П. История Китая/Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 460 с.

Русские и английские заимствования в китайском языке

Болсуновская Юлия Александровна, аспирант;

Матназаров Тимур Уткирович, студент;

Болсуновская Людмила Михайловна, зав. кафедрой, кандидат филологических наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Основным способом обогащения лексики китайского языка на всем протяжении его развития было образование новых слов на базе существующего в нем строительного материала. Вместе с тем есть еще один источник пополнения словарного состава языка. Это — иностранные заимствования, 外来词, дословно «слова, пришедшие извне» [1]. Влияние одного языка на другой выражается наиболее ярко не в фонетике или грамматике, а в лексике, в заимствовании одним языком другого. Новые реалии заимствуются, как правило, вместе с их обозначениями.

В китайский язык в течение всей длительной истории его существования проникало большое количество иноязычных элементов. Этот процесс заимствования не является отрицательным фактом, наоборот, он обогащает язык, делая его более емким, выразительным. При этом китайский язык выступает в качестве языка-реципиента по отношению к языку-донору, которым является любой иностранный язык, и прежде всего английский в его американском варианте. Входя в китайский язык, иностранные лексические единицы подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития, они изменяли звуковой состав в соответствии с его фонетической системой, если они имели в своем составе звуки, не характерные для китайской фонетической системы. Они приобретали новые значения и т. п. Только в результате такого переоформления они могли прочно войти в китайский язык. Касаясь причин заимствования иностранных слов, можно говорить, по крайней мере, о двух главных. Первая — необходимость выражения новых значений. Вторая — потребность в обновлении лексической системы, замены старых потерявших свою выразительность лексических единиц на новые, более выразительные. Здесь следует учитывать и веяния времени, популярность и моду на иностранные слова и выражения.

В первом случае лексические заимствования не имеют синонимов, а во втором случае в результате заимствования появляются синонимы. Наиболее распространены случаи, когда заимствованное слово передает новое значение и сохраняет стилистические приметы [1].

Заимствования, как составная часть лексики, находится в постоянном процессе изменения и развития. Заимствоваться могут не только слова, но и элементы иностранных слов. Хотя количество иностранных заимствований в китайском языке с каждым днем возрастает, однако оно не так велико, как в русском и в других языках. Этот языковой факт объясняется двумя главными причинами: во-первых, существованием в течение долгого периода времени феодального строя, этим фактом объясняется относительная замкнутость, закрытость Китая; во-вторых, непосредственно, лингвистическими причинами (строй языка, иероглифическая письменность) [1].

К иноязычным заимствованиям, мы относим все лексические единицы, появление которых в одном языке связано с копированием внешней или внутренней структуры соответствующих прототипов других языков, сюда не относятся имена собственные и географических названий [2].

Можно выделить 5 основных способов образования лексических заимствований в китайском языке.

Фонетический способ. Он заключается в передаче звучания иноязычного элемента. Обычно число слогов (на письме иероглифов), представляющих звучание иноязычного слова не превышает пяти. В большинстве случаев китайский язык предпочитает фонетический способ заимствования всем другим [1]. Например: 巧克力 qì kè lì «шоколад»; 麦克风 mǎi kè fēng «микрофон»; 沙发 shā fā «диван»; 引擎 yǐn qíng «двигатель» (англ. engine); 苏打 sū dǎ «сода»; 俱乐部 jù lè bù «клуб»; 比基尼 bǐ jī nī «бикини»; 巴士 bā shì «автобус»; 迷你 mǐ nǐ «мини»; 马赛克 mǎ sài kè

«мозаика»; 彼杂 biza «пицца»; 杯葛 beige «бойкот»; 幽默 youmo «юмор»; 粉丝 fensi «фанаты, поклонники»; 乞克 qikè «чек»; 三明知 sanmingzhi «сэндвич»; 血拼 xuepin «делать покупки» (англ. shopping); 来复 láifù «винтовка» (англ. rifle); 咖啡 kāfēi «кофе»; 色拉 sèlā «салат».

К фонетическому способу обращаются всякий раз, когда семантический способ передачи иноязычного слова недостаточно и не точно передает его значение. Например, названия музыки, музыкальных инструментов, медикаментов: 恰恰恰 qiaqiaqia «ча-ча-ча»; 迪斯科 disike «disco»; 罗曼司 luomansi «романс»; 披耶那 piyena «пианино»; 梵哑铃 fanyaling «скрипка» (англ. violin); 萨克斯风 sakesifen «саксофон»; 阿司匹林 asipilin «асперин»; 凡士林 fanshilin «вазелин»; 维他命 weitamín «витамин».

Так же сюда входят слова, являющиеся заимствованиями в системе мер и весов:

奢因 shēyīn «чейн» (англ. chain); 令克 lingkè «линк» (англ. link); 富呵浪 fùhēlàng «фурлон» (англ. furlong). Лексика, относящаяся к компьютерной сфере, часто заимствуется фонетическим способом. Приведем несколько примеров: 伊妹儿 yímèier «e-mail»; 屁兔 pìtù «Pentium 2»; 瘟米 wēnmǐ «Windows Millennium»; 瘟头死 wēntóusǐ «windows»; 赛扬 saiyang «процессор Celeron»; 拷贝 kǎobei «копия, копировать».

Слова, сочетающие в своём составе буквенный и иероглифический компоненты, в китайской терминологии называются 混血儿 hùnxuèr «слова-метисы». К подобным словам, например, относятся следующие: 去K歌 «ходить в караоке»; T恤 xù «футболка» (англ. T-shirt); call台 tai «телефонный информационный центр» (call «звонок» + 台 tái «стойка, прилавок, трибуна»); BB «baby» По начальным буквам от 宝贝 «младенец»; 3Q «спасибо» (англ. thank you); 三G手机 sānGshǒujī «мобильные телефоны третьего поколения» (sān «три» + Generation «поколение» + shǒujī «мобильный телефон»); MP三 «MP3»; BP机 «beeper»; OK 了 le «OK» (le — частица, указывающая на законченность действия); MTV «музыкальный клип».

К буквенным словам также относятся популярные заимствованные слова английского языка, вошедшие в китайский язык в своём изначальном виде, т.е. в полной буквенной записи: kiss «поцелуй», call «звонок», ball «мяч», smile «улыбка», nice «замечательный» и др. Бывает, что фонетический способ заимствования совпадает с семантическим: 黑客 haikè «хакер» (hai «чёрный» + kè «гость»).

Гибридный способ семантически-фонетического характера: китайская морфема + фонетическое заимствование. В данную группу примеров можно отнести, например слова, которые образуются с помощью элемента 卡 kǎ «карточка» (англ. card): 生日卡 shēngrikǎ «поздравительная открытка с днем рождения» (shēngri «день рождения» + ka); 母亲卡 mǔqīnkǎ «поздравительная открытка с Днем матери» (mǔqīn «мать» + ka); 父亲卡 fùqīnkǎ «поздравительная открытка с Днем отца» (fùqīn «отец» + ka); 电话卡 diànhuàkǎ «телефонная карточка» (diànhuà «телефон» + ka), 税卡 shuìkǎ «налоговая кар-

точка» (shuì «налог» + ka); 登记卡 dēngjìkǎ «регистрационная карта» (dēngjì «регистрировать» + ka). Иероглиф 卡 kǎ в данном значении может употребляться самостоятельно в изолированном виде: 请给我你的卡 «пожалуйста, дай мне свою карточку». Сюда же относятся сочетания IC 卡, IP 卡, SIM 卡.

Ввиду ограниченного количества слогов в китайском языке один и тот же иероглиф может использоваться для записи нескольких иностранных слов схожих по звучанию. Так, например иероглиф 卡 kǎ кроме значения «карточка» может выражать следующие иностранные слова: калория; кассета; машина. Единица теплоты «калория» передается тремя иероглифами 卡路里 kaluli, но чаще употребляется сокращенный вариант 卡 kǎ. Он входит в состав терминов: 千卡 qiānkǎ «килокалория»; 大卡 dàkǎ «большая калория»; 克卡 kèkǎ «грамм-калория» [1].

Элемент 卡 kǎ используется для передачи на китайский язык еще одного заимствования — из английского car «машина, автомобиль, грузовик», образуя производные слова, такие как: 三轮卡 sānlúnkǎ «трехколесный автомобиль» (sān «три» + lún «колесо» + ka); 十轮大卡 shílúnkǎ «десятиколесный большой грузовой автомобиль» («shí «десять» + lún «колесо» + ka). Иероглиф 卡 kǎ так же используется для выражения значения «кассета»: 单卡 dānkǎ «однокассетник» (dān «единичный» + ka); 双卡 shuāngkǎ «двухкассетник» (shuāng «пара» + ka) [1].

Гибридный способ семантически-фонетического характера: фонетическое заимствование + китайская морфема. Компонент 吧 ba, «бар», возник от англо-американского слова — bar, он твердо основался сначала на Тайване, а затем проник и на материковый Китай. Этот элемент используется в самых разных вариациях, например: 酒吧 jiǔba «бар»; 酒吧间 jiǔbājiān «бар»; 网吧 wǎngba «Интернет кафе». Словарная статья на слово «бар» из тайваньского словаря дает следующую информацию: 酒吧 jiǔba «небольшой ресторан, в котором посетители обслуживают обычно за стойкой». Эти слова имеют свои синонимы: 酒店 jiǔdiàn, 酒家 jiǔjiā. Слову 酒吧 jiǔba сопутствуют следующие слова: 把女 bǎnǚ «официантка»; 吧台 bātái «стойка бара»; 酒吧老板 jiǔbālaobǎn «хозяин бара».

Фонетическое заимствование + родовое слово (классифицирующий компонент). Спецификой фонетических заимствований в китайском языке является стремление сделать их более понятными, ясными и для этого ввести их в определенные семантические классы слов. Среди фонетических заимствований очень много разнообразных продуктов питания, названий вин, транспортных средств, спортивных игр и т.п. [1]. Приведем несколько примеров.

Слова, обозначающие алкогольную продукцию чаще всего содержат элемент 酒 jiǔ «вино»: 啤酒 pǐjiǔ «пиво»; 伏特加酒 fútejiājiǔ «водка»; 香槟酒 xiāngbīnjiǔ «шампанское». Иероглиф 车 chē обозначает транспортное средство, поэтому он используется в таких словах, как: 摩托车 mótuōchē «мотоцикл»; 吉普车 jípǔchē «джип»; 坦克车 tānkechē «танк».

Приведем еще несколько примеров, используя родовые слова 舞 «танец»: 波尔卡舞 boerkewu «полька»; 芭蕾舞 baleiwu «балет»; 华尔兹舞 huaersiwu «вальс»; 球 «мяч»: 乒乓球 pingpangqiu «пинг-понг»; 保龄球 baolingqiu «боулинг».

Однако, важно отметить, что, по существу, родовое слово является избыточным, так как оно не вносит ничего нового в семантику слова, а лишь уточняет значение фонетического заимствования. Поэтому некоторые иностранные заимствования данного типа при длительном употреблении обнаруживают тенденцию к утрате родового слова и превращению в чистое фонетическое заимствование.

Семантический способ. Специфика китайского языка (иероглифическая письменность, фонетическая система, слоговой характер) объясняет тот факт, что при переводе

иностраных слов часто происходит переход не только от семантических заимствований к фонетическим, но и наоборот [1]. Так, например было со словом 德律风 delufeng «телефон», которое в дальнейшем было вытеснено семантическим 电话 dianhua (dian «электричество» + hua «речь»).

Действительно, в последнее время в китайском языке иностранных заимствований становится все больше. Они требуют регистрации и описания. При этом при заимствовании иностранного слова происходит «китаизация» произношения. Поэтому иностранцы иногда воспринимают их как исконно лексические единицы, однако носителями языка они четко осознаются, как заимствования. Что же касается слов, заимствованных семантическим способом, то их иногда сложно отличить от исконных единиц.

Литература:

1. Лексика китайского языка/А.Л. Семенас. — 3-е изд., стер. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 284 с.
2. Иноязычные заимствования в современном китайском языке (№2/98 сборника «Мир китайского языка»)/И.Д. Кленин.
3. Китайско-русский словарь. — Исправленное издание. — М., Вече, 2005. — 1280 с.
4. <http://zhidao.baidu.com>
5. <http://blog.tianya.cn>

Проблемы перевода дипломатической и рекламной лексики (на примере китайского языка)

Болсуновская Юлия Александровна, аспирант;

Чубинец Анна Андреевна, студент;

Болсуновская Людмила Михайловна, зав. кафедрой, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Для того, чтобы обратиться непосредственно к «проблемам перевода дипломатической терминологической лексики», следует дать определения понятий «термин» и «перевод». Однако трудность заключается в том, что дать его четкую дефиницию сложно, поскольку в настоящее время отсутствует его общепринятое определение. Одна из причин заключается в том, что термин является объектом целого ряда наук, каждая из которых стремится выделить в этом понятии признаки, существенные с его точки зрения. Тем не менее, наиболее общим можно назвать определение термина как наименования специального объекта или понятия; «термин — элемент подязыковой науки, лишенный национальной исторической окраски — в подавляющем большинстве выполняет назывную функцию» [1]. Термин обычно распространяется с распространением предмета, наименованием которого является. От термина нельзя требовать «национальной принадлежности»: независимо от своего происхождения термин — достояние всего человечества, которое пользуется им как своей законной собственностью. Термин

однозначен, не имеет коннотативных значений, лишен синонимов, независимо от контекста переводится термином — полным и абсолютным эквивалентом, — и поэтому, согласно единодушному мнению специалистов, относится к числу единиц, не затрудняющих переводчика [1]. В научном тексте, т. е. в своей естественной среде, термин играет назывную роль: это знак, указывающий на точно определенное понятие. При отсутствии в переводящем языке термина — эквивалента в научном тексте его заимствуют или создают новый, или придают терминологическое значение общелитературной единице [1].

Перевод — «процесс преобразования речевого произведения в одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т. е. значения» [1]. Переводы и переводчики делают возможными международные контакты в различных областях, без которых немислимо существование современного человечества. Поэтому ошибки при переводе терминов недопустимы, к их переводу следует подходить особо тщательно, и если у терминов одного языка нет не-

посредственных лексических соответствий в другом языке, то в распоряжении переводчика есть ряд специальных приёмов, выработанных многолетней переводческой практикой. Переводчик должен хорошо знать достоинства и недостатки каждого из таких приёмов и уметь выбрать более подходящий.

При составлении краткого русско-англо-китайского обратного словаря дипломатических терминов были выделены различные переводческие трансформации — переводческие преобразования, при помощи которых система смыслов, заключенная в речевых формах исходного языка, трансформируется естественным образом в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода.

Исходя из того, что в данной работе в качестве единицы выступает слово или словосочетание, были использованы следующие лексические трансформации:

1. Транскрипция — «формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова» [3]. Например: *conférence* — конференция, *attaché* — атташе, *declaration* — декларация.

2. Калькирование — «способ перевода лексической единицы оригинала путем замены её составных частей — морфем или слов». Их лексическими соответствиями в языке перевода [3]. Например: *холодная война* — *Cold War*, *временный поверенный* — *charge d'affair interim*.

3. Транскрипция + калькирование — «одновременное воспроизведение звукового и комбинаторного состава слова или словосочетания» [3]. Например: *Варшавский договор* — *华沙条约*.

4. Описание — «использование в языке перевода дефиниции, определяющей слово исходного языка» [3]. Например: *Интерпол* — *国际形势警察组织*, *апатрид* — *无国籍者*.

5. Эквивалентная замена — «замена слова исходного языка словом языка перевода на уровне необходимом и достаточном для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка перевода» [3]. Например: *ООН* — *联合国*, *империализм* — *帝国主义*, *экстрадиция* — *引渡*.

Невосприимчивости китайского языка к звуковым заимствованиям объясняется его слоговым характером, наличием у каждого слога определённого значения, которые закрепляются в письме соответствующими иероглифами, т.е. каждый слог, обозначенный тем или иным иероглифом, — не только фонетическая, но и минимальная семантико-морфологическая единица. Для китайского языка в свою очередь, характерно заимствование дипломатических терминов из японского языка. Специфика данных заимствований заключается в том, что японские термины по своей структуре и внешнему виду почти не отличаются от китаизмов и поэтому органически входят в состав китайского языка, не нарушая его системности и точности. Китайские ученые призывают к максимальной степени использовать для заимствования кальки, т.к. они в большей

степени соответствуют нормам китайского языка, удобны для понимания и запоминания. Кальки в отличие от звуковых заимствований создаются из китайских лексических элементов, поэтому по своей звуковой и графической форме они ничем не отличаются от исконно китайской лексики. Например: *总领事* — генеральный консул, *法律* — закон.

При правильном использовании основных вышеперечисленных способов перевода стало возможным достаточно точно передать значение дипломатических терминов оригинала на языки перевода при составлении данного русско-англо-китайского обратного словаря дипломатических терминов.

В широком понимании рекламные тексты в современном обществе выполняют важнейшую коммуникативную функцию. Недаром говорят: «Реклама — двигатель прогресса» в условиях свободного рынка товаров и идей.

Рекламный текст — сложное семиотическое целое, представляющее собой свободную — как линейную, так и нелинейную — последовательность знаковых единиц, максимально приспособленную для выполнения главной задачи — продвижения на рынок рекламируемого продукта. Важным аспектом в создании рекламного текста является применение закона стилистической формы.

В китайском языке реклама имеет широкое и узкое определение. В широком аспекте реклама — носитель СМИ и форма объявления к массам о товаре, культуре, развлечениях и т.д. Реклама в китайском языке включает в себя рекламный заголовок (тематика) и основной текст. В узком аспекте реклама указывает на тематику рекламируемого товара, в которой показана вся суть.

Основные структурные элементы, которые почти всегда используются в рекламном тексте, — это заголовок, основной текст и рекламный слоган.

Толковый словарь рекламы дает следующее определение рекламного слогана: «Слоган — спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенствования запоминающая мысль» [6].

В словаре китайского языка дается следующее определение рекламного слогана: «Слоган — сочетание вдохновения и инноваций» [2]. У китайского слогана нет определённого стандарта. Работники торговли должны создавать и совершенствовать рекламные слоганы».

Особенности построения рекламного текста были рассмотрены в работах Ю.А. Сулягина, С.В. Барсуковой, А.Н. Матанцева, Р.И. Мокшанцева, В.В. Ученовой, А.Н. Назайкина, Ю.В. Шатина, Ю.К. Пироговой, Е.В. Медведевой, О.А. Давыденко, Е.А. Гончаровой, Г.Н. Кузнецовой, О.В. Мальцевой, М.В. Рыбаковой и др. Во многих существующих исследованиях изучаются особенности синтаксического построения рекламного текста, а также некоторые его экспрессивные характеристики. Но стоит отметить, что с точки зрения соотношения средств художественной выразительности в русском и ки-

тайском языке рекламный слоган не изучался, что объясняет теоретическую и практическую значимость данной работы.

Приведем ниже найденные приемы художественной выразительности в рекламных текстах и укажем, как они характеризуют тот или иной текст.

Русские рекламные слоганы могут строиться по принципу эллипсиса (пропуска подразумеваемого члена предложения, чаще глагола):

Mentos. Свежее решение

Большинство китайских рекламных слоганов построено по принципу эллипсиса:

«好迪»大家 (感觉) 好才是真的好! (реклама шампуня)

Всем нравится, значит, товар действительно хорош!

В данном примере пропущен глагол 感觉 после 大家.

Есть вещи, которые нельзя купить.

Для всего остального есть Mastercard.

В основе слогана — антитеза, выраженная описательно: ряд вещей нельзя купить (перечисляются ценности материального плана) — все остальное купить можно, и в этом поможет Mastercard.

В китайском языке можно встретить подобный аналог в построении рекламных слоганов:

«脑百金» 今年过节不收礼, 收礼只收脑百金! (реклама лекарства)

Использование приема каламбура становится основой построения рекламы стирального порошка: Чистота — чисто Tide.

В китайских рекламных слоганах можно проследить использование каламбура:

«好吃点»好吃, 你就多吃点! (реклама печенья)

Вкусно? Ешь больше!

Каламбур в данном случае создается за счет повторения слов, близких по смыслу и звучанию.

Можно сделать вывод о том, что способов построения рекламных слоганов с точки зрения средств художественной выразительности не мало, и все они обладают определенной спецификой, несут определенную функцию. В основном эти функции призваны сократить высказывание рекламного слогана и внести положительные эмоции, тем самым привлечь внимание потенциальной аудитории покупателей. Особенностью многих китайских рекламных слоганов является то, что в них используется древние китайские иероглифы, так как они наиболее ёмко дают определения различным понятиям и содержат в себе глубокий смысл. Русские и китайские слоганы во многом похожи, так как, по сути, несут в себе определенную рекламную информацию, направленную на определенную аудиторию.

Литература:

1. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. — М.: Восток-Запад, 2004
2. 俄汉词典-黑龙江大学俄语语言文学, 研究中心此书研究便-商务印书馆-北京, 2003
3. Казакова, Т. А. Практические основы перевода. English-Russian: учебное пособие. — СПб.: Союз, 2004
4. Гоголева, Е. Л. Основы рекламы. — М.: Моск. Гуманитарный ин-ут; Ростов-н/Д.: Изд-во: «Феникс», 2005. — с. 126
5. Назайкин, А. Н. Практика рекламного текста. — М.: Бератор-Пресс, 2003. — с. 241.
6. Толковый словарь рекламы [Электронный ресурс] // http://www.elson.ru/serv_idp1_720.html.
7. Фещенко, Л. Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. — СПб.: Изд-во «Петербургский институт печати», 2003. — с. 232.
8. Шатин, Ю. В. Построение рекламного текста. 2-ое изд. — М.: Бератор-Пресс, 2003. — с. 128. <http://baike.baidu.com/view/568486.htm>.
9. Слоганы китайской рекламы [Электронный документ] // китайская поисковая система «Baidu.com». (<http://baike.baidu.com/view/568486.htm>).

Особенности мотивированности специальной лексики

Бурсина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Вологодский государственный университет

В ходе структурно-семантического анализа специальной лексики исследователи обращаются к вопросу о мотивированности терминологических единиц (ТЕ). Дискуссионными моментами являются принципы мотивировки терминологической лексики, традиционное требование мотивированности каждой ТЕ, степень влияния мо-

тивированности ТЕ на специфику реализации их функций в языке.

При более глубоком изучении частных терминологических систем становится очевидным тот факт, что ряд обязательных требований, традиционно предъявляемых термину отечественными терминоведами (А. А. Рефор-

матский, Л. А. Капанадзе, Д. С. Лоте и др.) — это ряд желательных, ожидаемых от термина характеристик, свойственных терминам в целом, а не каждому в отдельности. Однако мотивированность ТЕ признается всеми исследователями при вариативности подходов к этой универсалии.

В. П. Даниленко, О. А. Макарихина, С. В. Гринев-Гриневич и др. лингвисты рассматривают явление мотивированности во взаимосвязи с основными способами терминообразования и выделяют следующие виды мотивированности ТЕ: 1) семантическая или образная (значение таких терминов вызывает ассоциации с общеизвестными понятиями, на основе которых в результате семантического переноса возникли специальные понятия); 2) морфологическая или категориальная (свойство термина указывать своей внутренней формой на категориальную принадлежность специального понятия); 3) синтаксическая. По мнению Т. Р. Кияка, «для многих слов могут быть характерны разные комбинации видов мотивированности» и «не всегда можно провести четкую грань между различаемыми в лингвистике видами мотивированности» [Кияк 1989: 35].

При таком подходе мотивированными считаются только производные термины, имеющие внутреннюю форму, а именно термины, образованные аффиксальным путем, термины-сложные слова, термины и терминологические словосочетания (ТС), появившиеся в результате сужения или расширения семантики. Соответственно, немотивированными являются термины-простые слова, заимствования из других языков, термины-кальки, термины и ТС, появившиеся из имен собственных в результате метонимического переноса значения. Однако, данное заключение неправомерно, т. к. любой термин мотивирован на определенном языковом уровне, по одному или нескольким принципам, на основании какого-либо признака. Тем самым, данный словообразовательный подход к вопросу мотивированности является узким, не охватывающим всего многообразия терминов, которое возможно благодаря разнообразным способам образования ТЕ.

Т. Р. Кияк разработал следующую типологию мотивированности лексических единиц (ЛЕ) и различает три ее вида на языковом уровне: 1) знаковую (семиотическую), это «слабый» вид мотивированности, он свойственен всем ЛЕ, реально функционирующим в языке в виде языковых знаков, поскольку слово мотивируется самим фактом существования и употребления; 2) формальную (словообразовательную), в рамках которой исследователь отмечает мотивированность по внешней форме (фонетическая, или абсолютная мотивированность) и по внутренней форме, которая в свою очередь подразумевает морфологический и семантический типы мотивированности; 3) содержательную (интенциональную), которая «характеризует способность внутренней формы отражать наиболее релевантные признаки языкового содержания слова, т. е. раскрывает ее структурно-семантические особенности... Содержательная мотивированность — это структурно-семантическая характеристика лексической единицы, экс-

pliciрующая средствами языка рациональную лексико-семантическую связь между значением и внутренней формой данной единицы. Интенциональная мотивированность синтезировано учитывает как словообразовательную структуру, так и содержательную сторону языкового знака, что предопределяет системное изучение формы и значения» [Кияк 1989: 38]. Именно поэтому, по мнению ученого, данный вид мотивированности наиболее применим к терминам и менее применим к общепотребительным словам.

На основании такого подхода к мотивированности термина, когда на первый план выдвигается не способ построения, а структурные особенности в сопоставлении с лексическим значением, исследователь различает возможные варианты содержательной мотивированности: «1) полную мотивированность внутренней формы (когда форма выражает признак, целиком входящий в значение); 2) частичную мотивированность (когда существует общая для внутренней формы и лексического значения часть языкового содержания единицы); 3) отсутствие мотивированности (т. е. ни одна морфема, входящая в состав внутренней формы, не находит соответствия в значении); 4) редко распространенный тип — абсолютную мотивированность (полное совпадение семантических признаков внутренней формы и лексического значения)» [Кияк 1989: 39]. Данный подход к вопросу о мотивированности терминов является наиболее приемлемым, поскольку он распространяется на разные по форме и способу образования ТЕ.

Однако, не все исследователи полностью придерживаются данной типологии, например, по словам А. В. Суперанской, полностью мотивированных терминов не существует, поскольку «каждое понятие характеризуется разными признаками, а в его имени отражается лишь один, при этом не всегда ведущий» [Суперанская и др. 2004: 89]. Противоположную точку зрения находим в работах С. Д. Шелова, направленных на изучение мотивированности на синтаксическом уровне. Исследователь доказывает существование абсолютно мотивированных терминов и абсолютно компонентно-мотивированных терминов, как частного случая абсолютной мотивированности [Шелов 2003: 163–170]. Тем не менее, исследования Т. Р. Кияка, С. Д. Шелова и других лингвистов подтверждают то, что каждый термин отвечает требованию наличия мотивированности.

На основании изученных подходов к типологии мотивированности приходим к заключению, что под мотивированностью, очевидно, понимается соотношение между внутренней формой термина и его семантикой, некая рациональная логическая оправданность связи между формой и содержанием. На это указывают определения С. В. Гринева-Гриневича, который под мотивированностью термина понимает его семантическую прозрачность, свойство его формы давать представление о называемом термином понятии [Гринев-Гриневич 2008: 165]; Т. Р. Кияка, который говорит о мотивированности термина

как об акте отражения одного или нескольких признаков предмета в его названии средствами языка, как о показателе «оправданности» наименования [Кияк 1989: 33–34]; О. И. Блиновой, которая почти приравнивает внутреннюю форму слова и мотивированность, под которой понимается структурно-семантическое свойство слова, благодаря которому осознается рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотнесенности [Блинова 1981: 30] и определения других лингвистов.

И. А. Ребрушкина, О. Л. Арискина также придерживаются широкого лексикологического подхода в вопросе о мотивированности специальных единиц. Однако, ученые идут дальше, заявляя о правомерности применения понятия ориентированности термина. Под ориентированностью термина они понимают «свойство термина, обусловленное лингвистическими, психическими и социальными факторами, дающее носителю языка возможность без обращения к дефиниции по экспоненту определить закрепленное за термином понятие или место данной единицы в терминотерминологической системе» [Ребрушкина, Арискина 2012: 209].

Однако мотивированность и ориентированность не являются взаимозаменяемыми понятиями. Первое — исключительно лексикологическое понятие, в то время как второе — входит в области и психолингвистики, и социолингвистики, и лингвокультурологии. По сути, понятие ориентированности термина складывается из его мотивированности в широком смысле слова и его функционирования в языке.

Совокупность признаков и требований, предъявляемых к термину, обуславливают его функции, а именно ту роль, которую он выполняет, будучи средством обозначения специального понятия. Как любая ЛЕ, термин выполняет четыре основные функции, но следует отметить специфику их реализации.

Специфика номинативной функции термина в том, что термин называет специальные понятия, категории, свойства, процессы в специальных областях знания и деятельности человека. С номинативной тесно связана сигнификативная функция термина, при реализации которой становятся очевидными специальные понятия, категории, свойства, процессы в специальных областях знания спо-

собы обозначения специальных понятий, виды терминов в первую очередь с точки зрения их мотивированности или немотивированности. Термины, мотивированные по одному принципу, на основании одного признака, могут объединяться в терминологические ряды или группы, пополнять существующие синонимические и антонимические ряды терминов, т. е. активно включаться в лексико-семантические отношения между ТЕ.

Коммуникативная или информационная функция термина указывает на то, что термин является концентратом некоего специального знания и средством передачи некоторой информации о специальном понятии с установлением обратной связи. С коммуникативной функцией термина связана прагматическая функция, поскольку она определяется связью знака с участником коммуникации, условиями и сферой общения, воздействующей установкой и т. д. Даже термины-эпонимы, которые некоторые исследователи (например, В. А. Звегинцев) считают лишены признака мотивированности, могут сообщать дополнительную информацию об обозначаемом понятии, вызывать дополнительные ассоциации, указывать на происхождение номинируемого объекта, сопоставлять его с конкретной терминосистемой, микротерминосистемой, терминологическим гнездом и т. д., тем самым обозначая некоторые его признаки.

Действительно, мотивированность терминов приобретает особое значение при формировании их внешней оболочки, т. к. мотивированный термин быстрее запоминается, появляется возможность установить его связи с другими терминами и именуемыми понятиями, т. е. установить его место в данной понятийной и языковой системе. Однако не следует сводить мотивированность только к словообразованию, ее следует рассматривать в более широком лексико-семантическом аспекте, но не приравнивать к ориентированности ТЕ. Признак мотивированности термина имеет огромное значение в процессе его непосредственного употребления, функционирования в языке. Несмотря на разнообразие подходов к исследуемой языковой универсалии, связь между планом содержания и планом выражения ЛЕ признается всеми лингвистами, а мотивированность в широком смысле слова и есть связь между формой и содержанием.

Литература:

1. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения / Т. Р. Кияк. — Киев: УМК ВО, 1989. — 104 с.
2. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 304 с.
3. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С. Д. Шелов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 280 с.
4. Блинова, О. И. Термин и его мотивированность / О. И. Блинова // Терминология и культура речи. — М.: Наука, 1981. — с. 28–37.
5. Ребрушкина, И. А., Арискина О. Л. О разграничении понятий мотивированности и ориентированности термина (на примере лингвистической терминологии) / И. А. Ребрушкина, О. Л. Арискина // Знание. Понимание. Умение. — М., № 2, 2012. — с. 208–213.

Диалектная лексика и фразеология интеллектуальной и эмоциональной сферы человека (на материале Словаря русских говоров Башкирии)

Гимаева Эльмира Забировна, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Национально-культурная специфика языка ярко проявляется в его диалектной лексике и фразеологии. Диалектный язык содержит богатейший материал для решения многих языковедческих, этнографических, исторических проблем, его изучение является одной из приоритетных задач современного языкознания, поскольку диалектная речь в последнее время стремительно утрачивает свою специфику под влиянием литературного языка, средств массовой информации, образования [3, с. 82].

Объектом нашего исследования являются диалектная лексика и фразеология интеллектуальной и эмоциональной сферы человека. Анализ языкового материала выполнен на основе «Словаря русских говоров Башкирии» под редакцией З.П. Здобновой (СРГБ) и «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф.П. Филина (СРНГ).

Феномен **интеллекта** относится к области идеального, он изучается в психологии и философии, отчасти в медицине. Проблема интеллекта и интеллектуальных способностей человека является дискуссионной и полностью не решена. Ученые еще не пришли к единому мнению в отношении самого понятия «интеллект». Согласно философскому определению, *интеллект* — это общий умственный потенциал человека, степень реализации способностей, которые он целесообразно использует для приспособления к жизни. В толковом словаре С.И. Ожегова *интеллект* — это «ум, мыслительная способность, умственное начало у человека» [2, с. 251]. Следовательно, понятие «интеллект» тесно связано с понятием «способности», и тогда его можно определить как способность человека мыслить, принимать решения, умение использовать свои способности для выполнения какого-либо рода деятельности.

Большая часть диалектных лексем и фразеологизмов даёт отрицательную оценку умственных способностей человека. Например, *голова как баклан* скажут о немном человеке или о том, кто неправильно, плохо воспринимает информацию, а *балык* — это «хитрый, ловкий, увёртливый человек»: «*Вот он — балык! Богато живёт*» [4, с. 38].

Слово *красный* в русском языке служит не только для обозначения цвета. В словарях мы находим следующие значения: относящийся к революционной деятельности; красивый, радостный, (*На миру и смерть красна*); ясный, яркий, светлый (*красное солнышко*); парадный (*красное крыльцо*); слово используется как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий (*красный перец*); употребляется для обозначения наиболее ценных пород, сортов чего-нибудь (*красный лес*).

В СРНГ эти значения сохраняются или переосмысливаются: *красные годы* — «лучшие годы жизни»; *красные дети* — «сын и дочь, когда они единственные дети у родителей»; *красно солнышко!* — «честное слово!»; в обращениях: *красный мой, красно моё на золоте*.

А в СРГБ зафиксирован фразеологизм *красный дурак*, имеющий значение «глупец». Можно предположить, что, поскольку лексема *красный* связывается в сознании народа с чем-то особенным, выдающимся, одного слова *дурак* для характеристики глупого человека было мало — необходимо было «снабдить» его метким эпитетом.

Глупого человека также назовут *калган* или *башка*. *Калган* в первом значении — чугунок; а чугунок — это и сплав, и сосуд округлой формы из чугуна. В литературном языке известно выражение *голова (как) чугунная*, характеризующая состояние, в котором человек с трудом, плохо соображает. Возможно, обозначение глупого человека словом *башка* связано с устойчивым выражением *башка не варит* «кто-то плохо соображает, не думает». Как видим, голова ассоциируется с неким сосудом, в котором можно приготовить еду.

Отдельную группу составляют фразеологизмы со значением «безумство». Потерявшего память или ненормального, сумасшедшего характеризуют фразеологизмы *умом плохой, без ума стать, сделаться без ума*. Человек мог лишиться ума либо вследствие каких-то психологических особенностей, либо из-за внешних обстоятельств. Но фразеологизм *богом убитая (убитый)* — «о слабом, слабавольном, убогом человеке (обычно о женщине)» обращает наше внимание на то, что в отсутствии интеллектуальных способностей виноват не человек, — здесь задействованы другие, высшие силы.

Эмоции — субъективное переживание человеком его отношения к окружающему миру и самому себе. Это один из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения. Эмоции определяют душевное здоровье, адаптацию, работоспособность и успех всей жизнедеятельности человека, качество нашей жизни. Они проявляются в самых разных ситуациях, в общении с друзьями, родственниками, даже с незнакомыми людьми; под влиянием эмоций мы можем выполнять действия, о которых впоследствии будем, может быть, сожалеть [6, с. 3].

Эмоции — такие психические процессы, в которых человек переживает своё отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности. Они могут возникнуть очень быстро, что отражается в семантике фразеологизма *выйти из себя* — «прийти в состояние крайнего раздражения, возбуждения, воз-

мущения, иногда от чьего-либо поведения, поступка, от чьей-либо наглости и т.д.’ В диалектах этот фразеологизм имеет вид *вылазит из себя*, а также *вылететь из себя*. Употребление данных глаголов в составе фразеологической единицы, очевидно, связано с тем, что, если человек не может совладать со своими чувствами, эмоциями, он не соглашается с мнением другого, начинает грубить, злиться, причем часто не зная границ. Эмоциональные состояния характеризуют также фразеологизмы

шлея по хвост попала — ‘о непослушном или сердитом человеке’, *глазом не моргнет* — ‘о спокойном, равнодушном человеке’.

Наше исследование показало, что в диалектном языке преобладает отрицательная оценка интеллектуальных способностей и эмоционального состояния человека. Метко и ярко народная речь подчеркивает детали, раскрывает особенности глубинных процессов важнейших сфер жизни и деятельности человека.

Литература:

1. Бровяков, В. П., Кудрявцева Л. И., Пурьгин П. П. Эмоциональная сфера человека/Функциональные элементы Валеологии, 2003.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70000 слов/Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 23-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1990. — 917 с.
3. Савельева, Ю. Б. Диалектная лексика, характеризующая умственные способности человека (на материале Словаря русских говоров Башкирии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №3 (332). Филология. Искусствоведение. Вып. 87. — с. 82–88.
4. Словарь русских говоров Башкирии/Под ред. проф. З. П. Здобновой. — Уфа: Издательство «Гилем», 2008. — 406 с.
5. Словарь русских народных говоров/Под ред. Ф. П. Филина. Тт. 1–43, СПб: «Наука», 1965–2010.
6. Экман, П. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. — СПб: Питер, 2010. — 336 с.

Интернет-дискурс, его статус во Всемирной паутине и влияние на повседневную жизнь

Глущенко Александра Николаевна, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Перед тем, как перейти непосредственно к изучению явления Интернет-дискурса как концепта, его статусу во Всемирной паутине и влиянию на повседневную речь, мы считаем необходимым дать определение составляющих данного термина, для того, чтобы определить его этимологическую составляющую.

Итак, согласно определению Н. Д. Арутюновой, дискурс — это связанный текст, включающий все экстралингвистические факторы — прагматические, социокультурный, психологические и другие. [1; с. 136] Это речь, рассматриваемая как социальное действие с определенной целью, как компонент, который участвует во взаимодействии людей. Американский ученый Т. Ван Дейк утверждает, что дискурс отражается как действие, «существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого — интересы, цели и стили. [8 с. 67] Таким образом, под «дискурсом» понимается речевая ситуация, т. е. текст, погруженный в ситуацию реального общения.

Под определением «Интернет» понимается всемирная информационная сеть, связывающая между собой как пользователей компьютерных сетей, так и пользова-

телей индивидуальных компьютеров для обмена информацией. Появление Интернета в конце 60-х годов привело к появлению не просто глобальной информационной среды, а особых виртуальных миров. Сетевых сообществ и блогов, сетевой культуры и сетевого языка, обслуживающих этот сегмент социальной реальности. Можно смело назвать Интернет символом эпохи, сыгравшим и продолжающим играть огромную роль в процессе развития мировой цивилизации.

Таким образом, на основе вышесказанного, можно сделать вывод что Интернет-дискурс — это речевая ситуация (текст), погруженный в ситуацию общения в пределах пространства всемирной паутины. Однако стоит отметить, что данное определение является обобщенным и неокончательным, так как лингвисты всего мира не приходят к единому обозначению данного явления, что может быть объяснено тем фактом, что данная ветвь лингвистической науки является относительно новой, развивающейся и не до конца изученной. Ниже приведены несколько определений данного явления.

Интернет-дискурс — это текст, бытующий в интернет-системе, в котором персуазивная коммуникативная

установка имплицитно отражает субъективно-личностную авторскую позицию, смоделированную с учетом психологических, лингвистических и технологических факторов. [2; с. 117]

Computer-mediated discourse — is the communication produced when human beings interact with one another by transmitting messages via network computers. [8; с. 25]

Интернет-дискурс — межличностное общение в сети Интернет, содержащее в себе признаки всех видов дискурса, не принадлежа ни к одному из них полностью. [3; с. 156]

Интернет-дискурс — многожанровая функциональная разновидность публичной монологической и диалогической речи. [3; с. 157]

Интернет-дискурс — вся совокупность текстов, объединенная общей тематикой, связанной с современными информационными технологиями. [5; с. 25]

Сегодня, в эпоху информационных технологий и, в частности, Интернета, необходимость использования определенной лексики бесспорна. Ежедневно мы сталкиваемся с определенными явлениями и терминами, описание которых возможно только посредством Интернет-лексики. Таким образом, статус Интернет-дискурса максимально высок в современном обществе, так как его необходимость и, в какой-то степени, ценность не могут быть не учтены при анализе социума 21 века.

Таким образом, Интернет-дискурс находит свое место не только на уровне бытовой речи, а также в экономике, бизнесе, информационных технологиях и инженерных инновациях, медицине, образовании и даже литературе.

Происходит существенное изменение языковой ситуации. Раскрепощенность говорящих, особенно заметная в Интернете, действует на все механизмы языка. Это перерастает в речевую вседозволенность, пагубно воздействующую на языковую среду. Мы видим очевидное снижение, усреднение, массовизацию, огрубление речевого стандарта в Интернете, возросшее влияние которого на языковую среду сегодня не подвергается сомнению.

Интернет имеет огромное влияние на наши словари и общение. Когда дело доходит до того, как мы общаемся друг с другом, очевидно, что Интернет совершил ряд серьезных изменений: email заменил обычную почту, Facebook в значительной степени поглотил идею звонка кому-либо и поздравления с днем рождения, работу мы находим теперь через LinkedIn или Craigslist.

Наша одержимость Интернетом даже влияет на простое обсуждение в реальной жизни. Некоторые аббревиатуры, неологизмы и сокращения, проникли в повседневную речь, — если кто-то говорит что-то вроде «OMG, WTF, why my ex liked my status, I unfriend you» большинство людей поймет, о чем этот человек говорит. Поскольку люди часто общаются в Интернете через текстовые сообщения, усеченные обороты и иконки (эмотиконы); такой стиль общения сейчас является мейнстримом.

Интернет-дискурс прочно засел в языке реальности, и мы будем продолжать жить в Интернете, новые вы-

ражения и слова будут продолжать появляться. Так же, как языки развивались раньше при взаимодействии с другими языками.

Мы используем слова на основании того, что мы делаем и видим. Итак, мы в случае общения в Интернете видим перед собой экран монитора и, соответственно, начинаем общаться определенным способом. Лингвист Анна Кёрзен ввела термин для такого рода общения — опосредованный разговор в электронном виде (electronically mediated conversation), или EMC. [7; с. 5]

«Did you re-tweet Tom's GIF link?» Данное предложение показывает, что Интернет-пространство стало уже неотъемлемой частью нашей жизни и нашего разговора. Глагол re-tweet показывает, как адаптируется язык вокруг новых технологических решений.

Twitter представил идею retweet как действие, но люди неофициально включили его в свои словари в качестве глагола. Это происходит регулярно, когда новые функции появляются на сайте — что-то вроде «rickrolling», «icing», «lurking», «trolling» эти слова возникли из форумов и распространились в Сети, в то время как Facebook дал нам такие вещи, как «liking» и «friending. Авторы Оксфордских словарей написали в блоге, что Facebook представил целый ряд новых слов и фраз в лексиконе, отметив, что он придавал несколько иной оттенок этим хорошо знакомым нам словам. Так что, когда дело доходит до использования слов в нашем разговоре, мы, сами того не замечая, начинаем активно использовать вокабуляр Интернета.

Так, например, акроним LOL определенно переживает семантический сдвиг, ведь его коннотативный аспект практически полностью изменился. Профессор Кёрзан написала в своем блоге, «LOL теперь почти не используется для того, чтобы сделать что-то забавным. LOL также может быть способом подтвердить, что писатель получил текстовый печатный вариант кивком головы и улыбкой». [7]

Другими словами, теперь LOL является более способом показать, что вы слушаете, чем просто способ сказать, что вы смеетесь над чем-либо. Это наиболее очевидный признак Интернет-языка — слова отдаляются от своего первоначального смысла и приобретают новое определение.

Однако, известный британский лингвист Дэвид Кристалл также призвал не преувеличивать роль Интернета и подчеркнул, что бесполезно пытаться предсказывать будущее. Когда его спросили, считает ли он, что со временем Интернет сможет иметь еще большее влияние на язык, он ответил: «Никто и никогда не должен пытаться прогнозировать будущее языка. Но в краткосрочной перспективе, нет. Подумайте о других технологических мероприятиях. Когда телевидение появилось в 1920-ых, мы увидели возникновение новых стилей, таких как спортивные комментарии и новости. Но они не серьезно изменили язык. Они просто расширили словарный запас». [6; 152]

Говорить о влиянии Интернет-дискурса на нашу повседневную речь, конечно, необходимо. В то же время справедливо утверждение Е. А. Земской: «Люди не стали говорить хуже, просто мы услышали, как говорят прежде только читавшие и молчавшие. И обнаружилась давным-давно упавшая культура речи». [4; с. 112]

Таким образом, в нашей повседневной речи всё менее вызывают удивление многочисленные слова из интернет-пространства, так как для многих как минимум треть жизни проходит в Сети. Однако, утверждать, что язык Всемирной паутины способен изменить язык литературный кардинально, слишком неоправданно.

Литература:

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс. М., 1990. с. 5–32.
2. Варламова, Е. В. Интернет-дискурс как феномен. // Вестник Поморского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2006. с. 116–119.
3. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках. // Астраханский государственный педагогический университет. 2001. 212 с.
4. Земская, Е. А. Современный русский язык. // Флинт: наука. М., 2001 г. 324 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. // Перемена. Волгоград., 2002. 477 с.
6. Crystal David. Language and The Internet. // Cambridge University Press. 2001. 256 с.
7. Curzen Anna. How English Works: A Linguistic Introduction. // Pearson/Longman. New York. 2012.
8. Dake, T. van. A Multidisciplinary Approach. // Sage. London. 1998.
9. Herring., C. Susan Computer-Mediated Discourse. // Electronic Journal of Communication. Texas. 1996.

Анализ инкорпорированного актанта в глаголах *to pile* и *to hear*

Гончаров Константин Владимирович, преподаватель
Павлодарский государственный педагогический институт (Казахстан)

В английском языке достаточно много слов, образованных при помощи конверсии. Данный способ словообразования позволяет, не меняя облик слова создать новое слово, принадлежащее к другой части речи. Для данного исследования были выбраны глаголы, образованные с помощью конверсии и имеющие полисемию. Не все глаголы, образованные с помощью конверсии имеют развитую полисемию. В основном такие глаголы имеют одно или два значения, что недостаточно для их исследования.

Особенность конвертированных глаголов заключается в присутствии существительного в их семантике, которое влияет на совершаемое действие. Такое существительное называется инкорпорированным актантами. Такие актантами могут быть разного вида. Существуют много вариантов классификаций наиболее интересная из них содержит пять видов: 1) средство 2) способ 3) объект действия 4) субъект действия 5) дескриптив. [1. с. 104] Поведение актанта в глагольной семантике зависит от той функции существительного, которая была выбрана для конверсии с последующим переносом наименования. Например, глагол «*to hammer*» получил свое наименование от существительного «*a hammer*», которое в общегерманском языке выглядело как «*hamag*», которое в свою очередь пришло из протоиндоевропейского языка как «*акмен*» со значением «камень, острый камень используемый как инструмент». Как «камень», так и значение «молот» применя-

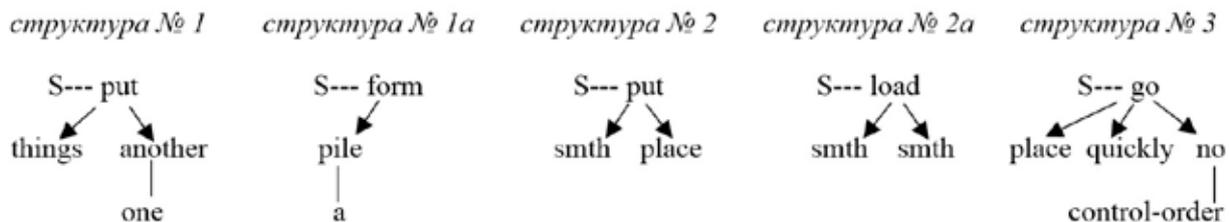
лись для нанесения удара, поэтому в глагольной семантике присутствует эта функция.

«*to hammer — to hit something with a hammer*».

После появления конвертированных глаголов их развитие на это не останавливается. Следующим этапом становится развития полисемии, которая представляет собой наличие у слова нескольких значений. На этом этапе не все глаголы получают развитую многозначность. Одни глаголы получают два-три значения, другие же, напротив, становятся продуктивным языковым материалом и получают больше значений. Такие глаголы представляют особый интерес для исследования. Для эффективного изучения полисемии, необходимо применять термин лексико-семантический вариант (ЛСВ) [2. с. 23]. ЛСВ представляет собой одно из значений многозначного слова. Появление полисемии в слове связано с переносом его наименования при метафоре, метонимии, синекдохе и при функциональном переносе. Таким же образом развивается полисемия и в конвертированных глаголах. Каждый такой глагол содержит несколько ЛСВ, которые представлены в словарных статьях в линейном виде. Для проведения анализа конвертированных глаголов необходимо перевести линейный вид в структурный.

За основу структуры берётся стеммный вид. Такой вид структурирование компонентов был использован в структурном синтаксисе. [3, с. 24] При создании струк-

туры необходимо использовать компоненты, содержащие все три элемента семантического треугольника Огдена-Ричардса: концепт, денотат и форму. Однако, не все компоненты линейного вида будут переведены в структуру, но только полные. Полным компонентом считается слово, обладающее тремя элементами. Глаголы выражают состояние или действие, что может быть принято как денотат. Прилагательные и наречия передают качество, которое, будучи абстрактным, воспринимается как денотат. Неопределенный артикль показывает количество что и становится денотатом. Предлоги же не могут иметь своих денотатов, так как они используются для переноса действия глагола на объект или для выражения связи или отношения между предметами. Такими свойствами раньше обладали падежные окончания, но с развитием языка они были заменены на предлоги. В связи с этим предлоги не будут иметь графическое отображение в структурах. Однако, предлоги места будут представлены словом «place». Для удобства структурирования вводится оценочный квантификатор «plenty» вместо «a lot of».

Синонимичность в первой структуре объясняется наличием инкорпорированного актанта «pile» в двух видах: как одно целое слово, и в виде составляющих его слов «one thing (on) another thing».

Вторая структура представлена двумя видами, так как значение ЛСВ передаётся близкими по значению глаголами «to put» и «to load». Для определения близости необходимо структурировать линейное значение глагола «to load». Словарная статья даёт значение: «to put a large quantity of things or people onto or into something», что переводится в структурный вид:

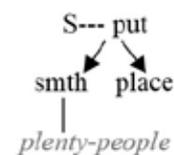
Под влиянием общей семантики ЛСВ данная структура претерпевает ряд изменений. Действия в семантике всего глагола «to pile» направлены на неодушевлённые существительные, поэтому элемент «people» деактивируется. Оценочный квантификатор «plenty» также не активен.

Многочисленный глагол «to pile» содержит в себе существительного «pile». Данное существительное берёт своё начало от латинского слова «pila» со значением каменная плотина. Порядок размещения строительных камней в заградительных сооружениях отразился на семантике существительного «pile» как его характерная черта «on top of each other». Глагол «to pile» имеет три основных ЛСВ, которые также подвергаются переводу в структурный вид исключая предлоги.

- 1) to put things one on top of another; to form a pile
- 2) to put something on/into something; to load something with something
- 3) (of a number of people) to go somewhere quickly without order or control

Первый ЛСВ глагола позволяет создать полностью синонимичные структуры № 1 и № 1а. Второй ЛСВ представлен также двумя структурами № 2 и № 2а, между которыми усматривается синонимичность, достигнутая деактивацией некоторых элементов глагольного ядра. Третий ЛСВ содержит в структуре другой глагол больше элементов для реализации значения.

структура № 2а

Активные элементы глагольного ядра передают общую семантику данного ЛСВ, что легко можно проследить на уровне предложений.

He piled his plate with as much food as he could.

She piled everything into her suitcase.

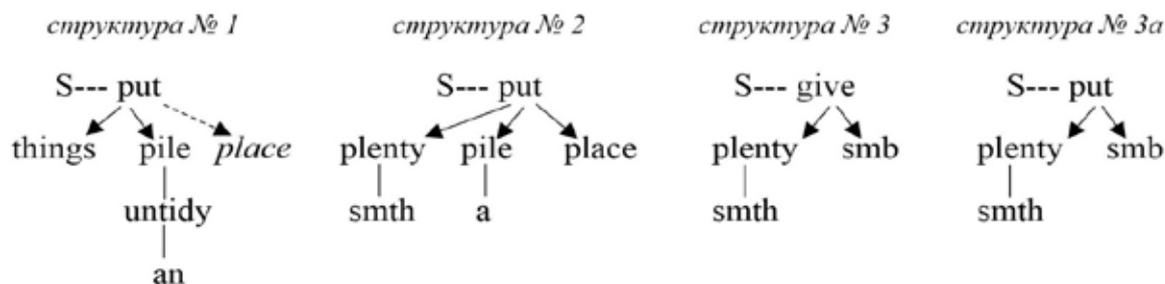
В данных предложениях реализуется действие «to put». Оценочный квантификатор «plenty» в глагольной семантике избыточен и реализуется на уровне предложения «as much food as he could» или «everything».

Проявление инкорпорированного актанта «pile» не замечается во второй структуре. Также не проявляются составные части семантики актанта. Напротив наблюдается устойчивое развитие глагольного действия «to put».

Третья структура построена на основе ЛСВ употребляемого в разговорном стиле. Присутствие инкорпорированного актанта в структуре не замечено. Однако, некоторые составные части семантики актанта «pile» отражены в данной структуре. Например, образ действия «without order» отражает свойства актанта «pile». Глагол

«go» является непереходным, что исключает возможность образования конструкций в страдательном залоге.

Другой многозначный глагол «to hear» имеет в себе существительное «hear», которое в древнеанглийском языке имело значение «куча, большое число, множество» и могло передавать значение «множество предметов или людей». Словарная статья предоставляет три ЛСВ в линейном виде:

Первая структура содержит в себе инкорпорированный актанта «hear» не как единое целое, а как составное, представленное его компонентами: нейтральным словом «pile» и оценочным словом «untidy». В таком виде актанта выполняет функцию образа действия в данной структуре. Семантика данного ЛСВ может содержать место, куда будет направлено действие «put» над объектом «things». В этой структуре действие «put» сразу переходит на объект «things».

Во второй структуре инкорпорированный актанта проявляет себя через составную часть «pile» которая выполняет функцию образа действия. В данной структуре возникает новый элемент, оценочный квантификатор «plenty». Его появление связано с активизацией компонента «множество» в семантике актанта «hear». Через оценочный квантификатор действие глагола «put» переходит на объект. Вторая структура выделяет наличие места, куда будет направлено действие над объектом.

В третьей структуре действие передаётся глаголом «give». Его значение схоже со значением глагола «put», и поэтому его можно заменить как это показано в структуре №3а. При построении линейного вида необходимо также заменить предлог «to» на «on». В результате получается: to **put** a lot of something such as praise or criticism **on** somebody. В самой структуре изменения коснулись только глагола, при этом значение ЛСВ не изменилось. Данное преобразование показывает присутствие глагола «put» в семантике трех ЛСВ. Объектом действия глагола «put» в этой структуре является абстрактные существительные «критика» или «похвала». Действие глагола в этой структуре также переходит на объект только через оценочный квантификатор. Направление действия гла-

гола «put» оформлено на одушевленное существительное. В данной структуре инкорпорированный актанта появился лишь в компоненте «plenty».

Каждый из них подвергается переводу в структурный вид с внесением оговорённых выше изменений. Рассмотрим каждую структуру отдельно.

Проведённый анализ многозначных глаголов «to pile» и «to hear» раскрывает поведение инкорпорированного актанта внутри семантике этих глаголов. Интересно отметить, что для обоих глаголов применяется один актанта «pile», который представлен в своей форме для глагола «to pile», и в составной форме для глагола «to hear».

При этом составная форма содержит оценочный компонент «untidy» придающий неодобительный оттенок семантике глагола «to hear». Следы актанта в семантиках ЛСВ можно отобразить в виде схемы:

для глагола «to pile»
 «on thing on another thing» — «with no control or order»
 для глагола «to hear»
 «an untidy pile» — «pile+plenty» — «plenty»

Составной актанта в семантике глагола «to hear» производит активацию и деактивацию своих компонентов. Это хорошо видно на примере слов «untidy» и «plenty» во второй и третьей структурах. Необходимо обратить внимание на место, в которое направляется действие «put» в многозначном глаголе «to hear». В первой структуре ЛСВ не требует наличия место для совершения действия над объектом. Во второй структуре ЛСВ имеет такое место, которое постоянно появляется при реализации ЛСВ на уровне предложения. А в третьей структуре ЛСВ, местом где совершается действие становится человек.

Поведения инкорпорированного актанта не ограничиваются рассмотренными примерами, что представляет собой интерес для дальнейшего изучения данного явления.

Литература:

1. Смирнова Елизавета Александровна Журнал Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина Выпуск №2/том 1/.2012,
2. Смирницкий, А. И. К вопросу о слове (проблема «тождества» слова) Институт языкознания АН СССР. М 1954.

3. Люсьен Теньер Основы структурного синтаксиса М. Прогресс 1988
4. OED — Online Etymology Dictionary <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 5.4.2015)
5. Oxford Learner's Dictionary <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 5.4.2015)

Использование дискуссии как метода формирования коммуникативных навыков на старшей ступени обучения иностранному языку в средней общеобразовательной школе

Гордиенко Нина Павловна, студент

Научный руководитель: Кузнецова Евгения Павловна, кандидат филологических наук, доцент
Славянский-на-Кубани филиал Кубанского государственного университета (Краснодарский край)

Термин «коммуникативная компетенция» возник как развитие идеи Н. Хомского о лингвистической компетенции — ограниченном наборе грамматических правил, позволяющих порождать неограниченное количество правильных предложений [4, с. 70]. В трактовке понятия коммуникативной компетенции в трудах современных лингвистов и методистов существенных разногласий нет. Так, Е.А. Быстрова определяет коммуникативную компетенцию как «способность и реальную готовность к общению адекватно целям, сферам и ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию» [1, с. 240].

В старшем школьном возрасте связь между познавательными и учебными интересами становится постоянной и прочной, проявляется большая избирательность к учебным предметам, мышление приобретает личностный эмоциональный характер. В этом возрасте школьники легко вступают в спор, склонны противоречить, отстаивать свою точку зрения. Таким образом, в целом данный период является благоприятным для развития диалогической речи и коммуникативности школьников [3].

Дискуссия и является такой организационной формой. Она ведет к органическому слиянию обучения разговорным темам и развитию неподготовленной речи. Обучающий эффект учебной дискуссии определяется предоставляемой участнику возможностью получить разнообразную информацию от собеседников, продемонстрировать и повысить свою компетентность, проверить и уточнить свои представления и взгляды на обсуждаемую проблему, применить имеющиеся знания в процессе совместного решения учебных задач. По характеру проведения дискуссии могут быть стихийными, свободными и организованными.

В мировом педагогическом опыте получили распространение следующие формы дискуссии: круглый стол; заседание экспертной группы («панельная дискуссия», «ток шоу»); техника аквариума; мозговой штурм (brain storming, мозговая атака); диспут; судебное заседание. Что касается этапов проведения дискуссии, то единых требований нет, но, как правило, выделяют 3 этапа: введение в дискуссию (подготовительный), обсуждение проблемы

(основной этап) и подведение итогов (заключительный этап) [2, с. 176].

Во время подготовительного этапа задача учителя состоит в том, чтобы создать необходимые условия для вовлечения учащихся в дискуссию с учетом психологических особенностей этого возраста.

При проведении дискуссии необходимо придерживаться определенных правил:

— «Свобода слова». Каждый участник должен иметь возможность высказать своё мнение, даже если оно отличается от мнения группы.

— «Без потерь». Каждое высказывание, дополнение и уточнение должны быть учтены и внимательно рассмотрены.

— Обсуждаются идеи, а не личности. В ходе обсуждения недопустимо «переходить на личности», навешивать ярлыки, допускать уничижительные высказывания и т.д.

При выборе темы дискуссии необходимо учитывать интересы учащихся. Так, в 10 классе мы предлагаем в качестве опоры текст «Love is Life». Ведь дискуссия становится более оживленной и интересной тогда, когда затронутая тема беспокоит всех ее участников. Кроме того, данный текст можно привязать к темам учебников, наиболее часто используемых в общеобразовательных школах (на основе анализа учебников 10 класса М.З. Биболевой, В.П. Кузовлева, О.Л. Гроза). Например, в учебнике «New Millenium English» (автор О.Л. Гроза) в разделе 4 «The root of all evil?» урок проходит по теме «How materialistic are you?», в которой обсуждаются жизненные ценности. В данном случае можно провести дискуссию о любви как одной из главных человеческих ценностей.

В подготовительном этапе можно выделить несколько пунктов:

— работа с проблемным текстом (чтение, перевод);

— выполнение упражнений на понимание содержания текста;

— обсуждение текста и постановка проблемы;

— освоение дискуссионной лексики.

Отрывок из проблемного текста:

What is love? Even in this advanced age of science, when people conquer space, do the shopping via the Internet, clone animals and transplant organs, they still don't fully understand the nature and purpose of love. There are numerous definitions of love. For example, the dictionary defines love as 'a strong feeling of fondness for another person, especially between members of a family or close friends'. Love is a mixture of complex and extremely powerful feelings. It is a major theme in philosophy, literature, music, poetry and cinematography.

После отработки чтения ученики получают задание — составить предложения с новыми словами и короткие диалоги в парах, чтобы учащиеся в полной мере овладели новой лексикой.

Пример упражнения на понимание содержание текста:

Complete each sentence (A-H) with one of the endings (1–8):

A. Love is a mixture of ...

B. To Robert Sternberg's mind, love is made of some combination of ...

C. Different stages and types of love can be explained by ...

a) different combinations of these three elements;

b) complex and extremely powerful feelings;

c) intimacy, passion and commitment.

Таким образом, выбрав проблемный текст, мы обозначили тему дискуссии — «Love is Life. Is it true?». В дискуссии учащиеся используют клише: I don't agree with you. Let me give an example. It must be admitted, that...

После того как к проведению дискуссии все готово: текст отработан, правила озвучены, можно перейти к следующему этапу — основному, который займет один урок. Перед началом дискуссии учителю необходимо создать атмосферу доброжелательности и внимания к каждому. Безусловным правилом является общее заинтересованное отношение к учащимся, когда они чувствуют, что учитель выслушивает каждого из них с равным вниманием и уважением — как к личности, так и к высказываемой точке зрения.

Заседание круглого стола начинается после вступительного слова ведущего, который обозначает проблему и причину, по которой эта дискуссия проводится. Важно отметить, что подготовиться к дискуссии должен каждый ученик, но выступить с подготовленной речью все не обя-

заны — иначе просто не хватит времени урока. Выступить могут 5–6 учеников (если учесть, что в классе 15 учащихся) по 3–4 минуты, задача остальных участников — дополнять их речь и делать свои выводы на основе их выступления. Для того, чтобы по ходу дискуссии у участников возникали новые идеи, дополняющие ту или иную мысль, мы предлагаем раздать им цитаты и афоризмы о любви на английском языке с переводом:

— One word frees us of all the weight and pain of life: that word is love (Sophocles). Одно слово освобождает нас от всех тяжестей и болей жизни: это слово — любовь (Софокл).

— Love is a serious mental disease (Platon). — Любовь — это тяжелая душевная болезнь (Платон) [<http://audio-class.ru/quotations/quotes11-love.html>].

Задача ведущего на данном этапе заключается в контроле хода дискуссии, исключая оскорбления и изменение текущей формы и в вовлечении ребят в дискуссию.

После того как состоялся обмен мнениями, и все участники круглого стола имели возможность высказаться, начинается заключительный этап проведения дискуссии. После обсуждения проблемы ведущий подводит итоги, повторяя основные высказывания и тезисы.

На следующем уроке учитель подводит итоги проведенной дискуссии, дает оценку деятельности каждого ученика, насколько активно они вели себя во время заседания круглого стола, разбирает с учащимися основные ошибки. Учитель отмечает, была ли достигнута поставленная цель урока и каков общий итог пройденного урока.

В заключение хотелось бы отметить, что дискуссия — это один из самых трудных вариантов интерактивных уроков. Это тяжёлый учебный труд, как для учащихся, так и для учителя. Проведение самой дискуссии в разных вариантах требует максимального напряжения сил учащихся на уроке: внимательно слушать оппонента, уметь тактично и грамотно отреагировать на сложные и на провоцирующие вопросы, сделать нужные и убедительные выводы по своей позиции, приводя разнообразные аргументы и свидетельства. Отсюда вывод: успешной дискуссии всегда предшествует серьёзная работа учащихся по выбранной добровольно ими позиции, подготовка к своей роли.

Литература:

1. Быстрова, Е. А. Обучение русскому языку в школе [Текст]/Е. А. Быстрова. — М.: Дрофа, 2004. — 240 с.
2. Кларин, М. В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии [Текст]/М. В. Кларин. — Рига: НПП «Эксперимент», 1995. — 176 с.
3. Немов, Р. С., Психология [Электронный ресурс]/Р. С. Немов, Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/немов2/08.php (дата обращения: 18.02.14).
4. Стрелова, В. В. Эволюция становления терминов коммуникативная компетенция и коммуникативная компетентность, Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст. [Текст]/В. В. Стрелова. — Мн.: 2009. — Вып. 9. — 102 с.

Особенности антропонимики современной британской литературы: классификация говорящих имен собственных на материале романов Терри Пратчетта (цикл «Плоский мир»)

Громова Дарья Александровна, магистрант
Белгородский государственный научно-исследовательский университет

Подробное изучение имен собственных, обозначающих имена людей началось в 60–70-х годах XX в., которое впоследствии дало начало существованию раздела ономастики, называемого антропонимикой. В нем рассматриваются особенности первоначального происхождения имени, поиск всех возможных вариантов его значения, эволюция, закономерности и функционирование имени. Антропонимика также выявляет особые группы имен собственных в художественном тексте. Наше исследование направлено на изучение особенностей употребления в современных произведениях художественной литературы одной из них — это «говорящие» имена. [1, с. 120]

Основной задачей нашего исследования является выяснение цели употребления говорящих имен собственных в прозе наших дней, так как подробное изучение данной темы находится лишь на начальном этапе, что подтверждается отсутствием большого числа критической и аналитической литературы по многим современным произведениям.

Применение приема говорящие имена в литературе постмодернизма не является характерным признаком этого направления, скорее, наоборот — он появляется в литературных произведениях уже с конца 18 века, и становится со временем очень яркой характеризующей чертой романов эпохи классицизма, а затем и Просвещения. Литературный прием использование говорящих имен не утратил своей особой актуальности, которую многие современные писатели неосознанно отражают, прибегая к определению роли, места, рода занятий, и даже — при акцентировании характера того или иного персонажа своих произведений. [3, с. 5]

Следует, однако, обратить внимание на количественное соотношение использования данного приема в литературе англичан. В этом случае можно пронаблюдать своего рода зарождение «говорящих имён» в середине XVIII века, его постепенное угасание и практическое отсутствие в XIX и начале XX веков, а затем — неожиданное, далеко не сразу отмеченное с точки зрения научно-лингвистического интереса возвращение в литературе позднего постмодернизма (начало XXI века). [5, с. 20–21]

На сегодняшний день применение приема говорящие имена относят, прежде всего, к юмористической и сатирически направленной прозе, в которой он считается наиболее уместным при создании гротескных и легко раскрываемых образов и настроений. [2, с. 30]

Материалом нашего исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых-лингвистов,

посвященные изучению ономастики имен собственных, и тем особенностям современной литературы постмодернизма, которые повлекли за собой различные проявления ономастических приемов, ставших впоследствии характерными для жанра фэнтези и его разновидностей.

Анализ литературы последнего десятилетия подтверждает факт наличия приема говорящие имена не столько в контексте отражения внутреннего мира, характера и психологии личности, сколько о намеренном выделении функциональной особенности того или иного имени собственного, о его практической значимости в контексте структуры произведения. Такими примерами могут послужить романы «Деньги», «Стрела времени» Мартина Эмиса, «Мастер Джорджи» Бэрил Бэйнбридж, «Невероятная частная жизнь Максвелла Сима» Джона-тана Коу и др.

Всвязи с данной теорией актуальной задачей нашей исследовательской работы становится классифицирование современных функционально-значимых говорящих имен в литературе жанра фэнтези вообще, и на примерах из романов британского писателя Терри Пратчетта в частности.

Терри Пратчетт родился 28 апреля 1948 году в Биконсфилде, Бакингемшир. В детстве он не очень любил читать книги, но жизнь его изменилась в 10 лет, когда ему в руки попала книга «Ветер в Ивах». С этим открытием интерес к книгам у мальчика вырос, и он стал проводить все свое свободное время за чтением.

В 1959 году Терри поступил в высшую техническую школу Уайкомб. Первый рассказ «TheHadesBusiness» он опубликовал в школьном журнале в 1961 году, а в 1963 этот же рассказ появился в профессиональном издании. Первый свой гонорар Терри потратил на пишущую машинку.

Вдохновленный своим успехом, в 1965 году Терри Пратчетт уходит из школы в журналистику. Его первый роман «Ковровый народ» («The Carpet People») был написан, когда ему было всего 20 лет. Он продолжил писать, параллельно работая в газете. В 30 лет он бросил журналистику. Когда в 1983 году в издательстве Corgi вышла его четвертая книга, «Цвет Волшебства» — блистательный юмористическо-фэнтезийный роман, с которого начался грандиозный цикл бестселлеров «Discworld» («Плоский мир»), насчитывающий сейчас несколько десятков книг, он понял, что писать — это его призвание, и начал писать, писать, писать...

Романы из серии «Плоский Мир» нацелены на взрослую аудиторию, но и дети с удовольствием читают

их. Они были переведены на 21 язык и проданы общим количеством более 10 миллионов экземпляров по всему миру. Каждая новая книга из серии «Плоский мир» раскупается уже в первую неделю продаж в количестве 500 тысяч экземпляров, и это только в Англии. По данным статистики, Пратчетт на протяжении 90-х годов является самым читаемым в Великобритании автором. Его книг, изданных в твердой обложке, продано больше, чем у любого другого живущего ныне писателя. По некоторым оценкам, его книги составляют примерно 1% от всех книг, проданных в Великобритании.

За вклад в литературу он удостоен в 1998 году звания Кавалера Ордена Британской Империи, а в 2008 году — рыцарского звания. Однако печальным событием 2015 года стало известие о кончине сэра Терри Пратчетта 11 марта. Он ушел из жизни в кругу любящей семьи, его труды не останутся забытыми ни поклонниками его авторского таланта, ни исследователями в области литературы. [8, с. 1–2]

Многогранность толкований имен у Терри Пратчетта связана с разносторонними взглядами на его фантастически реальный, ирреально построенный мир — поэтому и мы в своей классификации ссылались лишь на одно из проведенных исследований, посвященное говорящим именам и их происхождению.

Классификация имен собственных на основе антропонимики романов Терри Пратчетта «Вещие сестрички», «Цвет волшебства», «Стража, стража!», «Санта-Хрякус» выглядит следующим образом:

1. Имена собственные, построенные на каком-либо художественном приеме — антономасия, оксюморон, олицетворение. Например, образование говорящих имен на лексическом уровне происходит при помощи художественного приема антономасия, переносящего значение нарицательного слова на место собственного, при этом названному таким образом человеку могут приписываться качества и свойства нарицательного объекта. Также в нескольких примерах говорящих имен Пратчетта мы находим отражение художественного тропа олицетворение — когда именем человека — персонажа становится явно неживой предмет. Данный троп в свою очередь приносит элемент противодействия, т.е. настраивает читателя на оценку данной личности по предмету.

- Mrs. Cake — антономасия/олицетворение
- Magrat Garlick — антономасия
- Brick — вещь предмет, антономасия
- Doughnut Jimmy — олицетворение/антономасия

Литература:

1. Антропонимика/Под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской: 5е изд. [Текст]/В.А. Никонова, А.В. Суперанская. — М.: Наука, 2003. — 330 с.
2. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур [Текст]/Д.И. Ермолович; — М.: Р. Валент, 2001. — 133 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. 2-е издание [Текст]/Ж. — Ф. Лиотар. — М.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя, 2010

2. Имена собственные составные (с функцией говорящих) — представлены несколько примеров, основа слова — профессия, какой-либо род занятий, или некое природное явление. Чаще всего персонаж и его деятельность связываются с данным словом, и оно приобретает качество имени собственного Rincewind — (wind) — на основе природного явления — олицетворение. Esmerelda Weatherwax (Granny) — составное + на основе природного явления + антономасия, Gytha Ogg (Nanny) — антономасия (чаще названа не по имени, а по роду занятий — он становится нарицательным именем).

3. Имена собственные, имеющие в своей основе происхождение или материал, из которого кто-либо состоит. В этой группе выделяются несколько имен собственных, чаще всего это — составные существительные, образованные на основе словосложения, либо при помощи приёма игра слов.

— Zlorf Flannelfoot — имя представляет собой игру слов, фамилия образована словосложением (в основе лежит прием антономасия)

— Doc Pseudopolis — игра слов

— Rufus Drumknott — антономасия

— Carrot Ironfoundersson — словосложение (на основе приема антономасия)

— Cherry Littlebottom — имя — антономасия, фамилия — словосложение. [7, с. 1–5]

Отдельного внимания также заслуживают следующие имена собственные, которые мы определили в особую группу, предположительную основу которых представляет собой различная терминология из разнообразных сфер науки, медицины, и т.п. Примерами имен собственных этого качества у Терри Пратчетта могут стать следующие персонажи романов серии «Тиффани Болит»: Tiffany Aching, Miss Perspicacia Tick, Annagramma Hawkin.

Подобные имена собственные способны составить базу для дальнейших исследований антропонимики современной литературы. На наш взгляд, такое исследование должно проходить в рамках более расширенного списка авторов и произведений, а также опираться на то определение термина, которое будет максимально связано с жанровыми особенностями, спецификой образа персонажа, что и будет доказательством новаторского подхода к образованию имен собственных в области антропонимики, и, возможно, станет поводом для продолжения поиска новых путей в разделе ономастики как в современной литературе, так и в последующих поколениях художественной литературы многих стран.

4. Названова, И. А. Концепт «ирреальность» в семантическом пространстве русского языка. Автореферат на соискание степени к. ф. н. Таганрог, 2006.
5. Хьюитт, К. Современный английский роман в контексте культуры. Комментарий как форма преподавания//Вопросы литературы. [Текст]/2007, №5
6. Wagner, H. P. A History of British, Irish and American Literature. [Text]/H. P. Wagner; — Trier, 2003, p. 194.
7. <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/10436611/Top-Ten-Terry-Pratchett-Discworld-characters.html>
8. <http://www.pratchett.org/>

К вопросу о значении имени собственного в современной лингвистике

Денисова Надежда Валентиновна, студент

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В данной статье рассматривается вопрос о значении имени собственного в рамках современной лингвистики. Автор анализирует концепции русских и зарубежных ученых, занимающихся изучением данной лексической единицы.

Ключевые слова: значение имени собственного, компонент значения, концепция, референт, лексическая единица.

The article considers the problem of the meaning of proper names in the modern linguistics. The concepts of Russian and foreign scientists dealing with the study of this lexical unit are analysed; the components of meaning of the proper names are determined.

Key words: meaning of proper name, component of meaning, concept, referent, lexical unit.

Уже много лет имена собственные являются объектом исследования ученых, которых интересуют такие вопросы как происхождение и сущность имен собственных, их связь с окружающим миром, с историей и традициями людей.

Языкознание является далеко не единственной наукой, которая изучает имена собственные и их функции. Особый интерес к данной лексической единице проявляют также генеалогия, литературоведение, этнография, история и ряд других наук.

В настоящее время ономастика (от греч. *onomastike* — искусство давать имена; *onomastikos* — относящийся к имени), то есть раздел языкознания, который занимается изучением имен собственных, приобретает огромное значение. Появляются различные книги, посвященные загадкам имени собственного, издается огромное количество словарей личных имен и фамилий, а также публикуются разного рода научные статьи. Необходимо заметить, что ономастика, как наука, входит в круг вопросов, которые находятся в ведении философии языка. Это особая область философской мысли, была выделена западными философами Л. Витгенштейном и В. Расселом из глубин общей, онтологической проблематики Гумбольдта.

Именем собственным могут обладать люди, животные, организации, компании, географические объекты, и другие разнообразие объекты. К именам собственным можно отнести названия фильмов, книг, песен и других произведений искусства и литературы.

В настоящее время можно найти множество определений имени собственного. Однако наиболее полным в ономастике можно считать определение, данное О.И. Фоянковой. Она относит имя собственное к всестороннему функционально-семантическому классу имен существительных, главной функцией которых является выделение и определение отдельных предметов, выражающих единичные понятия и целые представления о данных предметах в языке, речи и т.д. [13]. Другими словами имена собственные можно охарактеризовать как слова или словосочетания, основной задачей которых является указание на конкретный объект или явление и выделение его из ряда подобных.

В дополнение к данному определению следует отметить утверждение Н.И. Формановской в отношении имен собственных: «...можно заключить, что имя собственное — это своеобразная лексема с богатым содержанием» [14].

Наличие или отсутствие у имени собственного значения называют одним из главных признаков данной лексической единицы. Вопрос о наличии значения вообще или отдельных его элементов у имени собственного имеет долгую историю и стал одним из основных тем в трудах по ономастике. По словам М.Э. Рут, «несмотря на постоянные споры о лексическом значении собственных имен, мнений остается столько же, сколько спорщиков» [11].

В.Г. Гак определяет значение как содержимое слова, которое отражает и фиксирует в нашем сознании представление о предмете, явлении или свойстве [4]. Из данного определения видно, что термин «значение» совпадает

с термином «понятие», которое применяют и в исследованиях по логике, и в работах по лингвистике, если речь идет об описании содержательной стороны знаков. Ю.С. Степанов определяет понятие как мысль, которая отражает в общем виде предметы и явления действительности при помощи фиксирования их отношений и свойств, выступающих как общие и отличительные черты, соотносящиеся с классами предметов и явлений [12].

Как утверждает М.В. Никитин, для имени собственного характерна функция, свойственная знакам, т.е. они могут использоваться как заменители реальных объектов [8]. Так как имя собственное является знаком, у него есть определенное значение. Однако, проблема значения имени собственного все еще остается предметом многих дискуссий.

Согласно А.Д. Васильеву, причиной данного затруднения является так называемая двойственность имен собственных, т.к. хотя, они не обладают полным лексическим значением, тем не менее, имена собственные выступают как идентификаторы, благодаря которым можно различить их носителей [2].

Разные мнения ученых по поводу проблемы значения имени собственного можно выразить в трех концепциях.

Первая концепция — это полное отрицание того, что имя собственное обладает значением. Она восходит к работам английского философа Джона Милля. Согласно его мнению, основной задачей всех имен является номинация предметов, однако не всем предметам необходимо уникальное название, которое, при этом, теряет свою смысловую нагрузку. Ученый утверждает, что основная сущность имен собственных в том, что они только указывают на объект, но ничего о нем не сообщают [7]. Данной концепции придерживаются А. Гардинер, Б. Вигго, и другие ученые, которые рассматривают имена собственные как «полые», «пустые», «ущербные», «асемантическим» слова. Однако данные мнения основаны на недостаточном словарном материале, в котором остаются без внимания такие особенности имен собственных, как неоднородность их содержимого на уровне речи и языка, а также особенности всех функций данного класса имен. Д.И. Руденко в одном из своих трудов утверждает, что логическая категория так называемых «пустых имен» не может применяться к языку, так как у «пустого имени» отсутствует естественный языковой статус [10].

Согласно второй концепции имя собственное приобретает значение только в речи, в конкретной ситуации, где оно непосредственно соотносится с референтом. Данной концепции придерживаются Н.Д. Арутюнова, М.В. Никитина Е.В. Падучева, А.В. Суперанская и другие. По мнению О. Есперсена, при определении имени собственного контекст играет основную роль, потому что «когда имя собственное используется в живой речи, оно обозначает только одно определенное лицо и ограничивается только им». Кроме того, по мнению ученого, имена собственные не только называют предмет, но также обозначают его характерные черты и свойства. Это имеет место в речевой си-

туации, когда употребляется имя и «у слушателя возникает образ ряда свойств данного лица» [6]. Однако, необходимо заметить, что иногда имя собственное употребляется безреферентно. Например, в предложении «Мне нравится имя Джек», имя собственное Джек, которое обычно обозначает конкретного человека, обладающего определенными чертами, не имеет референта.

Согласно третьей концепции имя собственное обладает языковым значением особого типа, которое противопоставлено значениям других разрядов. Данной концепции придерживаются М. Захарова, Ю. Крапенко, Л. Щерба и другие ученые, по мнению которых, у имен собственных есть значение, как в речи, так и в языке, однако, оно принципиально отличается от значения нарицательных имен. В.Д. Бондалетов полагает, что, будучи единицей языка, имя собственное имеет те же компоненты значения, что и имя нарицательное, однако тот факт, что их качество в имени собственном настолько необыкновенно придает им языково-речевую специфику и относит их к отдельной подсистеме в пределах общей лексико-семантической языковой системы [1].

Тем не менее, на современном этапе многие ученые рассматривают имя собственное как полноценный знак, который обладает и денотатом, и сигнификатом как на уровне речи, так и на уровне языка.

Как утверждает В.А. Никонов, у имени собственного следует различать три формы значения:

- 1) этимологическое, т.е. до-антропоцентрическое;
- 2) антропонимическое и
- 3) от-антропоцентрическое [9].

По мнению И.А. Воробьевой имена собственные имеют смысловой состав, состоящий из трех компонентов значения: денотативного, сигнификативного и структурного [3]. Ф. Данилина разделяет мнение И.А. Воробьевой, обращая внимание на такую особенность имен собственных как бинарность языкового (общего) и речевого (частного). В языке имя обнаруживает общее понятие, в речи — конкретное, частное.

Таким образом, если признать имена собственные как равноправные с именами нарицательными лингвистическими знаками, основной задачей которых является выделение индивидуального в языке из общего и которые обладают лексическим значением, то встает вопрос о том, из каких компонентов состоит значение имени собственного. Согласно Д.И. Ермоловичу в значении имени собственного можно выделить четыре компонента:

- 1) бытийный, или интродуктивный, т.е. существование и предметность обозначаемого. Данный компонент является общим, как для собственных словесных знаков, так и для нарицательных и представляет собой такую свёрнутую информацию, как: «Существует такой предмет»;
- 2) классифицирующий, т.е. соотносительность предмета с определённым классом, который называется денотатом имени. Данный компонент представляет собой такую свёрнутую информацию, как: «Этот предмет — человек (растение, дом и т.д.)»;

3) индивидуализирующий, т.е. использование данного имени для названия одного из предметов в пределах денотата. Бытийный, классифицирующий и индивидуализирующий компоненты представляют собой такую свёрнутую информацию, как: «Существует такой человек, которого называют Томом»;

4) характеризующий, т.е. набор признаков референта, который позволяют собеседнику понять, о чём или о ком идёт речь. Если говорить, например, об имени собственном Ниагара, то данный компонент представляет собой такую свёрнутую информацию, как: «Эта река, протекающая в Северной Америке, которая соединяет озера Онтарио и Эри» [5].

Являясь единицей языка — словом или функционально похожим на него словосочетанием, имя собственное обладает всеми вышеперечисленными компонентами, однако, в сравнении с соответствующими компонентами значения имен нарицательных, их качество несколько необычно, что и определяет языково-речевую специфику имен собственных и относит их к особой подсистеме, которая находится в пределах общей лексико-семантической системы языка.

Таким образом, вопрос о значении имени собственного, является одним из самых острых в современной лингвистике. Ответ на данный вопрос даст возможность решить многие актуальные лингвистические проблемы, которые в настоящее время стоят перед учеными.

Литература:

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
2. Васильев, А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены: учебное пособие. — Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. — 176 с.
3. Воробьёва, И.А. К вопросу о лексическом значении имён собственных. Актуальные проблемы лексикологии/И.А. Воробьёва. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1971.
4. Гак, В.Г. Лексическое значение слова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание/гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Рос. энцикл., 2000. — 685 с.
5. Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р. Валент, 2001. — 200 с.
6. Есперсен, О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 400 с.
7. Милль Дж.С. Система логики символической и индуктивной. — М.: Леман, 1914. — 482 с.
8. Никитин, М.В. Основания когнитивной семантики. — СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. — 277 с.
9. Никонов, В.А. На пути к теории собственных имен // Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966. — СЛ2—13.
10. Руденко, Д.И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. — 1988. — №3. — с. 55—68.
11. Рут, М.Э. Антропонимы: Размышления о семантике // Известия Уральского государственного университета. 2001. №20.
12. Степанов, Ю.С. Понятие/Ю.С. Степанов // Большой энциклопедический словарь. Языкознание/гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Рос. энцикл., 2000. — 685 с.
13. Фоякова, О.И. Имя Собственное в художественном тексте. Учеб. пособие/О.И. Фоякова: ЛГУ, 1990. — 103 с.
14. Формановская, Н.И. Имя человека в аспекте «Язык и культура»/Н.И. Формановская // Слово и текст в диалоге культур. — М., 2000. — с. 279—293.

Концепт «добро» во фразеологической картине мира

Долгополова Мария Владимировна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В статье рассматриваются фразеологизмы с компонентом 'добро'; в результате делается вывод о том, какие ситуации они иллюстрируют и какие представления о добре в них отражены.

Ключевые слова: картина мира, добро, фразеологизмы, человек, ситуация.

Фразеологическая картина мира является частью языковой картины мира и отражает национально-культурное сознание народа. Частью плана содержания идиомы является образная составляющая [3, с. 74], по-

скольку мотивантом значения фразеологизма является ситуация. Свойства и признаки объективной действительности кодируются в плане содержания фраземного знака и трансформируются в момент взаимного взаимо-

действия [1, с. 36]. Таким образом, фразеологизм — это минитекст, который необходимо расшифровать. Фразеологическое значение отличается от лексического, так как генетически восходит к понятийному содержанию, которое включает в себя «лишь минимум различительных черт, достаточных для того, чтобы закрепленный за ним знак приобрел общественную значимость» [1, с. 112–113]. Языку не хватает слов, которые только квалифицированно дублируют уже рационально познанное и закрепленное в языке понятие или явление [4, с. 8], поэтому и появляются фразеологизмы, которые «служат не только для наименования вновь познанного объекта, сколько для нового, экспрессивно-эмотивного обозначения уже существующего» [1, с. 113]. Кроме того фразеологические единицы диктуют человеку некоторую модель поведения, которой он должен придерживаться в разных жизненных ситуациях.

Проанализируем фразеологизмы с компонентом 'добро' и выясним, какие ситуации они иллюстрируют и какие представления о добре в них отражены.

Проанализировав словарные статьи лексем **добро** и **добрый**, а также анализ философских исследований природы добра, представленный в работе Н.Д. Арутюновой «Типы...» [2], мы выяснили, что в русском языковом сознании существует несколько форм добра: этическая, гедонистическая, утилитарная и эстетическая.

Фразеологизмы первой группы служат средством обозначения этического представления о добре. В данном случае добро исходит от человека, выражается в его намерениях, желаниях, словах и поступках. Добрые поступки, слова возникают **от доброго сердца**: *Вот сам и еще один секрет долголетия — здоровая пища и стакан доброго вина, выпитый с добрым человеком под добрые слова, сказанные от доброго сердца* [Наталья Сухина. *Море, горы и хороший характер* (2000) // «Семья», 2000.01.19]. Если же намерение недоброе, употребляется фразеологизм **не с добра** 'не по хорошему, а по злему, коварному умыслу': *А и через Дон перешли наши тогда не с добра — кто ж по охоте станет на битву так, чтоб обрезать себя сзади рекою?* [А.И. Солженицын. *Захар-Калита* (1965)]. Стоит отметить, что поиск в Национальном корпусе русского языка дал только семь документов, содержащих фразеологизм **не с добра**.

Добро и зло проявляются в морально-нравственных качествах человека: положительных или отрицательных. Сущность доброго человека в русском языковом сознании характеризуется фразеологизмами с компонентами 'душа' и 'сердце': **большого сердца, большое сердце, душа нараспажку**.

Часть фразеологизмов с компонентом 'добро' связана с благополучным исходом, концом, успешным завершением дела: **к добру**: *Тут даже пугливый Яков Борисович понял: затворничество, забавы с игрушками и ничегонеделанье к добру не приведут* [Борис

Евсеев. *Евстигней* // «Октябрь», 2010]. Чаще употребляется антоним данного фразеологизма **не к добру**: *«Дурак стреляет, Бог пули носит» — что-то меня последнее время в народную мудрость заносит — не к добру это* [Виктор Астафьев. *Обертон* (1995–1996)].

Фразеологические единицы предписывают человеку соответствующее поведение или предостерегают от каких-либо действий. Например, фразеологизм **доводить (довести) до добра** указывает на кого-либо (или что-либо), кто (или что) не приведет к хорошему: *Так ведь Витте задолго до краха предупредил его по-дружески, что меценатство за казенный счет до добра не доведет* [Георгий Елин. *Фиаско тайного советника* (2004) // «Вокруг света», 2004.06.15].

Утилитарную модель представляет фразеологизм **всякое добро** со значением 'о собрании, смешении разнородных предметов, вещей и т.д.': *Скобочкин открыл внесенный в светлицу сундук и стал швырять из него на девичью постель всякое добро* [В.Я. Шишков. *Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3* (1939–1945)].

Оценку человеком какой-либо ситуации выражает фразеологизм **куда с добром** со значением 'очень хорошо, прекрасно': *Телку за 130 рублей сдали в совхоз — разбогатели — куда с добром!* [Валентин Распутин. *Прощание с Матёрой* (1976)]. Примеры показывают еще одно, утилитарное, значение фразеологизма — 'много, в изрядном количестве': *Кидайте, кидайте, ребята, грейтесь. Тут этого хламу куда с добром! Сколь по островам да по суземью хороми трухлявится, совы живут...* [Евгений Носов. *И уплывают пароходы, и остаются берега* (1970)].

Фразеологизм **подобру-поздорову** имеет два значения. Первое отражает связь добра с счастьем, благополучием. Данное значение считается устаревшим [6], и примеров в Национальном корпусе русского языка мы не обнаружили. Второе значение 'по-хорошему, по доброй воле, без скандала, пока не заставили силой или пока не случилось чего-либо плохого' содержит в себе скрытую угрозу: *Не пожалела: Иди, — говорит, — подобру-поздорову. Я и пошел: в Зюзино ночевать к приятелю — в аспирантскую нашу общагу* [Александр Иличевский. *Бутылка* (2005) // «Зарубежные записки», 2008].

Таким образом, можно сделать вывод, что фразеологизмы, во-первых, привязаны к определенной ситуации (угроза — ссора, получение хорошей новости и т.п.), во-вторых, эксплицируют этическую, утилитарную, телеологическую модели добра, в-третьих, прописывают поведение человека в тех или иных ситуациях и, в-четвертых, дают оценку различных ситуаций. К тому же фразеологизмы могут соединять в себе противоположные оценки (см. **куда с добром, подобру-поздорову**), причем «побеждает» обычно этическая.

Литература:

1. Алефиренко, Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого воздействия). — Астрахань, 2004. — 296 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. — 341 с.
3. Добровольский, Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. с. 71–93.
4. Лавров, В. И. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы: Учебное пособие. Новгород, 1992. — 90 с.
5. Национальный корпус русского языка. — www.ruscorpora.ru
6. Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова. — М., 1986. — 543 с.

Некоторые размышления, относящиеся к применению сослагательного (условного) наклонения

Ибрагимов Латафот, старший преподаватель
Джизакский государственный педагогический институт имени Абдуллы Кадыри (Узбекистан)

Известно, что объективная научная трактовка лексического, семантико-грамматического, стилистического построения слова считается одной из важных основ для развития национальной идеологии и наших идей.

В данной научной статье мы предложим мнения и размышления касающиеся условного наклонения и его применения. В литературе сослагательному (условному) наклонению приводится следующее определение:

Действие и ситуация в которых есть условие для выполнения или невыполнения другого действия-ситуации, а также, форма глагола выражающая желание-побуждение считается сослагательным (условным) наклонением и он создаётся при помощи частица — **бы**. [1, 88]

Частица сослагательного (условного) наклонения присоединяется перед аффиксами личностно-количественного глагола, и после аффиксов относительного, положительного отрицательного форм глагола.

Глаголы сослагательного (условного) наклонения выражают действие условно поставленное перед выполнением какого-то действия. Глаголы этого наклонения возникают с помощью частицы — **бы**. Глаголы в форме частицы сослагательного (условного) наклонения выражают значения присущие повелительному наклонению как чистое условие, желание-побуждение, просьбу, совет, предположение, момент. [2, 161]

Учёный языковед Абдурауф Фитрат изложил следующие мысли о сослагательном (условном) наклонении:

Кто работает, тот ест.

Кто ищет, находит.

Если не будет снега, будет свадьба.

По предложениям приведенным выше видно, что: есть (еда) и работать, находить и искать, свадьбы со снегом связаны между собой.

Глаголы по своему смыслу обозначающие одно действие другим действием являются «условными глаголами».

Условные глаголы создаются следующим образом: при помощи соединения к повелительному наклонению частиц «са-санг» создаётся первая форма условного глагола.

Yoz	Yozma
yozsa	yozmasa
yozsam	yozmasam
yozsang	yozmasang
yozsalar	yozmasalar
yozsoq	yozmasoq
yozsangiz	yozmasangiz

Если пятая форма условного глагола *yozsoq* — *yozmasoq* узбеки Ташкента в место этого говорят *yozsamiz*, *kelmasamiz*, *kelsamiz*. Хотя это один раз используется местными меньшинствами это старое, историческое использование.

Хотя шестая форма условного глагола *yozsangiz*, *yozmasangiz*, у нас используется в форме *yozsanglar*, *kelsanglar*.

Не зная связанность другого дела к нему условный глагол даёт значение несложного, если сам использует значение «надежды-желания».

Если человек достигает цели желанной душой,

Или все желания отвергнет он.

Если эти два достижения не умрут,

И уйдет стремглав куда-то. (Бобур)[3, 157]

В некоторых учебниках и пособиях и наклонения условия и цели отмечаются отдельно. Глагол с частицами — (а) *r*, — *mas* в сослагательном (условном) наклонении к производному причастию *edi* возникает присоединением

неполного глагола и выражает действие связанное с другим выполняемым действием: *U kelsa, sen borar eding.*

Из выше сказанных мыслей следует, что условное наклонение означает условно поставленного действия перед исполнением другого действия. Выполнение другого действия или невыполнение зависит от выполнения или невыполнения действия означающего глагол в форме условного наклонения.

Например:

Если этот канал доделают, начнётся освоение новых земель. (А. Каххар).

Если Эртоев не почувствовал бы чего-то, так бы не волновался. (О. Ёкубов).

Показанное значение служит основой для названия этой формы «условное наклонение», «форма условного наклонения». В этом значении форма причастия созданное с аффиксом *-gan* с придаточным места тоже используется: *Cho'loq turna uyaga kirolmaganda, ota-turna unga parvosiz qolaverar edi.* (Ш. Холмирзаев)

С причастием прошедшего и настоящего времени глаголом созданным в форме условного наклонения при помощи *bo'l* может означать окончание в одно время или продолжение действия: форма в виде *kelgan bo'lsa, ketayotgan bo'lsa* не показывает отношение в процессе речи. Выполнение действия определяется в отношении другого времени и отношение к нему в прошедшем или настоящем времени зависит от того времени. Значит, они считаются формой относительного времени. Аффикс *-sa* выражающее значение условия с глаголом *-sa edi* может использоваться с неполным глаголом. Но и неполный глагол *edi* здесь не участвует в качестве выражающий время. Здесь форму, создаваемую при помощи *-sa edi* различающее свойство, прежде всего, может быть в зоне применения. При применении аффикса *-sa* сказуемое предложения может применяться во всех видах наклонения:

Xabar kelsa, menga ayt.

Xabar kelsa, menga aytar edi.

Xabar kelsa, menga aytmoqchi.

Xabar kelsa, menga aytadi.

Если сказуемое придаточного предложения созданное в форме при помощи *-sa edi*, сказуемое главного предложения при помощи *-sa edi*, сказуемое главного предложения может применяться только в условном наклонении. *Xabar kelsa edi, menga aytar edi.*

Кроме этого, при применении созданной формы при помощи *-sa edi*, нередко отмечается выполнением или невыполнением действия в неопределённой форме.

Например: *Tuzalsa edi odamlardek yura olsa edi, boshiga ko'tarardi.* (С. Ахмад).

Форма в виде *borsam, kelsang, aytsa, so'rasak* не имеющих никаких указателей времени условного наклонения не имеет значения времени и не рассматривается в качестве формы времени.

Форма аффикса *-sa* глагола означает значение условия, выполнение действия не ясно говорящему, то есть говорящий не знает его.

Например: формы *kelgan bo'lsak, kelayotgan bo'lsa, kelsa* говорящий не знает выполнение, невыполнение действия. Если выполнение действия известно говорящему, то форма выражающая значение условия не при соединяется. Значение похожее на условное наклонение с аффиксом *-gan* и *-r*, выражается через применение неполного глагола *ekan*.

Например: *Qayerdaki omma o'rtasida g'oyaviy va siyosiy tarbiyaviy ishlar bo'sh qo'yilgan ekan, ana shunday «bo'sh joylarda» eskilik sarqitlari ildiz otaveradi. Biz ishlab chiqan mebellar uylaringizni qanchalik yaxshi bezatar ekan, biz shunchalik xursand bo'lamiz.* (Из газет).

Время может прийти в функции сказуемого придаточного предложения.

Здесь выражается в значении времени: *Ertalab degazadan qaragam, hammayoq orpoq...* (Айбек.)

Если форма условного наклонения используется с показателем времени *-yot* (*kelayotsa, ishlayotsa kabi shakl*) всегда применяется в значении времени.

Например: *Bir kuni ko'chada ketayotsam, Umri bir bosh uzum ko'tarib kelayapti.* (А. Каххар).

Для выражения со значением настоящего времени действия в виде условия обязательно применяется вспомогательным глаголом *bo'l*.

Сравните: *borayotgan* (время) — *borayotgan bo'lsa* (условие), *ishlayotsa* (время) — *ishlayotgan bo'lsa* (условие).

Означает смысл желания. При выражении этого значения могут применяться в функции сказуемого простого предложения или главного предложения сложного предложения:

Sizning eshigingizga kirsam, beodoblik bo'lsada, oynadan qaragam. (Сайёп).

Sekin po'stini archsang, og'zingga solib, tiling tanglayingga bossang-u, suvini qult-qult yutsang. (А. Каххар)

В простых или сложных предложениях разного вида выражает причину и значение близкое к причине: *Yo'q, birda-ikkida xat yozmagan bo'lsam, uyat bo'ladi.*

Значение причины выражается и с помощью форм *-gan ekan, — r ekan*: *O'z ixtiyorimiz bilan bu vazifani bo'yunimizga olgan ekanmiz, turmushimiz ham farovon bo'luyi shart.* (Ш. Рахман).

Выполнение или невыполнение действия выражается противоречием к выгоде (желанию). Здесь при выполнении или невыполнении действия заинтересованный (личность желающий его) оказывается в безысходном положении, то есть невыполнение действия не зависит от него: *Yo'q deb aytsam, ishonmasanglar. Nima qilay, Niyoz aka! Kulib kulolmasam, yig'lab — yig'lolmasam.* (Б. Рахманов).

В предложениях со словом с отрицательной частицей *-ki* выполнение-невыполнение действия, выражается значение недопущения случая-действия означенное словом в отрицательной форме: *Axir yangi kelgan emassizki, tartibni bilmasangiz.* (С. Ахмад).

Слово означающее противоположный случай может быть в форме отрицания. Но его принадлежность в отри-

цательному содержанию замечается по значению текста и это слово применяется с частицей *-mi*: Sen yosh bol-amisanki, oying bilan maslahatlashsang. (О. Ёкубов).

При применении с частицей *-chi*, выражаются значения присущие форме приказа, намерения глагола: Вууоққа келсангиз-chi, quda, birpas chaqqonlashaylik (А. Каххар).

Marasul aka, mashinagizga solib bir aylantirib kelsangiz-chi. (А. Каххар).

Глагол с аффиксом *-sa* служит для сравнения, означающим значения место, связать придаточное предложение с главным предложением в сложных предложениях: Shariatning yo'li ko'p ekan, bitta berk bo'lsa, to'rttasi ochiq. (А. Каххар). Qayerdan o't ochilsa, o'sha yerga granata yog'dirildi.

Глагол с аффиксом *-sa* частица *-chi* или *-gani* (qani endi) соединяется со словом, выражает отрицание. В этих

случаях слово завладевает своеобразной интонацией: Qani endi bu maslahatga ko'nsa! Uzukun «Yurtning otasiman» deb og'zini ko'pirtiradi-yu, arz bilsan borsangiz qo'lingizga qaraydi. Yurt parvoyiga kelsa-chi! Hali ketyapmiz, hali ketpaymiz qani lolazor ko'rina qolsa.

Глагол с аффиксом *-sa* участвует при создании и аналитических форм нескольких видов: ko'nsa kerak, olsa bo'ladi, bormasang bo'lmaydi, ketsa-ketsin kabi.

Значение таких аналитических форм возникает при совокупности значений в вспомогательного слова при соединенной глаголом с аффиксом *-sa*.

Вывод может один что условное наклонение выражает условное значение. Его применение в разных формах также в разных местах в одном ряду с условным значением может быть основой и для возникновения значений указанных выше.

Литература:

1. Н. Махмудов, А. Нурмонов и другие, *Узбекский язык (учебник для 6-классов)*. Ташкент: Тасвир, 2009.
2. М. Аскарлова, Р. Юнусов и другие, *Практикум узбекского языка*, Ташкент-2006.
3. А. Фитрат, *Избранное*, IV том. Ташкент: Маънавият, 2006.

Роман Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» в оценке русской критики

Кондрыкина Наталья Владимировна, заместитель директора по научно-методической работе
Вологодский центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, имени В. А. Гаврилина

Изучение интерпретации классических образцов русской словесности, ставшее во второй половине XX века неотъемлемой частью отечественного литературоведения, открывает перед исследователями ряд перспектив.

История оценки литературного текста читателями и критиками разных эпох расширяет диапазон его возможных толкований; позволяет осмыслить художественное произведение с большей объективностью и достоверностью; характеризует литературную жизнь конкретной стадии культурного развития, в которой оно функционирует; оттеняет социально-философский характер эпохи и ее этико-эстетические нормы.

Очевидно, что степень актуализации художественного наследия писателя с течением времени меняется, меняется и сам подход к интерпретации созданных писателем образов, сюжетов, системы идей. Доказательство тому — анализ творчества Ф. М. Достоевского исследователями XX и XXI вв. Достоевистика или достоевсковедение (в современной критике приняты оба термина как равнозначные) на протяжении своего существования накопила богатый опыт, требующий осмысления. Актуальность данного вопроса предопределена и тем, что многие художественно-философские вопросы в русской литературе, философии и культуре в целом восходят к творчеству

Ф. М. Достоевского — одного из самых «востребованных писателей мира» [2;17].

По справедливому замечанию редактора сборника «Достоевский и XX век» Т. А. Касаткиной «Достоевский пророс в жизни XX века, судьбах и творчестве писателей и поэтов, философов и литературоведов ... Достоевский понимается через XX век, но и XX век понимается через личность и творчество Достоевского» [16;21].

Литературоведческих работ о творчестве Ф. М. Достоевского создано достаточно много. Охватить все работы, посвященные творчеству этого писателя, невозможно. Однако в ряду исследований, неизменно выделяются работы С. С. Борщевского, Н. Ф. Будановой, И. Л. Волгина, А. Г. Гачевой, Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, В. Н. Захарова, В. Я. Кирпотина, В. И. Кулешова, П. А. Кускова, Д. С. Лихачева, К. Н. Ломунова, Л. М. Лотман, Р. Г. Назирова, В. А. Туниманова, Е. В. Тюховой, Г. М. Фридлендера, Г. К. Щенникова. Список этот можно было бы продолжить, но и он демонстрирует неоднолинейность развития достоевистики, которую во многом можно объяснить вне-литературными факторами.

Анализ критической литературы, накопившейся со времени выхода в свет первого романа Достоевского, позволяет установить основные тенденции изучения творчества писателя, которые, в свою очередь, отражают главные на-

правления русской общественной мысли того или иного периода истории.

С середины 1950-х годов до конца 90-х литературоведы вели работу в направлении приближенного к мировоззрению самого писателя понимания ведущих особенностей его метода, выросшего из недр предшествующей литературы и вместе с тем по-новому утверждающего синтез мира и полифоническую структуру личности. Литературоведы все точнее и глубже осмысливали проблемы «универсализма», «двоемирия», «синтетизма», «полифонизма» [9;23] в творчестве Ф.М. Достоевского. Все эти принципы свойственны и произведению «Записки из подполья», по времени написания относящемуся к раннему периоду творчества писателя.

На современном этапе развития литературоведения исследователи проявляют повышенный интерес именно к раннему творчеству Ф.М. Достоевского. Это обусловлено стремлением ученых постичь логику развития художественного сознания писателя, изучением генезиса и эволюции наиболее характерных литературных типов писателя.

Авторская точка зрения на проблематику повести

В начале 1864 года (именно в это время писатель создает повесть «Записки из подполья») Достоевский пишет брату: «Сколько мучений я вытерпел от мысли, что к первым книгам [«Эпохи»] моего ничего не будет. До самого сегодня мучал себя мыслью, что авось успею. Не скрою от тебя, что писанье мое шло худо. Повесть вдруг мне начала не нравиться... Что будет, не знаю» [19;481].

В мартовском письме отзывы о повести столь же неопределенны: «Гораздо трудней ее [повесть] писать, чем я думал. А между тем, непременно надо, чтоб она была хороша, мне самому это надобно. По тону своему она слишком странная, и тон резок и дик; может не понравиться... надобно, чтоб поэзия все смягчила и вынесла...» [19;483].

В тот тяжелый для писателя период (смерть племянницы, болезнь жены, долги, постоянное беспокойство за пасынка и др.) ему приходилось писать, чтобы хоть как-то обеспечить семью. Работа над повестью шла тяжело. Однако, говоря о своем герое, Достоевский «гордится», «что **впервые** вывел настоящего человека *русского большинства* и **впервые** разоблачил его уродливую и трагическую сторону» [19;484].

Сразу же после выхода в конце марта 1864 года первой части «Записок из подполья», писатель делится с братом: «... уж лучше было совсем не печатать последней главы... чем печатать так, как оно есть, то есть с надерганными фразами... там, где я глумился над всем... *для виду*, — то пропущено [цензорами], а где из всего этого я вывел потерянность веры и Христа — то запрещено» [19;488].

Таким образом, цитаты Ф.М. Достоевского, с одной стороны говорят, об идейном замысле писателя, о главной цели произведения (к ней он будет вести читателя на разных

этапах своего творческого пути) — о возвращении к вере, олицетворением которой является Христос, а с другой стороны — о неудовлетворенности Достоевского первой редакцией повести «Записки из подполья», которая подверглась цензуре. Однако стоит заметить, что авторская самоинтерпретация художественного текста не всегда отличается объективностью, тем любопытнее сравнить оценку повести «Записки из подполья» Ф.М. Достоевским с теми суждениями критиков, которые были посвящены анализу текста. В качестве предварительного замечания стоит отметить тот факт, что большое влияние на восприятие и оценку литературных критиков оказала их зависимость от идеологических установок и эстетических воззрений, что наглядно можно проиллюстрировать цитатами из их работ. Этот материал и составит основу содержания следующей части нашего исследования.

«Записки из подполья» в контексте общественной мысли середины XIX века

Оценивая место произведения «Записки из подполья» в контексте общественной мысли середины XIX века, нужно отметить, что «глубинное своеобразие религиозно-философской проблематики и художественный методологии Достоевского еще при его жизни встречало непонимание со стороны критиков, исследователей и читателей. «Преступление и наказание» или «Бесы» нередко оценивались как «тенденциозные произведения, направленные против разночинной молодежи и передовых идей, а в «Братьях Карамазовых» находилось чрезмерное обилие «лампадного масла» и «психиатрической истерики», «эпилептически судорожное» восприятие действительности. Многим казалась безрассудной и неприемлемой критика Достоевским всего «прогрессивного» (права, социализма, товарно-денежных отношений, технических «чудес» и т.п.). «Жестокий талант» [Н.К. Михайловский], «больные люди» [П.Н. Ткачев] — подобные определения писателя и его персонажей нередко можно было встретить на страницах журналов и газет. И даже И.С. Тургенев сравнивал Достоевского с маркизом де Садам, любителем «развратной неги», «изысканных мук и страданий», как бы прокладывая русло для последующего неправомерного отождествления автора и его героев» [27;326].

Однако изначально публикация в журнале «Эпоха» «Записок из подполья» не вызвала общественного резонанса, сразу повесть не привлекла особого внимания критики. Высокую оценку повести дал лишь Ап. Григорьев. В письме к Н. Страхову от 18 марта 1869 г. Достоевский вспоминал, что Григорьев похвалил эту повесть и сказал ему: «Ты в этом роде и пиши» [19;509]. Из противоположного лагеря памфлетом «Стрижи» на повесть «Записки из подполья» откликнулся Салтыков-Щедрин, высмеявший с сатирической беспощадностью как участников журнала «Эпоха» в целом, так и произведение Достоевского в частности. Однако существует и проти-

воположная точка зрения, так Е. Кийко в примечаниях к академическому изданию «Записок из подполья» отмечает, что «интерес критики к этой повести пробудился уже после опубликования романа Достоевского «Преступление и наказание» [13;382].

Н. Страхов в статье «Наша изящная словесность» подчеркивал, что «подпольный человек» «со злобой относится к действительности, к каждому явлению скудной жизни, его окружающей, потому что каждое такое явление его обижает как укор, как обличение его собственной внутренней безжизненности» [26;55]. Заслугу Достоевского критик видел в том, что он, сумев «заглянуть в душу подпольного героя, с такую же пронизательностью умеет изображать и всевозможные варьянции этих нравственных шатаний, все виды страданий, порождаемых нравственно неустойчивостью» [26;55].

Впоследствии «Записки из подполья» привлекли особое внимание Н. Михайловского, посвятившего их разбору специальный раздел в статье «Жестокий талант», опубликованной в 1882 году. Появление статьи Михайловского совпадает с моментом, когда творчество Достоевского превращается в поле борьбы между демократией и реакцией. Значительно позднее, в начале XX века, реакционные интерпретации Достоевского приобретут откровенно политический и антиреволюционный смысл, а пока появляется статья Михайловского.

Более детальный анализ данной работы в нашем исследовании можно объяснить тем фактом, что в ней подробно (в сравнении с другими критиками XIX века) проанализирован образ «подпольного человека» Достоевского. Приведя в качестве примера ряд «образчиков» изображения автором «мучительских поступков и жестоких чувств», Михайловский пришел к выводу о том, что высказывания и действия «подпольного» героя отражают «самодовлеющую» наклонность Достоевского к «возвеличиванию» страдания [22;245].

Сравнивая «подпольного человека» с его современниками, исследователь приходит к выводу, что герой Достоевского не является таким уж «скверным», но даже «выше остальных». Разница между «подпольным» и большинством образованных людей XIX века состоит, по Н. Михайловскому, только в том, что герой яснее сознает происходящее от злобы наслаждение, однако же пользуются этим наслаждением все. Именно в этом критик видит силу и ум «подпольного человека». В какой-то степени Михайловский даже «борется» с Достоевским, защищая от него человека, которого будто бы оклеветал писатель.

В заключительной части статьи Михайловский говорит о значении героя «Записок из подполья» в последующем творчестве Достоевского. Главным в образе «подпольного» (и получившим дальнейшее развитие в творчестве Ф. Достоевского), по Н. Михайловскому, является жестокость и стремление к мучительству. Ярким подтверждением этих характеристик в повести служит отношение «подпольного человека» к Лизе.

Если говорить о героях, созданных Достоевским позднее, то у многих из них стремление к мучительству других людей проявляется в полной мере (например, в Свидригайлове, Версилове, Ставрогине, Грушеньке). Однако здесь можно сказать о том, что Михайловский сводит все творчество Достоевского к своеобразному «антигуманистическому мучительству», что делает его работу несколько однобокой.

Таким образом, можно отметить, что работа Н. Михайловского — первая попытка исследования повести «Записки из подполья». Образ «подпольного» в интерпретации Н. Михайловского предстал перед читателем не таким «скверным» и «мерзким», каким был показан другими критиками, в работе указывалась его неоднозначность.

Всматриваясь в исповедь «подпольного человека», критик показывал, что герой не считает себя исключительным по существу человеком. Только по смелости мысли и ясности сознания герой Ф. Достоевского относит себя к отличающемуся от других. Слова Н. Михайловского о том, что «подпольный» честнее сознает «истекающее из злобы наслаждение», подтверждают это. Яркой иллюстрацией этих характеристик являются слова самого героя: «...я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя» [13;157].

Именно Н. Михайловский впервые обратил внимание на то, что в повести «Записки из подполья» заложены многие темы, образы и проблемы, получившие дальнейшее развитие в творчестве писателя.

Статью Михайловского следует признать первой работой, в которой была предпринята попытка аналитической характеристики «подпольного человека», которая получит свое развитие в следующих работах.

Противоречивость оценки художественного произведения продиктована самой природой искусства, кроме того, противоположные мнения о произведении «Записки из подполья», прозвучавшие в печати в середине XIX века (М.Е. Салтыков-Щедрин, Ап. Григорьев, Н. Страхов), однобокость суждений были связаны и с тем, что это произведение рассматривалось автономно, пока оно ещё не было вписано в контекст всего творчества Ф.М. Достоевского. Отношение русской критики в последующие 1860–1870-е гг. (вплоть до 1881 г.) к творчеству Достоевского явилось своеобразным показателем, по которому ясно распознавались социальные симпатии, политические взгляды и эстетические критерии того или иного журнала или газеты. Многообразие критических подходов, идеологических позиций критиков определяли разные направления в анализе произведения, расширяющие диапазон интерпретаций. При этом авторы критических статей, связанные с разрешением сиюминутных общественно-политических задач и степенью их отражения в литературе, испытывали затруднения в художественном постижении своеобразия образов, созданных

Достоевским. Русская критика эпохи 1860–1870-х гг. еще не была готова к осознанию противоречивых внешних и внутренних мотивов поведения большинства героев писателя.

Новые подходы в оценке повести конца XIX — начала XX века

Необходимость нового прочтения литературного наследия писателя возникла в конце XIX века. Она связана с полемикой между В. Соловьёвым и К. Леонтьевым относительно религиозного мирозерцания Ф. М. Достоевского. Скорее всего, стремление к адекватному и систематическому изложению основ его мировоззрения и творчества связано с кончиной писателя, с возможностью оценить его вклад в литературу уже как единой целое. Вот почему в конце XIX и начале XX вв. философская, историософская и нравственная проблематика его романов привлекла к себе пристальный интерес крупных русских мыслителей (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Вяч. Иванов, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Л. С. Шестов и др.), для многих из которых творчество Достоевского стало важной вехой на пути «от марксизма к идеализму» и создавало методологическую основу для собственных построений.

Критики последней четверти XIX века начали осмысливать произведения Достоевского на уровне важнейших социальных, религиозных и метафизических вопросов, поставленных им.

В трудах представителей религиозно-философского ренессанса его произведения обретали присущие им духовное измерение и метафизическую глубину и вместе с тем порою подвергались субъективизированным интерпретациям, подвергались под собственные теоретические установки и практические задачи «нового религиозного сознания» (Н. А. Бердяев), «третьего завета» (Д. С. Мережковский), «второго измерения мышления» (Л. И. Шестов) и т. п.

Необходимо отметить, что философы этого поколения, которое было затронуто влиянием Ф. М. Достоевского, впервые поняли и по достоинству оценили художественный гений писателя. С течением времени, а именно после Октябрьской революции, эта философская ветвь исследования творчества Ф. М. Достоевского не угасла, но эмигрировала (С. Гессен, Н. Лосский, К. Мочульский, Ф. Степун, С. Франк, Л. Шестов).

Далее мы более подробно рассмотрим работы Л. Шестова, Н. Бердяева и К. Мочульского, отражающие разные точки зрения на повесть Достоевского «Записки из подполья». Эти работы представляют для нас интерес, в первую очередь, потому, что в них отражены диаметрально противоположные оценки идеи, заложенной в образе «подпольного человека» Достоевского.

По мнению Шестова, в «Записках из подполья» Достоевский «рассказывает свою собственную историю» — историю «перерождения убеждений».

В своей работе «Достоевский и Ницше» Л. Шестов писал: «Я заметил уже, что в «Записках из подполья» Достоевский рассказывает свою собственную историю. Эти слова, однако, не следует истолковывать в том смысле, что ему самому пришлось на самом деле так безобразно обойтись со своей случайной подругой; нет, история с Лизой, конечно, выдумана» [31;36]. Безусловно, нельзя так категорично отождествлять автора и его героя уже по одному тому, что «подпольные» мысли и чувства были для Достоевского синонимами «сокрытых», «гадких» стремлений, «марающих» и унижающих кривляний» [31;48-49].

По Шестову, для Достоевского 40-х годов идеи служения людям, защиты бедных и униженных потеряли всякую привлекательность, свидетельством чему является появление «Записок из подполья». Шестов полагает, что в образе «подпольного человека» Достоевский выразил свои собственные, неожиданно открывшиеся в нём самом, аморальные свойства душевной организации, которые к тому же оказались определяющими всё его мировоззрение.

Ужаснувшись всему «стихийному, безобразному и страшному», проснувшись в его душе, Достоевский, по Шестову, впоследствии принужден был «постоянно иметь в запасе показные идеалы, которые он тем истеричнее выкрикивал, чем глубже они расходились с сущностью его заветных желаний», и этой двойственностью проникнуты «его позднейшие произведения все до одного...» [32;172-174]. Такое же перерождение убеждений, по мнению Шестова, пережил и Ницше. Назвав Достоевского своим учителем, Ницше признал в его лице, как полагал Л. Шестов, «своего родного человека» [31;149].

В духе русского ницшеанства оценивал «Записки из подполья» и М. Горький: «Весь Ф. Ницше для меня в «Записках из подполья». В этой книге — ее все еще не умеют читать — дано на всю Европу обоснование нигилизма и анархизма» [8;216].

Обоснованно и объективно об автобиографическом начале повести «Записки из подполья» пишет М. Бахтин. Исследователь говорит о том, что в историко-литературных трудах критиками обычно берется биографический материал из произведений и, также, объясняется биографией художника данное произведение. Однако целое героя и целое автора при этом полностью игнорируется и, что не менее важно, — форма отношения к событию, форма переживания жизни и мира писателем и его героем.

Мы не будем доказывать, что между «подпольным человеком» и Достоевским нет ничего общего. Несомненно, что в этой повести (как и во многих других произведениях Достоевского) есть штрихи автобиографичности.

Наиболее близок нам вывод, сделанный Б. Бурсовым в книге «Личность Достоевского». Трудно не согласиться с тем, что «все лица, созданные Достоевским, в чем-то близки его собственной личности, но отнюдь не тождественны с ней» [5;9].

Л. Шестов в критической статье также хвалил Ф. М. Достоевского за то, что будто бы своим отречением от прежних гуманистических идеалов он поднялся к новым художественным вершинам, еще неведомым всей мировой литературе. По словам Шестова, «Записки из подполья» означали для Достоевского «публичное — хотя и не открытое — отречение от своего прошлого».

Таким образом, мировоззрение мыслителя было обусловлено прежде всего философским иррационализмом, который, как считают исследователи, и завел Шестова в интеллектуальный и нравственный тупик.

Дальнейшая критика повести «Записки из подполья» позволяет говорить нам о споре исследователей с позицией Л. Шестова. Это работы Л. Гроссмана, А. Долинина, В. Комаровича. Принимая шестовское понимание замечательной повести Достоевского, они, в отличие от Л. Шестова, отрицательно оценили ее: Л. Гроссман увидел в ней произведение «эгоистического и аморального индивидуализма», по мнению А. Долинина, она является «жесточкой пародией» Достоевского на свои собственные идеалы, которые его вдохновляли в 40-е и 60-е годы; В. Комарович считал, что этой повестью Достоевский «втоптал в грязь» мечты о героическом служении писателя людям.

Другая книга — «Мирозерцание Достоевского» Н. Бердяева — отражает новую точку зрения на повесть «Записки из подполья». В данной работе подробно рассмотрено значение и влияние повести на дальнейшее творчество Достоевского.

Открытия о человеке, сделанные Достоевским в повести «Записки из подполья», по мнению Н. Бердяева, определяют судьбу дальнейших героев писателя, в частности, Раскольникова, Ставрогина, Ивана Карамазова. Именно с «подпольного человека» начинается «странствование» героев на путях свободы, которое и доводит его до «раздвоения». И действительно, все основные характеристики «подпольного человека», о которых было сказано ранее, раскрываются с еще большей полнотой в других героях Достоевского: склонность к самоанализу — в Раскольникове, цинизм — в Ставрогине, разочарованности в мире — в Иване Карамазове.

Н. А. Бердяев, высоко ценивший творчество писателя, полагал, что мысли, высказанные в «Записках из подполья», являются «потрясающими по гениальности», и призывал искать в них «первоисточника всех открытий», сделанных Достоевским о человеке на протяжении всего его творческого пути [3;50]. По мысли Бердяева, если до «Записок из подполья» Достоевский был еще не более чем «гуманист, полный сострадания к «бедным людям», к «униженным и оскорбленным», к героям «мертвого дома», то с «Записок из подполья» начинается гениальная идейная диалектика Достоевского. Он уже не только психолог, он — метафизик, он исследует до глубины трагедию человеческого духа. Он уже не гуманист в старом смысле слова... Он окончательно порвал с гуманизмом Белинского...» [3;36]. В то же время Н. Бердяев не разделял мнение Л. Шестова о Достоевском как об «исключительно...

подпольном психологе»: «Подпольная психология у Достоевского есть лишь в момент духовного пути человека. Он не оставляет нас в безвыходном кругу подпольной психологии, он выводит из него» [3;141]. Потеряв гуманистическую веру в человека, Достоевский остался верен христианским принципам, углубил, укрепил и обогатил их. Поэтому он не мог быть «мрачным, безысходно-пессимистическим» писателем. В «самом темном и мучительном» у Достоевского есть «свет Христов» — «освобождающий свет» [3;37]. Эта мысль Н. А. Бердяева особенно близко соприкасается с высказываниями самого писателя об идейном замысле повести «Записки из подполья».

Важнейшим открытием писателя в повести исследователь считает мысль о свободе человеческого духа, предполагающей «свободу избрания». На наш взгляд, в этой мысли Н. Бердяева и заключается его «новаторство». Идея о «свободе духа» впервые выведена Достоевским в повести «Записки из подполья» и нашла дальнейшее развитие в его романах.

Таким образом, исследование Н. Бердяева позволяет говорить, во-первых, о развитии характеристик «подпольного человека» в других героях Достоевского, во-вторых, о том, что идеи, лишь заложенные в повести 1864 года, окончательно оформляются в последующем творчестве писателя и, в-третьих, о том, что с «Записок из подполья» начинается «новый» Достоевский.

В работе К. Мочульского «Гоголь. Соловьев. Достоевский» повесть «Записки из подполья» рассматривается несколько по-другому. Исследователь говорит о человеческой трагедии, связанной с больным сознанием «подпольного человека». И в то же время, в «болтовне» «подпольного человека» мыслитель видит великие открытия Достоевского. Считать «Записки из подполья» выражением «метафизического отчаяния» Мочульский считает неправильным. По его мнению, сила бунта героя не от равнодушия и сомнения, а от страстной веры в свою правоту.

Исследователю были близки мучения раздвоенного сознания «подпольного человека» Достоевского, и поэтому страницы, на которых Мочульский пытается разобраться в психологии умаления, грехопадения, больного сознания героев Достоевского, оказываются наиболее яркими в книге «Гоголь. Соловьев. Достоевский».

Если говорить о главном герое повести, то, по мнению Мочульского, Достоевский исследует конкретного человека 19-го столетия во всем его нравственном «неблагообразии». Он говорит не о нормальном сознании, которое существует только в книжных теориях гуманистов, а о реальном сознании цивилизованного европейца. Это сознание, считает исследователь, является извращенным и больным. Основная идея гуманизма о том, что человека можно перевоспитать разумом и выгодой, по К. Мочульскому, является неверной.

«Подпольный человек» хочет испытать, можно ли быть совершенно откровенным с самим собой. На основании

этого, можно сказать, что исповедь героя имеет религиозный смысл — это своего рода «покаяние грешника».

Одиночество «подпольного человека» среди людей вырастает в своеобразный символ мирового неблагополучия, поэтому темой повести «По поводу мокрого снега» исследователь считает трагедию человеческого общения. Герой Достоевского знает, что «подполье уже убило в нем всякую способность к живой жизни, что все чувства его — «мираж» и самообман, что он обречен на самое позорное бессилие. И от этого сознания нежность к героине переходит в ненависть. Любовь, добро, чистота вызывают в обреченном грешнике демоническую злобу, за свой грех он мстит праведнику». Так, по мнению Мочульского, «кончает мечтатель-романтик» [22;347]. Трагедия любви «подпольного человека» — крушение всей романтической этики. «Естественная любовь» так же бессильна, как и «естественное добро». Это одна из основных идей трагического мировоззрения Достоевского» [22;347].

Таким образом, в XX веке повесть «Записки из подполья» приобрела в литературе своеобразную судьбу. Вопрос об объективном значении выведенного в ней образа стал постепенно изменяться. На нее стали смотреть преимущественно как на идеологический документ. В это время в толковании повести верх взяли декаденты, которые совершенно слили «подпольного человека» с Достоевским.

Д. Мережковский писал о человеке из «подполья» и Достоевском как об одном лице: «...«человек из подполья» ... с тяжелым взором эпилептика, бывший петрашевец и каторжник, будущая противоестественная помесь реакционера с террористом, полубесноватый, полусвятой, Федор Михайлович Достоевский» [20;307].

Р. Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли» отказывался от оценки «неизвестного автора» «Записок из подполья» и истолковывал его взгляды как непосредственное выражение мировоззрения самого Достоевского.

Не типологический аспект, а биографический и религиозно-философский аспекты доминируют в критике, посвященной вопросам анализа повести «Записки из подполья». Мыслители начала XX века осознали, что создания Достоевского следует рассматривать в контексте глобальных проблем мировой философии и культуры и многое сделали в этом направлении; однако недостаток их исследований заключался в том, что в силу уникальности художественного метода Достоевского они воспринимали высказывания его героев-идеологов как разделяемые самим автором.

Влияние общественной мысли советской эпохи на оценку повести «Записки из подполья»

В советское время изучение подлинного содержания произведений Достоевского было по понятным причинам весьма затруднено. С середины 1930-х гг. в русском литературоведении возобладало социологическое направление, которое привело к известному обеднению и од-

носторонности оценки героев Достоевского, изучавшихся с точки зрения выявления их социального происхождения, классовой природы и общественно-политических событий. Но это компенсировалось достижениями в исследовании его поэтики: работы М. Бахтина, В. Кирпотина и многих других. Начиная с середины 1940-х гг. в отечественном литературоведении возрождаются типологическое (Л. П. Гроссман), психологическое (А. А. Белкин), сравнительное (Н. Вильмонт) направления, появляются работы по поэтике (Н. М. Чирков), которые способствовали зарождению интереса исследователей к изучению художественного своеобразия образов Достоевского, началось интенсивное изучение его произведений.

Выходят сборники статей и материалов, посвященные литературному наследию писателя. Изучением творчества Ф. М. Достоевского занимаются М. Бахтин, А. Белецкий, В. Виноградов, Л. Гроссман, А. Долинин, В. Комарович, А. Цейтлин, Б. Энгельгардт. В конце 1940-х годов появляются исследовательские работы В. Кирпотина, В. Нечаевой и других советских ученых. В первые послереволюционные десятилетия возобладал и на протяжении долгого времени, вплоть до 60-70-х годов, считался единственно правильным, социологический подход при анализе произведений писателя.

Подводя итоги более чем тридцатилетнего изучения творчества писателя в период «между юбилеем его смерти и рождения», А. Долинин в редакторском предисловии к изданному в двадцатые годы сборнику «Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе» пришел к следующему выводу: «...в течение слишком тридцати лет до наших дней Достоевского воспринимали почти исключительно со стороны идейной — как философа или религиозного мыслителя. И, несмотря на всю субъективность, которая нередко окрашивала работы о нем... тенденции развития его религиозно-философских воззрений уловлены... правильно...» [12;16]. При этом «Записки из подполья» оценивались А. Долининым как важнейшее произведение, ставшее прологом «ко всему художественному творчеству Достоевского постекаторжного периода» [12;323].

«Важным противовесом» религиозно-философскому осмыслению искусства классика считалось в те годы направление, выработанное в семинаре по изучению творчества Достоевского, действовавшем под руководством А. Л. Бема при Русском народном университете в Праге [4;6]. Ученые, принимавшие участие в работе семинара (С. Гессен, И. Лапшин, Н. Лосский, А. Флоровский, Д. Чижевский), рассматривали наследие великого русского писателя и его эпоху с точки зрения различных гуманитарных наук. При этом многие участники семинара (отчасти под влиянием психиатра Н. Осипова) увлекались учением Фрейда, психоанализом, что и нашло отражение в ряде их докладов и выступлений.

Как отмечает М. Бубеникова, «в достоевведении А. Бема как будто сконцентрировалось стремление участников семинара к применению психоанализа в литературоведении.

Однако у него эта тенденция опиралась на традицию школы А. Веселовского и А. Потебни, и А. Бем считал важным теоретически осмыслить разницу-грань между психоанализом и литературоведением и много энергии отдал объяснению значения сохранения автономии литературоведческого анализа» [4;7].

В работах А.Л. Бема были заложены основы архетипного подхода к пониманию творчества Достоевского, поскольку в центре внимания исследователя находился анализ образов и мотивов, проходящих через художественное пространство произведений мировой классики (в частности, таких, как «Фауст», «Гамлет», «Макбет», «Дон-Кихот»). Образ «подпольного» человека» также осмысливался А.Л. Бемом как архетипический. В художественном мире Достоевского он являлся выражением его центральной проблемы, связывающей личность и творчество писателя в единое целое: «...именно в отъединении от жизни, в замкнутости личности всех основных героев произведений Достоевского надо искать внутренний смысл его творчества... В сущности, Достоевский рисует нам все одного и того же «отщепенца», но каждый раз он показывает нам иную его психологическую разновидность» [4;10]. Следует отметить, что ни один из названных подходов к творчеству Достоевского не получил своего развития в отечественном литературоведении 30-х годов. Вместо этого в обществе возобладали тенденции по преодолению «достоевщины» как явления, препятствующего, по словам М. Горького, «внутренней реорганизации не только в социально-политическом смысле, но и в психологическом» [8;140], служащего опорой реакции и декадентства. Резко негативная оценка, данная М. Горьким повести «Записки из подполья» на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, на долгое время укоренилась в советском литературоведении. Признавая сильное влияние Достоевского на ряд писателей Европы, Горький полагал, что ему «принадлежит слава человека, который в лице героя «Записок из подполья» с исключительно ярким совершенством живописи словом дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата» и «фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX—XX столетий» [24;11]. По убеждению Горького, человек из «подполья» вмещал в себе «характернейшие черты» Фридриха Ницше, Оскара Уайльда, Бориса Савинкова и героев романов Гюйсманса «Наоборот», «Ученика» Бурже и «Санина» Арцыбашева и еще многих «социальных вырожденцев» [24;14]. При этом Горький не разграничивал сущность «подпольного» героя и духовные искания Достоевского: «Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал — он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать» [24;19]. Со сходных позиций в 50-е годы оценивал творчество Достоевского В. Ермилов. В очерке, предваряющем десятитомное собрание сочинений писателя, он назвал его «субъективнейшим» художником,

как М. Горький, не отделял героев произведений Достоевского от его личности, полагая, что «они всегда являлись его личной исповедью» [14;7]. «Записки из подполья» В. Ермилов оценивал как одно из наиболее реакционных произведений, где велась не только «злая полемика» с романом «гениального» русского революционера-демократа Н.Г. Чернышевского, но и была рассказана «история морального преступления». При этом «перед лицом совести всего человечества» роль самого Достоевского в моральном преступлении признавалась «тяжелой», потому что «о преступлении нельзя рассказывать со злорадством!» [14;42–43].

Исследователь обвиняет писателя в «религиозном мистицизме» и «мракобесии». «Мы, советские люди, — пишет автор, — гордимся нашей неразрывной связью со всеми передовыми, прогрессивными художниками и мыслителями всех времен и народов. И мы не можем «забыть» и «простить» Достоевскому, как бы мы ни ценили его художественный талант, ослепляющую его мрачную злобу против лучших, демократических сил его эпохи, выраженную в наиболее реакционно-тенденциозных его произведениях. Мы не можем забывать и о том, что и в наше время реакция, церковники и иные мракобесы пытаются использовать его произведения в своих темных целях» [14;54-55].

Резкой критике со стороны автора подвергаются и другие произведения писателя, направленные против политического нигилизма: «Идиот», «Бесы», а также романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», проповедующие идеи христианства. Таким образом, работа В. Ермилова явилась отражением духа времени, когда атеистическое сознание не позволяло по достоинству оценить творчество Достоевского.

С начала 1960-х годов в литературоведческой науке начался новый подъем в изучении творчества Ф.М. Достоевского, потому что складываются наиболее благоприятные условия для объективного подхода к художественному наследию писателя. Достоевский рассматривается как гордость русской литературы, и поэтому должен быть постигнут во всей своей глубине. Множество исследований было посвящено изучению произведений Ф.М. Достоевского, образов, идей, характеров, типов в его произведениях, эволюции его стиля от ранних произведений к позднейшим. В это время выходят работы Н. Будановой, М. Гуса, Ю. Карякина, В. Туниманова, Г. Фридлендера.

Парадоксально, что исследователи, которые в рамках вульгарно-социологического подхода разделяли творчество Достоевского на «прогрессивную» и «реакционную» части, отождествляя последнюю, так называемую «достоевщину», с идеологией религиозной философии, были в этом более «объективны», нежели те, которые стремились представить эстетику писателя однозначно реалистичной.

В книге «Очерки истории русской этической мысли» под редакцией О.П. Целиковой приводится анализ учений Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Соловьёва. Труды этих фи-

лософов, как и произведения Достоевского, объявляются «реакционными» и подвергаются резкой критике. Вместе с тем появляется ряд работ, авторы которых в стремлении к объективной интерпретации текста подходят к сути образа подпольного человека. Этот интерес к повести, и, в первую очередь, к оценке её главного героя, его мироощущения продолжает расти, возможно, потому, что оно генетически связано с «лишними людьми» 1840 — 1850-х годов и включает в себе дальнейшее развитие подобных характеров в русской литературе.

«Записки из подполья» воспринимаются многими исследователями как точка отсчета новых творческих устремлений Ф. Достоевского, нашедших воплощение в серии последовавших за этим произведением романов.

На основании вышесказанного, понятно, что отношение критиков к личности и теории «подпольного парадоксалиста» было чрезвычайно неровным. Вот что писал, например, в 1970 году Н. Арденс: «... Достоевский дает полный простор его [героя] философствованию и доводит самый образ его до прямой карикатурности, до фантастичности. Его подпольный человек, оказывается, даже находит «удовольствие» в том, что он «груб», в том, что он предельно циничен. Он с наслаждением издевается над полюбившей его проституткой Лизой и, ощущая свою «власть» над ней, добивается унижения ее и даже мстит ей... за ее любовь, за то, что она «подвернулась» ему» [19;60-61].

Ф. Достоевский ведет повествование от лица героя, а это принципиально важно для психологической характеристики образа рассказчика. Увлеченные пафосом разоблачения «антигероя», исследователи принимают его откровения за главное основание для вынесения приговора. Однако все его жестокие, хотя и справедливые слова являют нам картину мятущегося и страдающего сознания. Ведь его исповедь является не «защитительным сочинением», а прежде всего — критикой чувств и мыслей еще молодого героя. Самобичевание героя, таким образом, позволило исследователям посмотреть на него не как на злодея, а как на человека, постигшего трагическую основу мироздания и не желающего смириться с этим. Справедливости ради стоит отметить, что на психологическое преобразование повествователя в «Записках из подполья» уже в начале XX века указал Н. С. Трубецкой: «Страстность, с которой он защищает свои мысли, и саркастический тон, которым он часто говорит о себе самом [24-летнем], показывают, что теперь, с течением времени, он недоволен собственной идеологией» [28;53].

В этом свете неосновательными выглядят мнения, высказанные значительно позже, которые не учитывают положительной тенденции в образе героя, а между тем, эта мысль проступает в различных аспектах художественной структуры произведения.

Но в XX веке уже многие авторы (Ю. Карякин, В. Кирпотин, Ю. Кудрявцев, А. Мясников, Б. Сучков, В. Туниманов, Г. Фридендер, Я. Эльсберг и др.) стремились не просто преодолеть издержки вульгарного, одностороннего отношения к Достоевскому, но и вскрыть методологи-

ческую несостоятельность такой критики (отождествление всех позиций героев и автора, игнорирование исторического контекста идей и специфики их художественного воплощения) [1;97].

Так, исследуя повесть «Записки из подполья», В. Я. Кирпотин пришел к выводу о значимости ее поэтики для всего последующего творчества автора и специфичной для него романной формы: «Поэтика «Записок из подполья» содержит в неразвернутом виде поэтику позднейших романов Достоевского. ... Слияние философствования с повествованием, растворение его в повествовании ... вскоре после «Записок из подполья» привело к созданию первого великого романа Достоевского — «Преступление и наказание», романа нового, специфичного для Достоевского типа» [39;472,475]. По мнению В. Кирпотина, гениальность Достоевского-художника в «Записках из подполья» выразилась в том, что «он почувствовал и необычайно убедительно выразил психологию философского переживания» [17;472].

Отделяя Достоевского от его героя и рассматривая «Записки из подполья» не как публицистику, а как полноценное художественное произведение, В. Кирпотин признавал правду выраженного в повести авторского видения, сохраняющего свою эстетическую природу. Однако сквозь эстетику Достоевский «всматривался в онтологию, в философию мира, космоса и общества», но так, — оговаривался В. Кирпотин, — «как он их понимал, конечно» [17;175].

В середине XX века появляется работа В. Шкловского «За и против. Заметки о Достоевском». В ней подробно рассмотрено то, как в повести «Записки из подполья» реализуется полемика писателя с Чернышевским. На наш взгляд, стоит более подробно остановиться на статье и попытаться понять, в чем состоит, по мнению исследователя, противоречие между взглядами Чернышевского и теорией «подпольного».

В «Записках из подполья», считает Шкловский, герой занят вопросом об идеях своего времени, и идеях социализма в частности.

Еще до этого исследователя отмечалось, что повесть Достоевского является своеобразной полемикой писателя с автором романа «Что делать?». В снах Веры Павловны, описанных в романе Чернышевского, подробно показано человечество, пришедшее к коммунизму, победившее природу, живущее без ревности, собственности, в хрустальных зданиях, а герой «Записок из подполья» в свою очередь отвечает на эти сны: «Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, т. е. в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое» [13;168].

Слова о хрустальном здании проходят через всю книгу Достоевского, хотя герой и не отрицает его, а наоборот, говорит: «Пусть даже так будет, что хрустальное здание есть пуф, что по законам природы его и не пола-

гается и что я выдумал его только вследствие моей собственной глупости, вследствие некоторых старинных, нерациональных привычек нашего поколения» [13;240]. Героем отрицается не столько хрустальное здание, сколько «чужой капитальный дом европейской цивилизации».

Здесь, на наш взгляд, говорится о поколении самого Достоевского, которое мечтало о социализме. Так, существуют эпохи, в которых есть революционная ситуация, а революция не приходит. Все это — и революционная ситуация, и ожидание иного мира было совершенно реальным во второй половине 40-х годов. При задержке истории, когда событие может совершиться, но не совершается, определенная часть людей становится людьми «подполья».

Если говорить о противоречии между теорией «подпольного» и рассуждениями Чернышевского, то более всего герой спорит со способом доказательства, который избрал автор романа «Что делать?». Чернышевский доказывает, что человечеству выгоднее жить разумно, что правильно понятое эгоистическое желание счастья приводит к счастью общему. Он называет это «разумным эгоизмом».

«Подпольный» же Достоевского говорит, что человеку вовсе не нужна выгода, что человек боится того, что дважды два — четыре. Таким образом, «человек из подполья» отвергает будущее устройство мира потому, что оно ему не нравится своей непреложностью, отсутствием в нем сомнений, кажется не соответствующим человеческой природе.

Главным в исследовании Шкловского является то, что он подробно рассмотрел, в чем же состоит полемика между Достоевским и Чернышевским, сравнил теорию «подпольного человека» и рассуждения, обозначенные в произведении Чернышевского. На наш взгляд, книга данного исследователя не является политизированной, в ней дан достаточно объективный взгляд на поставленную проблему.

Повесть «Записки из подполья» в сравнении с романом Чернышевского рассматривалась не только в работе Шкловского, но и у других исследователей, в частности, в книге В. Туниманова «Творчество Достоевского. 1845–1862 годы». Исследователем отмечено, что хотя элементы полемики в повести и значительны, однако это художественный спор, преломленный через сознание героя и повествователя. Другой пункт, на котором останавливается Туниманов, состоит в том, что Достоевский устами своего героя продолжает идейную и литературную полемику не только с Чернышевским, но и с редакторами «Русского вестника» и «Отечественных записок» («Полемику с Катковым писатель перенес в художественное творчество» [29;281]). Однако, на наш взгляд, данный вывод исследователя не достаточно доказан.

В конце XX века появляется работа Ю.Г. Кудрявцева «Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское)». Известным российским философом выдвигается оригинальная концепция смысла жизни человека. В монографии «Три круга Достоевского» исследова-

тель высказывает сомнение в наличии смысла, предпосланного существованию человека кем-либо. Его главная идея сводится к следующему: каждый человек наполняет свою жизнь своим смыслом. При этом на первый план выдвигается желание общности, чтобы «этот смысл каждый видел в высоком, а не в низком». Под «высоким» он понимает прежде всего нравственность, справедливость, честность, идейность и другие позитивные качества личности. Аморальными он называет тех людей, которые считают смыслом своего существования наличие денег и власти.

Главную ошибку предшествующих исследователей Ю. Кудрявцев видит в том, что они принимают «подпольного» за того, кем он сам себя выдает. На самом же деле герой Достоевского оказывается весьма привлекательным главным образом потому, что не боится сказать о себе плохо. На основании этого Ю. Кудрявцев называет его героем, а не антигероем, то есть считает его теорию «высокой».

Очень интересны размышления исследователя о теории «подпольного», которой ранее в литературной критике уделялось не так много места. По мнению Кудрявцева, лишь теория изложена в повести серьезно, а все остальные рассуждения пронизаны иронией. Теория парадоксалиста, по Ю. Кудрявцеву, — это борьба за право личности быть собой, и в основе иронии «подпольного человека» лежит именно тоска по личности. В человеке изначально заложено быть личностью, но ему мешают установки, теории, в частности, вульгарно-материалистический взгляд на мир. Эта теория отказывает человеку в его относительной свободе в обществе, связывает его с социальной средой. Творческое начало в человеке отрицается, потому что все рассчитано до него и за него, а самостоятельность мышления самого человека отсутствует. Эта теория обещает человеку жизнь, исключаящую всякие сомнения и раздумья.

Рассмотрев теорию «подпольного», исследователь приходит к выводу, что герой Достоевского не противоречит себе человек, а личность, потому что он противостоит «фатально предопределенной стене закономерностей. Вот цитата из размышлений самого «подпольного человека»: «Как чувствует себя человек, признавший фатально предопределенную стену закономерностей, выйти за которую он не может?... Безличность — весьма уютно... Личность в этих условиях чувствует себя плохо, стесненно. Она деградирует» [18;87]. Именно о деградации личности можно говорить в связи с героем Достоевского.

«Человеку надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [13;90]. В этих словах «подпольного», по мнению Кудрявцева, выражена большая мысль. Исследователь считает, что если не учитывать выгоды человека быть личностью, то никакое благополучие не может быть сохранено.

На наш взгляд, главным в работе Ю. Кудрявцева является его позиция в отношении теории «подпольного человека». Исследователь рассматривает ее не с точки

зрения советского критика, а несколько по-другому. Ю. Кудрявцев как раз видит в теории «подпольного» абсолютное развенчивание взглядов коммунистов относительно будущего советских людей. Безусловно, исследователь не мог сказать открыто обо всем (книга написана в 1979 году), однако фразы о «личности и безличности», «благополучии» и «фатально предопределенной стене закономерностей» позволяют нам говорить об отношении исследователя к «коммунистическим теориям».

Таким образом, работа Ю. Кудрявцева о творчестве Достоевского и повести «Записки из подполья», в частности, является одной из значительных в XX веке. В его исследовании, во-первых, дан более подробный анализ теории «подпольного человека», во-вторых, по-новому оценена личность главного героя «Записок из подполья» и дано этому подробное обоснование и, в-третьих, самое главное, на наш взгляд, показан новый подход к теории «подпольного человека» и его образу в целом.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что у многих работ советской эпохи, посвященных творчеству Ф. М. Достоевского, был существенный недостаток: осмысление художественного наследия писателя в связи с известными идеологическими обстоятельствами исследователями усиленно критиковалось или же опускалось вовсе. Лишь немногие исследователи решались публиковать свои работы по данной проблеме, основная же масса литературоведов опиралась на социологический подход при оценке творчества Достоевского. Формировалось неполное, одностороннее прочтение творчества писателя.

Современные взгляды на повесть «Записки из подполья»

Коренной перелом в трактовке «Записок из подполья» произошел во второй половине 80-х годов XX-го столетия. Среди литературоведов прочно утвердилось мнение о значимости этого произведения для творческого наследия Достоевского. Была преодолена ошибка в отождествлении писателя с его персонажем, в результате которой автору нередко предъявляли обвинение в преступлениях, которых он не совершал (имеется в виду, прежде всего, сцена надругательства «подпольного» героя над Лизой). Было признано влияние образа «подпольного» человека на творчество экзистенциалистов; при этом последнее стало рассматриваться не как объект для критики, а как явление мировой культуры. Было выявлено, что для определения литературной генеалогии образа «подпольного» героя, как и героев-идеологов больших романов Достоевского, «необходимы... крупные, эпохальные масштабы, захватывающие евангельскую мифологию, средневековую легенду, классическую трагедию» [23;66]. Таким образом, человек из «подполья» был признан равным таким значительным образам мировой литературы, как Гамлет и Фауст; «Записки из подполья» стали считать «программным произведением

Достоевского, в котором он возвестил о своем социально-психологическом открытии, дал название этому явлению» [15;103].

Если говорить о современной критике, то, на наш взгляд, здесь можно отметить работы А. Станюты и И. Гарина. В своей книге «Постижение человека. Творчество Достоевского 1840–1860 годов» А. Станюта обращает внимание читателя на образ «подпольного», позицию автора по отношению к своему герою и, наконец, на развитие в последующих произведениях писателя проблем, поставленных в «Записках из подполья». Решаются же все обозначенные исследователем вопросы достаточно интересно.

Главное, о чем говорит Станюта, сводится к следующему: повесть Достоевского — это своего рода «апробация» современной писателю идеи о том, что «скрытая в человеке сила рано или поздно вырвется наружу и подорвет основы возводимого общественного здания, каким бы совершенным оно ни проектировалось» [25;47]. «Подпольный», по исследователю, не считает возможным «идеальное устройство» людей на земле (то есть — социализм), тогда как автор повести «никогда не расставался с надеждой возвести свое здание».

Абсурдность теории «подпольного человека» для писателя, по исследователю, ощущается во второй части повести, а точнее, в «полнейшем личном поражении перед Лизой» главного героя. Однако, на наш взгляд, связь поступка парадоксалиста по отношению к героине и провальность его теории бездоказательна и, более того, неправомерна.

Более близким нам кажется вывод, который делает исследователь относительно связи «Записок из подполья» с последующими произведениями художника, а именно — то, что чувствуется в повести, открыто присутствует в романах Достоевского: желание уйти от разлада с самим собой и миром посредством анализа собственной личности, а не отстранением от разлада и хаоса.

Таким образом, исследование Станюты нельзя считать однозначным. В нем присутствуют вполне правомерные указания на значение «Записок из подполья» для дальнейшего творчества Достоевского, однако есть и недоказанные, неубедительные, на наш взгляд, тезисы.

Другая книга, на которой мы остановимся, — «Многоликий Достоевский» И. Гарина. Основными тезисами данного исследования являются, на наш взгляд, следующие:

1. «Подпольный человек» — это не просто тип, впервые отмеченный Достоевским, но и «мы все, дорожающие своей свободой» [7;112]. Исследователь также говорит о «вневременности» героя писателя (здесь можно уловить связь с понятиями «сверхтип», «метатип»).

2. Теория «подпольного», безусловно, имеет право на существование, однако, как и любая другая идея, подлежит исторической проверке и лишь на основании этого можно говорить о ее правильности или неправильности. Эта мысль высказана впервые именно этим исследователем.

3. Осознание теневых сторон души иногда, как, например, в данной повести, не способствует ее спасению, а наоборот, приводит к еще большему аморализму. Данная мысль также нова и не раскрывалась в более ранней критике.

4. Последняя, и главная, на наш взгляд, мысль, на которой стоит остановиться, об истинности, «подлинной онтологической реальности человеческого духа» [7;153] героя, выведенного Достоевским и ошибочности взглядов, характеристик «разумного человека» просветительства и «прекрасной души» романтизма.

В целом, взгляды И. Гарина близки нам.

Другой, не менее значимой в трактовке образов повести «Записки из подполья», становится работа Г.М. Фридендера, в которой произведение «Записки из подполья» включено в контекст творчества писателя в качестве иллюстрации мысли о пагубности идеи «победы «звериных свойств человека» над человеческими свойствами» [30;162] «Она, — пишет исследователь — выражена в каждом из главных его произведений. Князь Валковский (в «Униженных и оскорбленных»), антигерой «Записок из подполья», Раскольников и Свидригайлов (в «Преступлении и наказании»), Ипполит Терентьев (в «Идиоте»), Ставрогин (в «Бесах»), Федор Павлович, Митя и Иван Карамазов (в «Братьях Карамазовых») — таков неполный перечень главных героев Достоевского, трагическая судьба которых связана с тревожными размышлениями писателя, вызванными исследованием проблемы морального и социального зла, его — временной или окончательной — победы над душой и сердцем человека». Заслугой исследователя, на наш взгляд, является факт включения произведения «Записки из подполья» в контекст мировой литературы. По мысли Г.М. Фридендера, Достоевский продолжает «начатый Стендалем, Бальзаком, Диккенсом и другими западными писателями первой половины XIX в. трезвый и бесстрашный анализ мысли и сердца человека-одиночки, сжигаемого чувством неудовлетворенности. И великий писатель показал, что в сумерках души такого человека (или психологическом «подполье», если воспользоваться термином Достоевского) могли и могут рождаться не только «рай», но и «ад», возникать не только светлые надежды и мечты героев Шиллера, Жорж Санд, Фурье и других провозвестников нового мира, но и мрачные фантазии пушкинского Германна, Скупого рыцаря, индивидуализм Раскольникова, Подростка, Ивана Карамазова». В этом же исследовании автор говорит о пророческой миссии Достоевского, доказывая свою позицию фактами позднейшей истории буржуазной философской мысли XX века. Характеризуя образ антигероя Достоевского, Г.М. Фридендер обращает внимание на новаторство писателя: «В отличие от многочисленных своих предшественников, Достоевский избирает в качестве объекта анализа не величественного «титана» — индивидуалиста, не Мельмота, Фауста или Демона, а заурядного русского чиновника, в душе которого новая эпоха открыла противоречия, сомнения и со-

блазны, аналогичные тем, которые раньше были уделом немногих избранных романтических натур, «аристократов духа» ... В опьянении открывшейся ему безграничной свободой духовного самопроявления он готов признать единственным законом для себя и для всего мира свой личный каприз, отказ от осуществления которого уподобляет его ничтожному «штифтику» или фортепьянной клавише, приводимой в действие чужой рукой» [30;237]. Вынося суровую оценку персонажу, Г.М. Фридендер, тем не менее, отмечает: «Его горделивые «нищешанские» (до Ницше) притязания и мечты — лишь маска, под которой скрывается больная, израненная бесконечными унижениями человеческая душа, нуждающаяся в любви и сострадании и во весь голос взывающая о помощи» [30;239].

Как уже отмечалось, на современном этапе исследования повести Достоевского интерес к ней по-прежнему не ослабевает. Огромное количество работ, посвященных проблематике этого произведения, побуждает исследователей к попыткам их систематизации. В частности, О. Дилакторская выделяет такие проблемные направления, сложившиеся в истории изучения «Записок из подполья»: «во-первых, осмысления личности героя; во-вторых, осознания философского фона повести; в-третьих, отражения авторского присутствия (биографического и мировоззренческого аспекта); в-четвертых, выявления плана реминисценций и рецепций; в-пятых, соотнесения повести с последующим творчеством писателя и, наконец, в-шестых, оценки ее жанра» [10;7].

На наш взгляд, в качестве ведущих направлений современного этапа в изучении повести Достоевского необходимо выделить следующие: первое, связанное с философским осмыслением «Записок из подполья» (именно этот аспект становится ведущим в работе О. Семак); второе, рассматривающее идейно-художественное влияние этого произведения на культурное наследие ряда выдающихся писателей XX века [Пушкарев А.А.].

Если в работе Пушкарева А.А. проблематика «Записок из подполья» рассматривается через призму анализа творчества созвучных художников, то исследование О. Дилакторской по сути продолжает традиции сложившегося еще к двадцатым годам ушедшего века и насильственно прерванного в последующем религиозно-философского подхода. В частности, исследователь, используя приемы этимологического анализа фамилий, использованных Достоевским в процессе наименования героев, выходит на значимые в его творчестве идеи. Этот подход вписывается в рамки актуального на сегодняшний день культурологического подхода [10;12]. В другой работе О.Г. Дилакторская указывает ряд черт, сближающих ткань повести Ф.М. Достоевского с произведением А.С. Пушкина «Пиковая дама» и произведением Н.В. Гоголя, приходя к следующему заключению: «... нет сомнений в том, что творческая фантазия Достоевского при конструировании масок Парадоксалиста безусловно опиралась на творческий опыт Пушкина, пушкинское понимание наполеоновского типа, выраженное в образе Германна.

Но идеи Пушкина под пером Достоевского получили драматическую заостренность, глубину, дисгармоническую вибрацию материала» [11;8].

Если говорить о художественной литературе XX века, то в крупнейших произведениях этой эпохи мы наблюдаем проявление двоимирия, взаимопроникновение реального и трансцендентного, социального и экзистенциального, так характерных для произведений Достоевского.

Воздействие Достоевского на всю последующую литературу определяется тем, что он дал имена и образы идеям, которые только зарождались в сознании его современников, а потом, в XX веке, определили собою все сферы социально-политической и культурной жизни человечества. Здесь даже можно говорить об определенном «перечне» идей, которые были исследованы Достоевским: «идея всемирного человеческого обновления», «идея православия», «национальная идея», «идея о бессмертии души человека» и др. Каждая из названных идей доказывается и обосновывается в творчестве писателя, что обуславливает активное развитие этих идей в творчестве художников XX века.

Писатели XX столетия восприняли творчество Достоевского как некий «канон» или, своего рода, метатекст, превносящий в новую литературу темы, мотивы, идеи и образы, ставшие национальными архетипами. Достоевский воплотил в созданных им характерах главную черту национального характера — антиномичность, противоречивость, двойственность. Он создал национальный архетип, который будет в XX веке воплощать русское искусство.

В чем же заключаются основные пункты соприкосновения художников XX века с Достоевским? Во-первых, единой исходной позицией — действительность иррациональна; во-вторых, общей проблематикой: человеческой свободы/несвободы; героя/антигероя; хотения/воли, добра/зла, кризисного сознания, нравственного идеала и т. д.; в-третьих, особым видением мира как хаоса.

На наш взгляд, достаточно ярким раскрытием типа «подпольного человека» в современной литературе является роман В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени». Если «подпольный» Достоевского — внутренний человек, со всеми муками личностной рефлексии и трагической судьбы, то персонаж современного андеграунда — социальный человек, входящий в среду и живущий по ее правилам. На наш взгляд, их общность определена лишь внешним по отношению к социуму положением. «Подпольный человек» Достоевского интровертен и решает вечные и сегодняшние вопросы наедине с самим собой. Современный герой андеграунда всегда чувствует плечо собрата по своему кругу и опирается на него. Однако, на наш взгляд, аллюзия Достоевского, заявленная в названии романа, скорее в русле отталкивания от него, нежели сближения. Это явление, по Маканину, сугубо социально-политическое, идеологическое, почти не имеющее точек соприкосновения с онтологическими сущностями.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что Ф. М. Достоевский предупреждает о грядущей катастрофе обезбоженного мира, фатальном итоге идеологической цивилизации, а постмодернисты осмысливают мир как текст, *генерируя новые смыслы*, в ситуации тотального тупика этой цивилизации. Подобные выводы стали возможны благодаря синтезу всех направлений исследования творчества Ф. М. Достоевского (социологического, философского, метафизического, поэтологического), что дает ключ к подлинному его пониманию.

Заключение

Русская критика всегда стремилась взять на себя руководящие функции в управлении литературным процессом. В разное время и в разной степени критика регулирует историко-литературный процесс, становится выразителем культуры, времени, в ней представленном.

Преимущественным предметом критики оказывается современная исследователю литература, живой литературный процесс. Но история литературы обращается и к классике, к тому, что приобрело статус долговечности.

В подходе к определению цели критической мысли мнения специалистов разнятся: «Ряд исследователей считает, что критика — это область познания, близкая науке (истории литературы). Другую точку зрения представляют литературоведы, которые считают, что критика — это область познания, близкая художественному творчеству. Критике действительно присущи элементы как научного, так и художественного познания литературных явлений» [6;25]. Объектом познания критической литературы становится творчество того или иного писателя. В совокупности эти отзывы — одна из необходимых работ, без которых историко-литературное изучение художественного творчества данного лица не может быть полным. Такой пересмотр дает нам материал для суждений о том, как отнеслась к данному писателю современная ему общественная и литературная мысль и к каким выводам о нем пришла последующая, посмертная его оценка. Наряду с этой прямой задачей на основании того же материала решаются отчасти и некоторые другие вопросы историко-литературного значения (движение общественного сознания в эпоху, представленную соответствующими критическими материалами; характер литературной критики на определенном историческом этапе; развитие литературной манеры писателя).

В своей работе мы определили своеобразие критики, посвященной повести Достоевского, исходя из особенностей эпохи XIX—XX веков и взглядов самих критиков.

Повесть «Записки из подполья» в современном понимании — весьма значительное произведение Достоевского, ставшее не только предтечей его великих романов, но и «прологом к литературе XX века» [7;112]. Однако такое понимание значимости этого произведения отмечалось далеко не всегда. Не получив сразу после публикации должной оценки, повесть Достоевского обрела таковую лишь десятилетия спустя — в русской философ-

ской критике рубежа XIX—XX веков; эта высокая оценка была закреплена в сформировавшемся к 20-м годам минувшего века религиозно-философском подходе к творчеству Достоевского. В советский период повесть Достоевского оценивалась резко негативно; эту ошибку начали осторожно исправлять лишь в последней четверти XX века, а окончательное преодоление предвзятости в оценке произведения стало возможным лишь в эпоху переосмысления прежних социальных ценностей.

На современном этапе выделяются два основных направления в изучении «Записок из подполья». Первое — развивающее традиции религиозно-философского подхода; второе — рассматривающее проблематику этого произведения сквозь призму анализа творчества со-

звучных художников. При этом все с большей силой заявляют о себе работы, отражающие архетипный подход в литературоведении, поскольку «подпольный» герой однозначно квалифицируется учеными как архетипический образ. Исследования обоих направлений и, в частности, те, что проводятся в рамках архетипного подхода, призваны уточнить существующее представление о месте «подпольного» героя в художественном мире Достоевского, а также исследовать влияние «подпольного» образа на творчество классиков мировой литературы. Кроме того, нужно признать, что многие реалии в произведениях Достоевского еще нуждаются в раскрытии их глубинного смысла и пока они остаются за пределами первой и непосредственно воспринимаемой читателями информации.

Литература:

1. Ашимбаева, Н. Т. Достоевский. Контекст творчества и времени. — СПб., 2005.
2. Бердяев, Н. А. Откровение о человеке в творчестве Ф. М. Достоевского. — М., 2009.
3. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского. — М., 1999.
4. Бубеникова, М. Возвращение мастера // Эмигрантский период жизни и творчества А. Л. Бема. — СПб., 1999.
5. Бурсов, Б. И. Личность Достоевского. — Л., 1982.
6. Володина, Н. В. Литературная критика. Её предмет и задачи. — Череповец, 1997.
7. Гарин, И. И. Многоликий Достоевский. — М., 1997.
8. Горький, М. Собрание сочинений. — Т. 20. — Критические статьи. — М., 1961.
9. Гроссман, Л. П. Достоевский. — М., 1962.
10. Дилакторская, О. Г. О значении фамилии «Ферфичкин» в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Русская речь. — 1998. — № 1. — с. 11–14.
11. Дилакторская, О. Г. Маски Парадоксалиста (герой Достоевского в кругу пушкинских и гоголевских литературных типов) // Гуманитарные исследования. — № 3. — 2008. — с. 5–9.
12. Долинин, А. С. Блуждающие образы (О художественной манере Достоевского) // Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе. — Л., 1989. — с. 88 — 97.
13. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30-ти томах. — Т. 5. — Л., 1972.
14. Ермилов, В. В. Ф. М. Достоевский. — М., 1956.
15. Захаров, В. Н. Проблемы изучения Достоевского. — Петрозаводск, 1978.
16. Касаткина, В. Н. Тайна человека. Своеобразие реализма Ф. М. Достоевского. Учебное пособие. — М., 1994.
17. Кирпотин, В. Я. Избранные работы. — Т. II. — Достоевский. — М., 1978.
18. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского (Событийное. Социальное. Философское). — М., 1979.
19. Лобас, В. Достоевский. — Кн. I. — М., 2000.
20. Мережковский, Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — М., 1995.
21. Михайловский, Н. К. Жестокий талант // Достоевский в русской критике. Сборник статей. — М., 1956.
22. Мочульский, К. В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. — М., 1995.
23. Назиров, Р. Г. Об эстетической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время. — Л., 1971.
24. Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934 г. Стенографический отчет. — М., 1990.
25. Станюта, А. А. Постыжение человека. Творчество Достоевского 1840–1860-х годов. — Минск, 1976.
26. Страхов, Н. Н. Литературная критика. — М., 1984.
27. Тарасов, Ф. Б. Федор Михайлович Достоевский (1821–1881). Очерк жизни и творчества. — М., 1986.
28. Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 2/Под ред. Юрьевой О. Ю. — Иркутск, 2003/www.mineralov.ru
29. Туниманов, В. А. Творчество Достоевского. 1845–1862. — Л., 1980.
30. Фридлиндер, Г. М. Достоевский и мировая литература. — М., 1979.
31. Шестов, Л. И. Достоевский и Ницше // Шестов Л. И. Избранные сочинения. — М., 1993.
32. Шестов, Л. И. Философия трагедии. — М., 2001.

Две крайности, или Антонимы в статье Н. С. Лескова «Специалисты по женской части»

Кочергина Вера Николаевна, студент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

Работа посвящена рассмотрению употребления антонимических единиц Н. С. Лесковым на примере статьи «Специалисты по женской части».

Ключевые слова: Н. С. Лесков, антонимы, публицистика 60-х годов XIX века, антонимическая парадигма, визуальные антонимы, окказиональные антонимы.

Статья «Специалисты по женской части» стоит в ряду публицистических работ Н. С. Лескова, посвященных так называемому *женскому вопросу*. В ней, в частности, речь идет о возможном обучении женщин медицине. Публицист отмечает: в России представительницы слабого пола сначала были допущены на *медицинские лекции вместе со студентами Военно-медицинской академии*, а затем изгнаны. Автор соглашается с представителями власти в данном вопросе (*правительство поступило совершенно самостоятельно... оно не захотело иметь разврата в заведениях, устроенных для образования, — и поступило прекрасно*) [Лесков, 1996, здесь и далее цитирование по указанному источнику]). Свою позицию по данной проблеме публицист представляет с помощью различных языковых средств, максимально реализуя смысловый объем лексических единиц, включенных в различные парадигматические отношения. В статье частотны антонимические проявления, например:

Из уст первых специалистов по женской части общество русское узнавало, что женщины наши унижены, оскорблены; что они всегда находятся в зависимости от мужчины или от семейства, что у них нет прав и что эти права им и надо добыть. О воспитании детей писали все, не исключая даже г-на Пятковского, так все же почти, опять-таки не исключая Пятковского, взяли писать и о женской воле, — о женской свободе.

В лесковском тексте имеет место антонимическая парадигма (*зависимость — воля/свобода*), которая представлена окказиональными антонимами одного ряда *зависимость-свобода*. Семантическое наполнение синонимических единиц *воля и свобода* тождественно: *воля* — «свобода в проявлении чего-нибудь» [ТСРЯ 2003, 96], *свобода* — «отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному желанию» [ТСРЯ 2003, 704]. Следовательно, если *зависимость* — «отсутствие самостоятельности, свободы» [ТСРЯ 2003, 200], то уместно будет сказать, что контекстная синтагматика посредством коннотативной рассогласованности членов словосочетания сигнализирует, что у наших женщин есть и права, и свобода, а специалисты по женской части просто раздули этот во-

прос на пустом месте. Более широкий контекст убеждает читателя в этом:

Специалисты по женской части издевались над всем, что составляет так называемую женственность; смеялись над женской скромностью, над ее стыдливостью; представляли верность ложа запощеванским предрассудком. Они добивались допущения женщин в одни и те же училища с мужчинами, — а потом уже ввали в круглое бешенство, и в этом бешенстве один из женских эмансипаторов предлагал России женское войско, а другой объявил, что очень глупо видеть что-то предосудительное в профессии женщин, торгующих своими прелестями, ибо с настоящей точки зрения проституция, как ремесло, ничуть не хуже многих других ремесел, а некоторых даже и лучше.

Зону антонимии здесь составляют следующие ряды (*скромность/стыдливость — проституция*). Существительные *скромность* — «сдержанность, умеренность, пристойность» [ТСРЯ 2003, 726] и *стыдливость* — «позор, бесчестие, смущение» [ТСРЯ 2003, 776] в тексте не образуют противопоставленности, выражая синонимичные значения: «сдержанность, умеренность, пристойность, смущение», но противопоставляются контекстуальному антониму *проституция* — «продажа женщинами своего тела, бесстыдство, развращенность, непристойность» [ТСРЯ 2003, 621]. Следующая группа семантически сближенных лексем (*скромность/стыдливость*) включает в орбиту оппозиции лексические единицы, структурированные по компонентам 'стыд', 'скромность', 'пристойность' — 'бесстыдство', 'развращенность', 'непристойность'.

Публицист, реализуя как системную, так и авторскую антонимию, более ярко характеризует отношение к женщинам специалистов по женской части. Лесков, считая, что эти специалисты находятся в «круглом бешенстве», выражает тем самым свое субъективное мнение, с которым мы не можем не согласиться: женщина должна быть скромна, стыдлива и верна своему ложу.

Мы видим повсюду, что если у хорошей женщины много средств удержать за собою равенство своего положения с мужчиной, то у дурной находятся даже средства тиранствовать над ним, и одним из мо-

гущественнейших средств к этому тиранству над мягким человеком в руках нечестной женщины является скандал — огласка своей дурной жизни.

Публицист в данном контексте реализует языковую антонимию (*хорошая/дурная*). Хорошая женщина — «вполне достойна, прилична» [ТСРЯ 2003, 867] противопоставляется женщине *дурной* — «то же, что и плохой» [ТСРЯ 2003, 183]. Если учесть, что лексема *дурной* является узуальным синонимом лексемы *плохой*, то стоит обратить внимание, что *плохой* — «лишенный положительных качеств, не удовлетворяющий требованиям поведения, морали» [ТСРЯ 2003, 525]. Из всего вышесказанного следует, что, если женщина хорошая, она сможет сохранять свое равное положение с мужчиной и не будет вступать в ряды эмансипаторов, если же женщина дурная, то она будет пытаться главенствовать над мужчиной, брать верх во всех отношениях, унижать его достоинство, что совершенно непростительно с ее стороны.

Все труды наших специалистов по женской части не принесли русской женщине никакой пользы. Но вред — принесли! Если вникнуть глубже и внимательно обсудить последствия замеченного сторонничества, то в нем можно открыть временную пользу для народа и довольно капитальный вред для всего общества (из которого мы, как известно нашим читателям, не исключаем ни одного класса).

Свои выводы Лесков убедительно и логично аргументирует с помощью узуальных антонимов (*польза/вред*) и контекстуальных (*временный/капитальный; народ/(все) общество*).

Прилагательное *временный* — «длящийся, действующий в течение некоторого времени» [МАС 1981: т. 1, 227] — имеет языковой антоним *постоянный* — «расчитанный на длительный срок, не временный» [МАС 1981: т. 3, 325], который не удовлетворил автора, использовавшего адъектив *капитальный* в значении «основной, очень важный» [МАС 1981: т. 1, 29]. Таким образом, по отношению к прилагательному *постоянный* слово *капитальный* семантически более емкое, вбирающее семы стабильности, постоянства и категоричности.

Публицист проводит тонкую работу со словом *народ*, которое по своей семантике не предусматривает отношений противоположности, следовательно, не может иметь антонимической пары. Но в лесковском контексте данная единица противопоставлена лексеме *общество*. Слова *народ* и *общество* входят в одну тематическую группу, так как имеют интегральные семы «совокупность людей», объединенных «общностью» чего-то. Однако автором статьи в семантически зеркальные отношения включено одно из переносных значений слова *народ* —

«основная трудовая масса населения страны, угнетаемая господствующими классами» [МАС 1981: т. 2, 389] и переносное значение полисеманта *общество* — «круг людей, объединенных общностью чего-либо (происхождения, положения и т. п.)» [МАС 1981: т. 2, 577]. Таким образом, на основе отношений семантического тождества формируются и отношения противоположности, которое организует компонент «угнетать».

*В эти минуты, которые можно назвать почти торжественными минутами, когда нация, может быть, впервые за сто лет назад, снова начинает чувствовать себя нацией и не безучастливо смотреть на внешние и внутренние распоряжки своего правительства, горсть мелких людей старается отрывать общественное внимание **вопросами ничтожнейшими**, о которых говорить и не говорить все равно, но которыми усиливаться занять общественное внимание в такое серьезное время недостойно людей, мало-мальски солидных.*

*Не будет особенно резко сказать, что если бы такие усилия не объяснялись пустотой и тупостью производящих их людей, то их можно было бы объяснить изменой стране, желанием отвлекать общество от **солидных вопросов**, требующих всего его внимания и участия.*

В данном контексте реализуется антонимическая парадигма (*ничтожнейший/солидный*), где один противочлен *ничтожнейший* употреблен в превосходной степени для выражения значения элатива и обладает очень большой экспрессивностью по сравнению с субстантивом *ничтожный* в значении «совершенно незначительный по роли, внутреннему содержанию; не внушающий к себе уважения, мелкий» [ТСРЯ 2003, 419]. Так же прилагательное *ничтожный* имеет языковой антоним *великий* — «выдающийся по своему значению, влиянию, очень важный» [ТСРЯ 2003, 72], но автор предпочел адъектив *солидный* — «создающий внушительное впечатление, представительный» [ТСРЯ 2003, 745]. Публицист хотел этим сказать, что в обществе присутствует много важных для правительства вопросов, а некие глупые «производящие» люди отвлекают вопросами мелкими от дел насущных, требующих внимательного к ним отношения.

Таким образом, широко используя узуальные парадигматические отношения и выстраивая авторские, Н. С. Лесков не только поднимает ставшую актуальной для 60-х годов XIX века проблему, но и, как выразительное средство создания контраста, служащее для усиления выразительности речи, мыслей, образов, подчеркивает **свою** социальную позицию, выступая за повышение роли женщины обществе.

Литература:

1. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений в 30 томах. — М., 1996.
2. Ожегов, С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — 4-е из., дополненное, М., 2003.
3. Малый академический словарь: В 4-х т.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981—1984.

И. А. Крылов «Ворона и лиса»: особенности выражения моральной сентенции

Максимов Владимир Владимирович, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В качестве определяющего жанрового признака басни отмечается ее полидискурсивность, то есть сложное взаимодействие четырех коммуникативных стратегий: научной (познавательной), моральной (нравственной), агональной (риторической) и эстетической (художественной). На основе полидискурсивной модели жанра анализируется фрагмент басни И. А. Крылова «Ворона и лиса». Особое внимание уделяется способам воплощения морального урока.

Ключевые слова: басня, жанр, дискурс, моральная сентенция, автор.

Отечественное жанроведение басни представлено рядом оригинальных исследований литературно-критического [1; 3], историко-литературного [10] и теоретико-методологического [2; 2–9; 11] характера. На протяжении двухсот лет басня осмыслялась как сложный жанр, который формируется благодаря взаимодействию четырех коммуникативных стратегий. Отчетливее всего в тексте басни обнаруживаются две из них — эстетическая (художественно воплощенная ситуация) и дидактическая (моральный вывод-урок). После фундаментального исследования А. Потебни [7], в басне стали видеть особую форму познавательной деятельности (басенная мудрость); а М. Л. Гаспаров [2] дополнил общую характеристику жанра агональным аспектом — моментами состязательности и совещательности, организующими басенную фабулу (персонаж — персонаж) и композицию (автор — читатель).

Несмотря на безусловные достижения отечественного басневедения, многие вопросы данной области остаются открытыми. Цель предлагаемой статьи определяется вниманием к моральной сентенции как одному из обязательных жанровых признаков басни. Для того, чтобы понять басенную природу моральной сентенции, мы выбрали в качестве материала известную басню И. А. Крылова «Ворона и лиса», а точнее первое трехстишие этого текста:

1. *Уж сколько раз твердили миру,*
2. *Что лезть вредна, гнусна; но только все не впрок,*
3. *И в сердце льстец всегда отыщет уголок* [4].

Целостность данного высказывания определяется наличием субъекта речи, темы и адресата. Как кто выступает в исходном трехстишии субъект речи, или баснописец? Традиционный ответ: как моралист, занятый обычным басенным делом: воспитанием читателя, точнее, читающей публики как референтной части общества. В таком случае стоит уточнить цель и смысл назидания, содержание басенного урока. Здесь в качестве возможного ответа видится шесть вариантов:

- в призыве «не льстить»;
- в осознании «вреда и гнусности» лести;
- в трезвом признании «бесполезности» не только соответствующих призывов, убеждений и «утверждений»;
- в поиске подлинной природы лести;

— в обнаружении всепроникающей силы особого искусства «льстецов»;

— в отрешенном принятии существующего положения дел в обществе.

Найти наиболее близкий контексту произведения ответ не просто. Дело в том, что высказывание баснописца организовано не как прямое предметное слово, а как слово, учитывающее и преломляющее другие высказывания, принадлежащие другим субъектам речи и другим ценностным кругозорам.

В центральной характеристике лести («вредна» — «гнусна») необходимо разграничивать два аспекта самой коммуникативно-речевой ситуации, в которой лезть возникает и устанавливает свои правила игры. Здесь всегда существует, как минимум, два участника абсолютно асимметричного речевого события: тот, кому льстят *vs* тот, кто льстит. В таком случае необходимо понять, как распределяются по отношению к ситуации эти две атрибуции. Безусловно, ролевые участники «сцены лести» не считают, что их речевые действия гнусны и вредны. Такое замечание оказывается возможным только с внешней точки зрения «свидетеля и судьи» (М. М. Бахтин), невольного наблюдателя сцены. Думается, что слово «гнусна» относится к «льстящему», который вынужден умять себя рядом с тем, кого он возвеличивает.

Характерологическое слово «вредна» относится, в большей степени, к тому, кто провоцирует лезть, например, как носитель власти, статусной роли, особого чина и положения в социальной иерархии. Сама коммуникативная ситуация лести предполагает театрализованный стиль поведения участников социального ритуала, это исключительно ролевое поведение, действие не от себя, а через созданную роль в определенном конвенциональном образе, прикрывающем лезть. Партнер-льстец всегда создает некие образы своего я и другого. Они не связаны со стремлением воплотить существенные качества участников, а оказываются знаками, метками, определяются характером социальной игры — амплуа, роли и маски. В целом мы имеем дело с особой формой квазиискусства и должны оценивать лезть как форму социального творчества. Именно поэтому она и «вредна»: образ, создаваемый слабым партнером для сильного, оказывается не отологическим, а сплошь функциональным.

В силу этого лесть подвижна, летуча, ситуативна, разнообразна.

Приведенные наблюдения и замечания позволяют нам в качестве исходного для авторского высказывания материала выделить не одно (конъюнкция), а два (дизъюнкция) моральных суждения:

1. «Лесть гнусна»;
2. «Лесть вредна».

Контекст третьей ценностно-смысловой позиции и кругозор третьего субъекта речи формируется в первой строчке басни Крылова: *Уж сколько раз твердили миру*. Здесь известный уже нам внешний наблюдатель, видящий и замечающий, что лесть вредна — гнусна и тем самым приглашающий любого читателя вспомнить на основании своего житейского опыта аналогичные сцены в лицах, предполагает новую анонимную позицию: не ясно, кто *твердил* миру (обществу, всем). Расхожесть, распространенность отмеченного в тексте представления в то же время переводит его в статус доксы, не столько убеждения или знания, сколько в ранг общественного мнения. То есть само общество становится тем имплицитным субъектом высказывания, выразителем и хранителем общественного мнения, а следовательно, и норм/правил поведения, должных определять жизнь каждого. Заметим, что баснописец, приводя эту точку зрения, не соглашается с ней, более того указывает на ее бесплодность, бесполезность — «все не впрок».

Означает ли это, что позиция автора устанавливается на необходимости пользы любого опыта, действия, включая речевое действие (мнение, суждение, убеждение и пр.)? Не стоит забывать о том, что свою пользу преследует в стандартной ситуации общения и лстец. Стремление угодить любым способом для него является способом получить в будущем какую-то выгоду, пусть даже исключительно символическую (благоклонность сильных мира сего). Думается, что в целом фрагмент, включающий первые две строки, принадлежит кругозору субъекта такого речевого поступка, который исходит из целей и ценностей прока, пользы. Назовем эту точку зрения утилитарной, в ее горизонте еще отчетливей связываются два слова «вред — прок», что еще раз доказывает о принадлежности атрибуции «гнусна» иной позиции.

Наконец, в финале высказывания — *И в сердце лстец всегда отыщет уголок* — изменение ценностно-смыслового состава сообщаемого (не *лесть*, а *лстец*, не *ум*, а *сердце*, не весь *мир*, а *уголок*) свидетельствует о появлении нового, уже четвертого субъекта речи. Этот момент

смещения идеологической точки зрения особенно интересно рассмотреть на фоне литературной эпохи первой трети 19 века, в рамках которой одновременно сосуществовало несколько культурно-литературных парадигм: классицизм, сентиментализм и романтизм, и как результат оформлялась системный культурный код, связанный с магистральной коллизией («ум с сердцем не в ладу»). В рамках своего высказывания новый субъект речи в начальном фрагменте крыловской басни акцентирует не лесть (антиценность), а лстеца (персонажа в его предельно обобщенном виде) и предельно конкретном действии. По его мнению, объектом действия лстеца **всегда** является не ум (рассудок), а сердце (чувства). Можно предполагать, что сама природа чувственности и чувствительности хранит в себе постоянно некое условное место для возможности обольщения человека. Но что это за условное место — остается не раскрытым в высказывании. Важнее другое: умение лстеца проникать в сердце, душу другого, легкий дар **распознавать** это уязвимое место в другом человеке. Стоит заметить, что именно эта стратегия (познание другого) станет основой постромантического искусства, так называемого критического реализма 1840–1880-х гг., в рамках которого эти отношения напряженного поиска другого окажутся задачей не столько лстецов, сколько любых персонажей.

Подведем итоги.

Моральная сентенция, открывающая басню И. А. Крылова «Ворона и лиса», организована автором-баснописцем как сложное соотношение позиций четырех субъектов речи. Первый из них характеризует лесть словом «гнусна», акцентируя коммуникативное поведение лстящего; второй — смещает характеристику лести («вредна»), расширяя пространство ее пагубного действия до всего общества. Третий субъект речи свидетельствует о том, что само представление о вреде и гнусности лести перестало быть знанием, убеждением, а выродилось в бесполезное мнение. Наконец, четвертый субъект речи обнаруживает основную тонкость обсуждаемой проблемы: следует говорить не о лести, а лстеце, а также воздействовать не на ум, а на чувства читателей, современников и общества в целом.

Используя ценностно-смысловые ресурсы этих 4 позиций, автор-баснописец уходит от прямого морального слова, от авторитарной дидактики, оформляя свою точку зрения как парадоксальную метапозицию, ориентированную не только на локальный смысл конкретного текста, но и на широкий культурно-исторический контекст с его магистральной коллизией «ум с сердцем не в ладу».

Литература:

1. Белинский, В. Г. Басни И. А. Крылова/В. Г. Белинский Собр. Соч.: В 9-ти томах. Т. 7. М.: Худ. лит., 1981.
2. Гаспаров, М. Л. Басня // Литературный энциклопедический словарь. М.: Энциклопедия, 1987. — с. 46–47.
3. Жуковский, В. А. О басне и баснях Крылова <http://feb-web.ru/feb/zhukovsky/texts/zhuk4/zh4/zh4-402-.htm> (дата обращения 01.04.2015).
4. Крылов, И. А. Басни/И. А. Крылов Ворона и лиса <http://lib.ru/LITRA/KRYLOW/basni.txt> (дата обращения 01.04.2015).

5. Максимов, В.В. «Ворон и Лисица» Эзопа: опыт нарратологической реконструкции басенной фабулы // Narratorium. М.: РГГУ, 2013. №3–4 <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631074> (дата обращения 01.04.2015).
6. Нестеренко, В. Произведение морали // Вопросы литературы. 1998. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/2/nester.html> (дата обращения 01.04.2015).
7. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. — 612 с.
8. Тюпа, В.И. Генеалогия лирических жанров // Жанр как инструмент прочтения. Ростов-на-Дону: «Инновационные гуманитарные проекты», 2012. — с. 104–130.
9. Федоров, В.В. О природе поэтической реальности. М.: Сов. писатель, 1984–184 с.
10. Фомичев, С.А. Последний русский баснописец // XVIII. Вып. 18. — с. 267–273
11. Фрейденберг, О.М. Басня/Публ. подгот. Н.В. Брагинская при участии Ю.В. Крайко // Синий диван. 2007. №10–11. — с. 126–156.

Словообразовательные модели интернет-коммуникации в китайском языке

Матназаров Тимур Уткирович, студент

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

Томский государственный университет

Болсуновская Людмила Михайловна, зав. кафедрой, кандидат филологических наук

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Изучением проблем и особенностей лексикологии китайского языка занимались А.Л. Семенас, В.И. Горелов, А.А. Хаматова и др. Согласно модели, предложенной А.Л. Семенас, наиболее распространенной словообразовательной моделью в китайском языке является атрибутивная модель, где первый компонент определяет второй и между компонентами имеются видо-родовые отношения [1]. В данной работе на примере иероглифа 网 (сеть) и анализа структуры образованных при помощи данного иероглифа новых слов мы попытаемся рассмотреть всю атрибутивную модель.

Китайский язык — это особенный язык, он отличается своим грамматическим и синтаксическим строем, своей лексической системой и т.д. Характерная особенность иероглифов — это их многозначность. Так, исследуемый нами иероглиф 网 имеет следующие значения: 1) *сеть для ловли рыбы*; 2) *провод*; 3) *сеть как соединение разных объектов*. Интересно, что часто используемым значением иероглифа 网 при формировании новых слов стало не его основное значение («сеть»), а переносное.

С появлением интернета в Китае (одно из общих наименований — 因特网), иероглифу 网 стали уделять особое внимание. Понимая, что Интернет — это мировое явление, а связанный с ним иероглиф 网 напрямую относится к этому явлению, в китайском языке появляется понятие «язык сети Интернет» (网词网语). Вслед за этим понятием происходит формирование соответствующих этому понятию новых слов: 网吧 (*интернет-кафе*), 网站 (*страничка в интернете*), 网址 (*электронный адрес*), 网友 (*виртуальный друг*), 网民 (*люди, поль-*

зующиеся интернетом), 网迷 (*интернетоман*), 网虫 (*«интернет-червь» — человек, проводящий за интернетом много времени*) и т.д. Учитывая то, что содержащее иероглиф 网 выражение 互联网 дословно означает «взаимосвязанная сеть», мы можем судить о правомерном возникновении следующих словосочетаний: 网络电话 (*телефон, основанный на принципе передачи голоса через Интернет*), 网络服务商 (*услуги, предлагаемые по интернету*), 网络营销 (*Интернет-магазины*), 网民一族 (*Интернет-группа*), 网上书店 (*книжные интернет-магазины*). Также есть ряд действий, связанных с иероглифом 网: 上网 — войти в интернет, 罢网 — выйти из интернета, 触网 — немного побыть в интернете.

Рассмотрев иероглиф 网 с лингвистической точки зрения, и сравнив его со словами «сеть» и «сеть Интернет» в русском языке, можно говорить о том, что:

1) в обоих языках слово «интернет» является заимствованным от английского Internet, причём в китайском языке оно представлено двумя вариантами — 因特网 и 互联网. Понятие «сеть» существует как в русской, так и в китайской культуре (网络), поэтому нет необходимости заимствовать иноязычное слово. Кроме того, и в китайском и в русском языках слово «сеть» имеет одинаковые значения.

2) новые слова, образованные при помощи данного иероглифа, — производные слова. Это объясняется тем фактом, что как в русском, так и в китайском языках проще использовать уже имеющиеся модели и элементы, чем создавать новый фонетический комплекс, значение которого внутренне не мотивировано. Но, несмотря

на это, в китайском и русском языках существует звуко-передача английского слова Internet — 因特+网/Интер-нет.

3) В китайском языке новые слова в основном имеют двусловную структуру, так как языку легче соединить существующие элементы, чем создать новые лексические единицы, но также встречаются и трех- и четырёхслоговые словосочетания.

4) Как в китайском, так и в русском языках новые слова уже приобрели общезыковой характер, т.е. они приняты обществом, зафиксированы в словарях.

5) Данные новые слова не нарушают норм лексической сочетаемости, принятой в китайском языке.

В последние годы значительно возросло внимание отечественных лингвистов к проблеме изучения сленга в иностранных языках, что имеет большое значение для изучения процессов освоения иноязычных слов языковым коллективом. Несмотря на проделанную работу, в имеющихся исследованиях не до конца раскрыты аспекты восприятия, освоения, хранения и извлечения сленговых слов в сознании индивида. Кроме того, есть все основания полагать, что исследование данных процессов на материале китайского языка является весьма перспективным, поскольку он уникален по своей природе и многие языковые явления в нем, включая сам процесс заимствования и адаптации иноязычных слов, отличаются определенной спецификой.

Сленг (от англ. slang) — терминологическое поле, набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях (профессиональных, социальных, возрастных групп) [1]. В китайском языке (как и в других языках) сленг можно разделить на несколько групп. Смысл сленгового выражения в подавляющем большинстве случаев зависит от сферы, в которой употребляется слово [1]. В нашем исследовании мы рассмотрим молодёжный сленг, а точнее его использование в чат-коммуникации.

Молодёжный сленг — социальный диалект людей в возрасте 13–23 лет, возникший из противопоставления себя не столько старшему поколению, сколько официальной системе. Бытует в среде городской учащейся молодежи и отдельных замкнутых референтных группах. Молодёжный сленг, как и любой другой, представляет собой только лексикон на фонетической и грамматической основе общенационального языка, и отличается разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской. Большая часть элементов представляет собой различные сокращения и производные от них, а также заимствования или фонетические ассоциации. Характерной особенностью, отличающей молодёжный сленг от других видов, является его быстрая изменчивость, объясняемая сменой поколений [4].

Наше исследование конкретизируется на понятие «чинет». Оно подразумевает под собой китайскоязычный сегмент сети интернет. Интернет сленг (网络语言 — wǎngluò yǔ yán) — такая разновидность сленга, которая употребляется только в сети, однако многие из них перекочевывают в обычную речь. Данный феномен мы можем

наблюдать и в русском языке. — **мб** (сокр. от может быть), **ББ** — до свидания (англ. bye-bye), **баян** (то, что уже было, о чём уже ранее говорилось), **виснуть** (глубоко задумываться о чём-либо), **Аська** — программа обмена сообщениями (ICQ).

Восприятие новых и уже освоенных носителями слов происходит на разных уровнях. Идентификация значений новых лексических единиц происходит по принципу «ассоциативных реакций» носителей с опорой на словообразовательную модель. Фонетическая и орфографическая адаптация в китайском языке существенно затруднены, что связано с иероглифической письменностью и со сложной фонетической организацией: в слоговых языках отсутствуют полные аналоги фонемам неслоговых, поэтому все адаптационные процессы в слоговых словах в китайском языке осуществляются в пределах слога, а не сочетаемости звуков [3].

Найденный материал был разделён нами на три группы:

Первая группа частоупотребимых сленгизмов самая простая, точно подходящая под определение понятия сленг, где уже существующим словам придают новое значение, либо комбинируют старые.

楼主 — lóu zhǔ — топикстартер (также LZ) (досл. хозяин этажа);

灌水 — guàn shuǐ — тот, кто пишет бессмысленные посты (досл. лить воду);

潜水 — qián shuǐ — применяется к человеку, который много времени проводит на форуме, но оставляет мало сообщений. (досл. плавать под водой);

黑客 — hēi kè — хакер (досл. чёрный гость);

木马 — mù mǎ — вирус Троян (досл. деревянный конь);

菜鸟 — cài niǎo — новичок (досл. аналог ньюби в играх и т.п.).

Вторая группа сленгизмов в чинете — иероглифы, заменяемые другими, сходными по звучанию. Этот новый стиль иероглифов распространён только в интернете. Многие из таких замен происходят из кантонского диалекта. По-китайски они называются 火星文:

偶稀饭 (ǒuxīfàn) = 我喜欢 (wǒxǐhuan) — мне нравится;

酱紫 (jiàngzǐ) = 这样子 (zhèyàngzǐ) — таким образом;

素 (sù) = 是 (shì) да;

木有 (mù yǒu) = 没有 (méi yǒu) не иметь;

米国 (mǐ guó) = 美国 (měi guó) Соединённые Штаты Америки.

Третью группу составляют цифровые и буквенные сочетания. Цифровые сочетания являются звукоподражательными, а буквенные — фонетической аббревиатурой.

88 — 八八 (bā bā) «пока», т.е. прощание, т.к. созвучно английскому bye-bye;

81 — 八一 (bā yī) — то же самое, что и 88;

94 — 就是 (jiùshì) — именно, точно;

520 — 我爱你 (wǒ ài nǐ) — я люблю тебя;

PP — 漂漂 (piào piào) красивый (-ая) (часто можно увидеть в комментариях к фотографиям);

BS — 鄙视 (bǐ shì) = ненавидеть, презирать;

GG — парень, брат, от кит. 哥哥 (gēgē);
 MM — девушка, сестра, от кит. 妹妹 (mèimèi);
 BC = 白痴 (bái chī) идиот;
 BT = 变态 (biàn tài) чокнутый;
 3Q — спасибо, от англ. thank you.

Примечательно то, что в первой и третьей группе пре-валирует число англоязычных заимствований, в данном случае английский язык рассматривается как язык-донор, а китайский — как язык-реципиент. Помимо этого, в рассмотренных нами примерах имеется так называемое «внутреннее заимствование», которое представляет собой процесс вторичного заимствования внутри системы китайского языка. Такого рода заимствования проникают в путунхуа не на прямую, а через лексику других китайских диалектов, в частности через гуандунский, который регулярно «транспортирует» в путунхуа англицизмы, например: 波士 bōshì — босс, начальник (от *boss*), 士多 shìduō — магазин (от *store*), 血拼 xuèpīn (от *shopping*) и мн. др.

Литература:

1. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка. Изд. Дом «Муравей». Москва, 2000. с. 229–250.
2. 大汉俄词典。商务印书馆。1983年。
3. Прядохин, М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь трудностей китайского языка. Изд. Дом «Муравей». Москва, 2000. с. 6–9.
4. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка. — М.: АСТ, Восток-Запад, 1984. — 216 с.
5. Хаматова, А. А. Омонимия в китайском языке. — М.: АСТ; Восток-Запад, 2006. — 120 с.
6. 陈光磊. 改革开放中汉语词汇的发展. — 上海: 2008, 上海人民出版社, 290页.
7. http://magazeta.com/chinese_language/2007/05/26/chinese-internet-language/. Интернет-сленг в китайском языке.

О сопоставительной фразеологии

Махмудов Умиджан Реимбаевич, магистрант
 Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Общепризнано, что во фразеологии, как «свет утра в капле росы» [2, с. 156], отражается и мудрость народа, носителя языка, и уровень его представлений о тех или иных явлениях. По фразеологическому фонду можно судить о традициях, мифах, преданиях, религиозных поверьях народа, так как в нем особенно ярко отражается национальное своеобразие культуры и языка. Иными словами, фразеология, тесно связанная с жизнью и бытом народа, как бы конденсирует весь сложный комплекс его культуры и психологии, демонстрируя его образные представления об объективной действительности.

Великий писатель М. А. Шолохов высоко отзывался о роли образных выражений в общем строе каждого народного языка: «Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания

Нужно отметить, что сленговая система фонетической аббревиатуры (в англ.: *LOL* — *laughing out loud*-громко смеюсь; *ROFL* — *rolling on the floor laughing* — катаюсь по полу от смеха) и цифрового звукоподражания (в англ.: *2U* (to you = тебе) *4ever* (forever = всегда, навечно.) не нова. Но, несмотря на это, эту группу сленгизмов используют в чинете чаще остальных. Это связано с тем, что набор иероглифов на клавиатуре занимает намного больше времени, чем набор двух-трех цифр или букв.

В связи с тем, что язык является постоянно изменяющимся, эволюционирующим организмом, и остановить его развитие невозможно, в последние десятилетия приток сленговых слов в чат китайского языка увеличился. Массовость и активность использования актуализировали вопрос о мере его использования. Найденный и проанализированный нами материал подтолкнул к дальнейшему изучению данного феномена.

людские, смех и слёзы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков» [4, с. 241].

В. Г. Белинский, анализируя басни И. А. Крылова, писал: «Эти оригинальные русские, не передаваемые ни на какой язык в мире обороты, это неисчерпаемое богатство идиом составляют народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство» [1, с. 151].

Интенсивное развитие исследований в области фразеологии создало необходимые предпосылки для выявления и описания фразеологических систем различных языков. Следует отметить, что человеческий фактор в языке никогда не отрицался, а, напротив, постоянно подчеркивалась необходимость его учета и анализа в конкретных исследованиях. Особенно актуален этот фактор в настоящее время, когда лингвистика получила четко выраженную на-

правленность, что в значительной степени предопределило обращение к человеку. Во всей системе языка, а во фразеологии особенно, прослеживается четко выраженная антропоцентрическая направленность, что является новым направлением в лингвистике.

Нетрудно заметить, что за последние годы в области фразеологии появились многочисленные статьи и диссертации, в центре внимания которых находится тема человеческого фактора в языке, непосредственно связанная с деятельностью человека или его свойствами, что можно объяснить популярным в настоящее время антропоцентрическим характером изучения фразеологии.

Человек и человеческий фактор стоят в центре круга исследовательских проблем процесса номинации и коммуникации. Многие лингвисты единодушны в том, что антропоцентризм является во фразеологии доминирующим. Лексика и фразеология любого иностранного языка должны быть усвоены на должном уровне, что обуславливает их правильное и корректное использование в речи. Как подчеркивают профессора Л.И. Ройзензон и Ю.Ю. Авалиани, «если лексика в своей совокупности отражает всю сумму явлений, фактов, процессов действительности, то фразеология охватывает, в первую очередь сферу переживаний и чувств, печали, радости, любви, дружбы, конфликта, борьбы, и качественную характеристику» [3, с. 207].

В последние годы существенно возрос интерес лингвистов к сопоставительному исследованию фразеологии генетически и типологически различных языков. В большинстве случаев изучаются общие и отличительные особенности фразеологических единиц в пределах определенных групп, полей и разрядов. При этом до недавнего времени исследовались факты национального своеобразия, «неповторимости», «непереводимости» фразеологических единиц, а случаи их межъязыкового совпадения или сходства либо игнорировались, либо рассматривались как случайные, несущественные, фоновые, в то время как изучение межъязыковой фразеологической общности позволяет осветить многие аспекты процессов заимствования и образования интернациональной фразеологии, выявить общность фразеологических механизмов, компонентный состав и определить факторы, обуславливающие возникновение сходных фразеологических единиц в различных языках.

Сопоставительная фразеология как самостоятельное направление зародилась в 20-е годы XX столетия. Многие ученые уделяли ей большое внимание (И.М. Вульфус, Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко и другие). В середине и в конце XX века сопоставительная фразеология получила мощный импульс развития в работах Л.И. Ройзензона, А.В. Кунина, А.Д. Райхштейна, В.Г. Гака, Ю.П. Солодуба, Е.Ф. Арсентьевой.

Особое внимание было уделено выработке системы межъязыковых фразеологических эквивалентов. Эту проблему поднимали в своих работах А.В. Кунин, А.Д. Райхштейн, М.М. Копыленко, С.И. Влахов

и С.П. Флорин, С. Сятковский, Е.Ф. Арсентьева. Прослеживаются несколько основных устремлений в разработке системы межъязыковых фразеологических эквивалентов:

1) разграничение межъязыковой фразеологической эквивалентности и типологической идентичности фразеологических единиц разных языков;

2) выявление в семантике фразеологизмов основных компонентов, которые послужили бы основаниями для установления сходств и различий фразеологических единиц разных языков;

3) обязательный учёт внутренней формы фразеологизмов при определении межъязыковых фразеологических эквивалентов.

В исследованиях языковедов, разрабатывающих проблему межъязыковой фразеологической эквивалентности, выделялись различные компоненты семантики, на основе которых сопоставлялись фразеологизмы разных языков: значение, грамматическая структура, лексический (компонентный) состав, оценочность, эмотивность, функционально-стилистическая характеристика и т. п.

Внутренняя форма является основополагающим семантическим компонентом, определяющим значение и функционирование фразеологизмов в живой речи носителей языка.

В данной статье мы опирались на разработки системы межъязыковых фразеологических эквивалентов тех компонентов семантики фразеологизмов, которые выделены и описаны в работах многих исследователей на основе их функционально-параметрического описания. Они выделяют следующие параметры описания семантической структуры фразеологизмов: денотативный (этому компоненту соответствует обозначаемое как объективно существующий класс признаков, задающий «контуры» фрагмента действительности, той ситуации, которая имеется в действительности). Грамматический макрокомпонент семантики (он отображает все грамматические, или кодовые, свойства фразеологической единицы), оценочный макрокомпонент (он несёт информацию о ценности того, что отражается в денотативном содержании фразеологизма), мотивационный макрокомпонент (его принято соотносить с тем феноменом, который в современной лингвистике называется внутренней формой фразеологизма, а также — с фразеологической картиной мира).

Эмотивный макрокомпонент объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому; эмотивность проявляет своё действие на шкале «одобрение — неодобрение», это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики типа презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ласкательность, ирония, насмешка и т. п.; стилистический макрокомпонент (главное для этого макрокомпонента — это функционально-стилистическая маркированность, которая регулируется фактами социального характера — она указывает на уместность/неуместность употребления фразеологизма в той

или иной сфере коммуникации. Синтез информации, исходящей от всех макрокомпонентов фразеологизма, адекватно и полно представляет семантическую структуру фразеологизма, следовательно, параметрический анализ семантики фразеологизмов наиболее приемлем для построения полной системы межъязыковых фразеологических эквивалентов.

В нашей статье предлагаются следующие виды межъязыковых фразеологических эквивалентов:

— межъязыковые полные структурно-семантические эквиваленты (они совпадают по всем компонентам); межъязыковые частичные структурно-семантические эквиваленты (они при семантически соотносительном значении могут иметь лексические, грамматические и лексико-грамматические различия);

— квазиэквиваленты (это полные или очень близкие по структуре эквиваленты, которые могут иметь заметные различия в сфере употребления, национальной культуры, образа жизни, что обычно отражается во внутренней форме фразеологизма);

— межъязыковые функционально-смысловые эквиваленты (они совпадают по семантике, реализуют в процессе функционирования один и тот же семантический инвариант, но полностью различаются по лексико-грамматическому составу и особенностям внутренней формы);

— межъязыковые фразеологические семантические корреляты (они переводятся посредством фразеологизма совершенно иной структуры, но соотносительного семантически, при этом корреляты могут различаться оттенками значения, образностью, стилистической характеристикой);

— безэквивалентные фразеологические единицы (они не имеют в другом языке семантически соотносительных фразеологизмов и поэтому переводятся посредством описательного толкования).

При выработке системы межъязыковых фразеологических эквивалентов необходимо самое пристальное внимание уделить их внутренней форме, которая является наиболее важным компонентом их семантической структуры. Образ внутренней формы лежит в основе мотивации значения фразеологизма и содержит элементы национальной культуры языка. Внутренняя форма про-

воцирует определенное эмотивно-оценочное отношение субъекта к содержанию фразеологизма, что определяет стилистическую характеристику и особенности их функционирования в речи.

Межъязыковая фразеологическая общность складывается под действием лингвистических и экстралингвистических универсалий как результат различных форм языковых контактов и особенностей языкового развития.

Изучение способов фразеологического сближения раскрывает многообразие как миграционного, так и независимого становления типов фразеологических единиц, показывает сложность конвергентного развития фразеологии.

Сопоставительный анализ фразеологических единиц различных языков необходим для решения практических вопросов идеографического описания фразеологического материала разных языков.

Специфика русских фразеологизмов хорошо видна при сопоставлении с их эквивалентами в других языках, соотнесённых с ними по смыслу. Например: по-русски — делать из мухи слона; по-узбекски — нинадек нарсани туядек қилиб кўрсатмоқ; по-польски — делать из иглы вилы; по-чешски — делать из комара верблюда; по-английски — делать из кротовины гору.

Это сопоставление свидетельствует об оригинальности фразеологии каждого языка, в том числе и русского. В языке находят своё отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, поэтому соответствующие языковые единицы представляют собой «бесценные ключи» к пониманию этих аспектов культуры.

Подводя итог, следует отметить, что различия в индивидуальном языковом воплощении различных областей картины мира связаны со многими историческими, социальными и геоэтническими факторами, а также с культурной традицией и особенностями национальной ментальности. Сопоставительное изучение семантики и структуры фразеологических единиц в разных языках и текстах позволит получить более четкое представление о языковых процессах, а также о сходстве и различии в картине мира носителей разных языков.

Литература:

1. Белинский, В. Г. Собр. соч. в 9 томах. Т. 3. Статьи, рецензии и заметки. — М.: Художественная литература, 1976.
2. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии. — М., 1977.
3. Ройзензон, Л. И., Авалиани Ю. Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967.
4. Шолохов, М. А., Собрание сочинений в 8 томах. — М., 1985.

Речевые функции риторических фигур в стихотворных текстах Н. А. Заболоцкого о красоте

Обметкина Полина Андреевна, магистрант

Научный руководитель: Лукошкова Татьяна Степановна, кандидат педагогических наук, доцент
Тюменский государственный университет, филиал в г. Ишиме

В ходе всей жизни Н. А. Заболоцкого отличал напряжённый духовный поиск: он пытался разгадать тайны бытия, задумывался над отношением человека и природы, над философской проблемой смысла человеческой жизни, над истинной красотой мира и человека, прославляя высокие чувства любви, сострадания и радости за чужое счастье. Поэт — философ хотел посвятить себя науке, но привязанность к искусству, прежде всего поэтическому, оказалась сильнее.

Н. Заболоцкого всегда волновал вопрос о том, что же главное в человеке: его внутренний мир, душа или внешность, обложка.

В таких стихотворениях, как «Некрасивая девочка» и «О красоте человеческих лиц» поэт поднимает вопрос «Что есть красота?». Словесное искусство писателя близко с живописным искусством, и Н. Заболоцкий как истинный художник, мастер слова, выделяя из людской толпы лица, описывает их языковыми художественными средствами. «Стилистическая функция речевой единицы в тексте прежде всего изобразительно-выразительная — создание наглядно-образного представления о предмете речи, для чего используется пишущим тропы и стилистические фигуры, усиливающие выразительность текста» [3, с. 190].

Стихотворение «Некрасивая девочка» представляет собой размышление поэта о сущности красоты. Уже заглавие произведения вызывает у читателя контрастные чувства: слово «девочка» — положительные эмоции, приятное эстетическое впечатление, и совершенно противоположные эмоции и впечатления возникают при употреблении слова «некрасивая».

Стихотворение можно разделить на две части. В первой автор даёт описание внешности девочки:

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы [2, с. 85].

В самом начале описания внешнего образа героини стихотворения Н. Заболоцкий выделяет её из ребячьего общества и сравнивает с лягушонком: «Среди других играющих детей/Она напоминает лягушонка».

Использование автором разговорной лексики «худая рубашонка», «зубки кривы» подчёркивает отрицательное эмоциональное восприятие внешнего облика девочки.

При описании внешности девочки поэт использует определения оценочного ряда: «рот длинен», «зубки

кривы», «Черты лица остры и некрасивы», которые придают дополнительную художественную характеристику образу ребёнка.

Кроме описания внешности, поэт «пишет портрет» характера девочки, её личностных качеств: доброжелательность, соучастие в жизненных событиях дворовых ребят:

Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся,
Охваченная счастьем бытия.

Девочка радуется так, как будто это ей купили велосипед: «Чужая радость так же, как своя...». Усиливает эмоционально-эстетическое восприятие необычного поведения девочки и состояния её души использование Н. Заболоцким синтаксического параллелизма «Чужая радость так же, как своя,/Томит её и вон из сердца рвётся,/И девочка ликует и смеётся» с включением рядов однородных сказуемых.

Дополнительные смыслы в описание духовного состояния девочки вносит использование поэтом высокой лексики «ликует» и обособленного определения: «Охваченная счастьем бытия».

В словаре «Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога)» духовность определяется как: «высочайшее свойство человеческой личности, возникающее в процессе развития души и тела на основе духа, несущего Божественную мораль и дающего силу и волю к этому развитию» [1, с. 53]. Так, от описания внешности Н. Заболоцкий переводит разговор к божественному дару девочки — красоте и чистоте чувств, естественности доброты и любви ко всему, что её окружает: к людям, жизни, чужой радости. Поэт убеждает читателя, что есть истинная красота, которую разглядел автор в этой «некрасивой девочке».

Н. Заболоцкий предвидит суровую реальность, когда, повзрослев, девочка поймёт, «что посреди подруг/Она всего лишь бедная дурнушка!»:

И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!

Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!

Анафорический повтор фразы «мне верить хочется» усиливает акцент на мысли автора о том, что «сердце не игрушка» и внутренняя красота способна справиться со всеми бедами и невзгодами, способна перетопить «самый тяжкий камень». Заболоцкий вкладывает в эти слова веру, народные представления о том, что сила духа, богатство души, пламень сердца преодолет «всю боль...».

Сравнение поэтом внутреннего богатства девочки с пламенем: «чистый этот пламень, / Который в глубине её горит» неслучайно. Ещё в древности у славян пламя являлось символом «защитного бережного Духовного Огня, очищающего Дух человеческий от эгоизма и низменных помыслов. Символом мощи и единства Духа, победы Светлых Сил Разума над силами Тьмы и невежества» [6].

Поэтическая метафора «Младенческая грация души» не только усиливает зримость и образность восприятия девочки, но и передаёт неповторимость, индивидуальность, глубину внутреннего мира девочки в авторской оценке:

И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом её движении.

Стихотворение заканчивается вечными риторическими вопросами:

А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Они заставляют нас задуматься над тем, что есть красота, в чём её истинное назначение, какую спасительную силу она в себе несёт?

Внутренняя красота девочки — не сверкающая: сверкает всё искусственное, холодное, Н. Заболоцкий для характеристики богатства, гармонии, красоты души девочки выбирает эпитет «мерцающий», то есть тот, который рождает тепло, свет, всё живое, естественное, небесное, выстраданное.

В финале поэт словно преодолевает земные преграды, вырывается ввысь, напоминая о том, что душевная и духовная красота человека прекрасна, божественна, необходима: «её обожествляют люди»; она имеет своё реальное воплощение и силу, «в прелести которой очищается и просветляется вся скорбь бытия» [5, с. 743].

Широко философскую проблему высокой духовности Н. Заболоцкий раскрывает в стихотворении «О красоте человеческих лиц».

Так же, как и в предыдущем произведении, в названии стихотворения содержится слово «красота», что сразу определяет тему и направление мыслей писателя.

Через разные человеческие лица, через их описание и характеристику Н. Заболоцкий стремится заглянуть в душу человека, увидеть его внутреннюю сущность:

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мертвые лица
Закрыты решетками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живет и не смотрит в окно.

Поэт даёт наглядные восприятия человеческих лиц через необычные сравнения, «благодаря сравнению, фраза становится наиболее конкретной, а изображаемая картина наглядной» [3, с. 191]: одни — «подобные пышным порталам», другие — «подобия жалких лачуг», следующие — «Закрыты решётками, слово темница». Использование приёма контраста позволяет ярче показать различия между людьми, их значимости и ценности в обществе: одни — возвышенные и целеустремлённые, другие — убогие и жалкие, а иные выглядят отстранённо, и Н. Заболоцкий точно и «страшно» передаёт опустошение человеческих душ: «как башни, в которых давно/Никто не живёт и не смотрит в окно».

Среди множества разных лиц-домов писатель находит одну «малую хижинку», из окошка которой струится «дыханье весеннего дня». Это дыхание струится, напоминая неиссякаемый поток положительной энергии, искренних чувств и переживаний:

Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.

Сравнения: «лица, как башни, в которых никто не живет», «лица, закрытые решетками, словно темница» придают описанию новую художественную образность. Человек в русской языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком, и именно сравнение является самым универсальным способом определения истинности явлений.

В последних строках стихотворения: «Есть лица — подобия ликующих песен. / Из этих, как солнце сияющих нот / Составлена песня небесных высот» выражена авторская идея о том, что внутренняя, духовная красота каждого человека струится через внешнюю форму и выражение. Метафора «песня небесных высот» символизирует высокий духовный уровень человеческого развития, что напоминает нам о финале стихотворения «Некрасивая девочка», где красота внутреннего мира имеет божественное начало:

Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобия ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

Главное в эстетической концепции Заболоцкого — внутреннее, глубинное духовное содержание, которое

способно побеждать любую внешнюю форму и «сквозить» через неё. «Особая организация языкового материала, комплексное использование выразительных

средств позволяют поэту создать глубинное подтекстовое содержание поэтического текста, передать внутренний мир поэта, его отношение к реальной жизни» [4, с. 163].

Литература:

1. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). [Текст]. — Екатеринбург, 2000. — 937 с.
2. Заболоцкий, Н. А. Избранное. Стихи. [Текст]. — М.: «Детская литература», 1970. — 144 с.
3. Лукошкова, Т. С. Речевые функции сравнений в русской литературной сказке/Художественный текст: варианты интерпретации (текст): труды XIV Международной конференции (Бийск, 21–22 мая 2009 г.). — Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2009. — 420 с.
4. Лукошкова, Т. С. Образные средства в цикле стихотворений «Стол» М. И. Цветаевой/XXIII Ершовские чтения: межвузовский сб. научно-методических статей. — Ишим: изд-во ИГПИ, 2013. — с. 161–163.
5. Франк, С. Л. С нами Бог. [Текст]. — М.: АСТ, 2003. — 751 с.
6. www.fizrazvitie.ru

Typology of video records

Озер Юлия, студент

Университет имени Сулеймана Демиреля (г. Алматы, Казахстан)

Ozer Yuliya, MA Student

Kazakhstan, Almaty, Suleyman Demirel University

Active application of video records at lessons of English promotes realization of the principle of the personal focused training, does the offered information more significant and memorable for trainees. All this, certainly, has positive impact on process of formation of speech ability of audition.

At selection of video records the teacher needs to pay attention to degree to their authenticity. Authentic video fragments promote more effective formation of sociolinguistic competence of pupils as comprise rather large volume of information on national culture of the country of the learned language.

Use of video records in the course of training in a foreign language is capable to increase efficiency of the training activity of the teacher essentially. In this article are considered typology of video records.

Keywords: *videorecorder, videoprojectors, projective screens, videoclips, multidark, cutscene*

In the field of teaching foreign languages use technical means of training is among the most actual and high-growth tendencies. Emergence of the training equipment, possibility of use it for learning of foreign language changed process of training and radically affected a teaching technique. To traditional, well-known tutorials (the tape recorder, the videorecorder) all are more widely raised new funds of visual and acoustical presentation, such as the personal computer, the DVD player, an interactive board, videoprojectors and projective screens. Now the whole arsenal of technical means of training — difficult technical system which management demands special preparation is at the disposal of teachers of a foreign language.

Technical means of training — set of the technical devices with didactic providing used in teaching and educational process to presentation and information processing for the purpose of its optimization. Technical means of training unite two concepts: technical devices (equipment) and didactic tu-

torials (data carriers) which by means of these devices are reproduced.

Use of video records serves not only for a presentation of knowledge, but also for their control, fixing, repetition, generalization, systematization, therefore, successfully carries out all didactic functions. Use of video records is based mainly upon evident perception of information. It assumes both inductive, and deductive ways of assimilation of knowledge, various degree of independence and informative activity of pupils, allows various ways of management of informative process. In fact, it is already about complex didactic technology.

For educational process most expediently use of a film-strip, but not feature films. Therefore Molibog A. G. and Tarnopolsky A. I. pay attention to a technique of use of filmstrips [3, p. 29]. Educational filmstrips can be part of art, chronicle and documentary, popular scientific or educational movies; purpose — short, but complete, removed in a film studio or forces of teachers according to the training program.

Efficiency of application of a filmstrip in educational process is defined first of all by as far as it corresponds to the content of this occupation [3, p. 62].

The training and bringing up functions of use of video records are caused by high efficiency of influence of evident images. Information provided in an evident form is the most available to perception, is acquired easier and quicker.

Moreover, use of videos at lessons promotes an individualization of training and development of motivation of speech activity of trainees. When using video records at lessons of a foreign language two types of motivation develop: self-motivation when material is interesting in itself, and motivation which is reached by that will be shown to the pupil that he can understand language which studies. It brings satisfaction and gives belief in the forces and desire to further improvement. It is necessary to aspire to that pupils had satisfaction from the video record through understanding of language, and not just through an interesting and entertaining plot.

One more advantage of the video record is power of impression and emotional impact on pupils. Therefore the main attention has to be directed on formation by pupils of the personal relation to the seen. Successful achievement of such purpose is possible only, first, at systematic display of video records, and secondly, at methodically correctly organized demonstration.

It should be noted that application at a lesson of the video record is a not only one more source of information. Use of the video record promotes development of various parties of mental activity of pupils, and, first of all, attention and memory. During viewing in a class there is an atmosphere of joint cognitive activity. In these conditions even the inattentive pupil becomes attentive. To understand contents of the movie, pupils need to make certain efforts. So involuntary attention goes into arbitrary. And the intensity of attention affects the process of remembering. Use of various channels of receipt of information (acoustical, visual, motor perception) positively influences durability of imprinting of regional geographic and language material.

However, the use of video imposes greater demands on the organization of educational process, which should be different clarity, reasonableness, appropriateness. From teachers using video, requires the development of the ability to introduce students to the range of problems studied by directing their activities, to generalize, to provide individual assistance in the process of self-study.

So, feature of video movies is that they can represent communicative situations most fully. Besides, video allows to see where there is an action.

Material of a lesson has to correspond to the level of knowledge of pupils at this grade level. At selection of material it is necessary to consider also age and specific features of pupils.

In modern science exist various typology of video records which suggest to classify the called video records depending on certain factors. Are most widespread following typology:

1) on the creation purpose — the video records which are specially created for the educational purposes; not educational video records adapted for the educational purposes; the video records which are professionally removed by request of educational institution; the video records which are independently made under the scenario;

2) on a genre — the video records representing the feature film, video advertizing, animated films, videoclips, blocks of news, talk-show fragments, sports and historical chronicles, fragments of documentaries etc.;

3) by quantity of the covered subjects — situationally one-dark and situationally multidark;

4) on a way of production — film-making, reassembly;

5) on didactic appointment — instructive, illustrative;

6) on structure and degree of completeness — complete and fragmentary;

7) under the terms of use of video records — materials for work under the leadership of the teacher and the materials intended for independent work of trainees.

In the course of training in foreign languages video records can act in various functional mission. Depending on installation, duration of presentation of the video record, a place of presentation of a video fragment in system of work on formation of foreign-language skills and abilities video records can function in quality:

— substantial support;

— semantic support;

— incentive to the speech.

The main aim of learning a foreign language is to develop communicative competence.

Master the communicative competence in English, not being in the target language country, it is very difficult. Therefore, an important task of the teacher is to create a real-world case studies and communication in the classroom foreign language, using various methods and techniques.

Isolation of sociolinguistic competence in the composition of the communicative significance for the development of communication skills of students who can participate in intercultural communication.

Requirements for sociolinguistic competence to a certain extent set forth in the monograph «The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment», but they are not correlated with the forms of communication, verbal and written. However, from a methodological point of view factor accounting forms of communication in the formation of all components of communicative competence is crucial.

Possession of sociolinguistic competence in oral communication involves not only the mastery of communicants language, but also non-linguistic (non-verbal) means of communication, the ability to select and use them in correlation with a specific communicative situation and socio-cultural norms of the target language country.

One of the most effective means of forming this competence in students are authentic footage (most often in the form of films), which can be regarded as a kind of repeaters

of national culture, if the term culture, followed by K. Khozhenko, to understand «a certain set of socially acquired and transmitted from generation to generation of significant characters, ideas, values, customs, beliefs, traditions, norms and rules of conduct by which people organize their livelihoods [14, p. 13].

As the mastery of a foreign language as a means of intercultural communication occurs in the absence of the natural environment of communication, the use of authentic video in the formation of sociolinguistic competence plays a special role [2, p. 26]. They are very effective in forming sociolinguistic competence in oral communication, mainly because demonstrate holistic scenarios to visualize the socio-cultural reality, context and situation of communication in terms of verbal and nonverbal expressions; allow the trainees to form a stable association with a specific situational context expected verbal and nonverbal behavior.

Selection of authentic films to form sociolinguistic competence should be made taking into account the following criteria:

- 1) appropriate levels of communicative competence of students, their interests need sphere as a whole;
- 2) the presence of significant educational, educating and developing potential in the content of the video (movie), implemented in the process of working on it, for example, in his discussion;

3) reflected in the movie (cutscene) contemporary reality of a foreign company;

4) range contained in the video (cutscene) sociocultural and sociolinguistic information reflecting the difference spheres of communication and communicative situations.

Methodological appropriateness of the use of authentic video confirmed by the fact that they allow for training purposes audiovisual show divergent communicative situations, which are understood as «a dynamic system of interacting specific objective and subjective factors of the plan (including speech) involving human linguistic communication and determining its verbal behavior within a single act of intercourse as both speaker and hearer « [9, p. 174].

Since spoken language is subject to constant change, the inherent ambiguity, and the means of their use of contextually and situationally conditioned, and academic compilers of dictionaries are often not kept pace with the changes taking place in the language, it is often required to help native speakers or access to Internet resources. Experience in teaching foreign languages suggests that the formation of sociolinguistic competence plays an important role not only the preparatory work of the teacher to use in practical classes authentic video as an effective means of formation of sociolinguistic competence, but also the activities of the pupils themselves for the development of manifestations of sociolinguistic competence in interpretation of foreign language communication.

References:

1. Mirolyubov A. A. Audiovisual method. — 2005. — N3.
2. Mishin M. M. Perception of the television image as special sound-visual row//Psychology and pedagogical influence of educational cinema and television. Materials of conference. (Moscow, on October 11–13, 1978). — M.: 1979.
3. Molibog A. G., Tarnopolsky A. I. Technical means of training and their application. — M: University, 1985.
4. Passov E. I. Lesson of a foreign language at high school. — M, 1988.
5. Passov E. I. Bases of a communicative technique of training in foreign-language communication. — M, 1989.
6. Passov E. I. Communicative method of training in foreign-language speaking. — M, 1991.
7. Raĭkova N. N. Use of video technology at lessons of a foreign language//Language. Speech. Communication. — 2000.
8. Rogova G. V. Methods of training in a foreign language at the initial stage. — M, 2000.
9. Skalkin V. L. The structure of the oral-lingual of communications and questions of training of oral speech in a foreign language//the General technique of training in foreign languages — M, 1991.
10. Solovova E. N. Use of video at lessons of a foreign language — 2003.
11. Solovova E. N. Methods of training in foreign languages: Basic course of lectures: A grant for students of higher education institutions and teachers. — M.: Education, 2003.
12. Haleeva I. I. Bases of the theory of training in understanding of the foreign-language speech. — M, 1989.
13. Haleeva I. I. Understandinf of the foreign-language oral text as aspect of cross-cultural communication, M.: 1992.
14. Horuzhenko K. M. Encyclopedic dictionary. — Rostov-na-Donu, 1997.
15. Allan M. Teaching English with Video//Video-applications in ELT. — Pergamon Press, 1983.
16. Harmer Jeremy. How to teach English. — Longman, Pearson Education Ltd., 1998.
17. Scrivener Jim. Learning Teaching. A Book for English Language Teachers. — Oxf., Macmillan Publishers Ltd., 2005.
18. Bim I. L. About teaching a foreign language at the present stage//N3, 1995.
19. Galskova N. D. A modern technique of training in foreign languages, — M., 2000.

Художественный англоязычный текст как среда функционирования метафоры

Радкевич Ольга Сергеевна, студент

Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

В данной статье рассматривается вопрос об использовании авторами англоязычных художественных произведений такой фигуры речи, как метафора. Автор анализирует способы и цели создания метафор, а также иллюстрирует их на примере отрывков из англоязычных художественных текстов.

Ключевые слова: художественная метафора, языковая метафора, английская художественная литература, функция метафоры, прием создания метафоры.

Метафора всегда являлась привлекательным объектом для исследований самых разных направлений.

Метафорой интересовались с античных времен, однако по большей части как явлением философии. Подробных систематичных описаний метафоры с научной точки зрения не существовало вплоть до 20 века. Начиная с 60–70х гг. 20 века исследователи стали рассматривать метафору не только с точки зрения лингвистики и философии, но также психолингвистики, когнитивной лингвистики, нейропсихологии и других наук.

Несмотря на то, что феномен метафоры изучается в рамках семантики, когнитивной психологии, переводоведения и т. д., доминирующим направлением все-таки является лингвистика.

В связи с множеством подходов и направлений в изучении метафоры существует и большое количество определений.

Новейший философский словарь определяет метафору как «перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту» [11].

Общая риторика рассматривает метафору как прямое сравнение, парафраз, происходящий по логической формуле «А есть В» [12, с. 243].

В Краткой литературной энциклопедии метафора (греч. *Metafora* — перенесение) обозначается «видом тропа, образованного по принципу сходства; одним из средств усиления выразительности и образительности речи» [10, с. 53].

В Большом академическом словаре русского языка можно встретить следующее определение: «метафора — слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета, явления на основе какой-либо аналогии, сходства; употребление слова или оборота речи в переносном значении (греч. *Metafora*, от *meta* через, *fora* — перемещение)» [9, с. 103].

Особый интерес представляет определение термина «метафора» И. Р. Галпериным, согласно которому метафорой называется перенесение какого-либо качества одного предмета, или признака, на другой, т. е. термин называет процесс, в котором слово приобретает производное значение [4, с. 35].

Одновременно с появлением первых исследований в области метафоры появились и первые классификации.

Одной из классификаций является классификация типов метафорических переносов, представленная З. Ю. Петровой:

- I. Животное → человек
- II. Человек → животное
- III. Растение → человек
- IV. Неживая природа → человек
- V. Живые существа → неживая природа, растения
- VI. Живые существа → артефакты
- VII. Артефакты → человек.
- VIII. Физические характеристики предметов и веществ, физические процессы → человек
- IX. Живые существа → интеллектуальный, социальный, эмоциональный план человека.
- X. Мифические существа → человек.
- XI. Пространственные характеристики → временные характеристики [13, с. 74].

Одной из самых распространенных сфер применения метафоры является художественная речь, в которой метафора вызывает к воображению и через него к пониманию жизни в общем. В художественной литературе метафора приобретает особенное значение, так как писателю, стремящемуся к максимально индивидуализированному, образному показу действительности, метафора дает возможность оттенения самых различных деталей, свойств, явления, признаков.

Метафора обогащает представление читателя об определенном предмете, привлекая для его характеристики новые явления, расширяя представление о его свойствах.

Некоторые лингвисты предпочитают различать языковую и художественную метафору, тем самым указывая на ее двоякую сущность.

В художественной речи, помимо реального и логического содержания, заключается также и эстетический объект, следовательно, художественная метафора многогранна, отличается новизной и оригинальностью. Что же касается языковой метафоры, то она является готовым элементом лексики, который не надо создавать каждый раз. Она воспроизводима в речи зачастую без осознания говорящим фигурального смысла первичных слов (*as quiet as a mouse, his head was spinning with ideas*).

Говоря о связи языковой (устойчивой) и художественной метафор, стоит отметить, что существует много примеров, показывающих заимствования писателями

разных времен и национальностей устоявшейся, общеизвестной метафоры для создания на ее основе новой, оригинальной метафорической единицы. Писатель берет пустую (с точки зрения экспрессивности) метафору и вкладывает в нее новое значение, образ, в результате чего происходит «обновление» метафоры, она приобретает новые оттенки, свежесть и становится более оригинальной. Подобный прием очень часто использовался в английской художественной литературе.

Примером может служить использование Ч. Диккенсом такой «погибшей метафоры» как «*a (full) cup of smth*» в своем романе «*Dombey and Son*» [1]: *Mr Dombey's cup of satisfaction was so full at this moment, however, that he felt he could afford a drop or two of its contents, even to sprinkle on the dust in the by-path of his little daughter.* Автор берет за основу клишированный образ чаши и не просто расширяет уже существующую метафору, но и создает на его основе комплексный образ, используя при этом ряд других простых метафор (*a drop or two of its contents, the dust in the by-path of his little daughter*). При этом уже не ближайшее окружение метафоры, а весь контекст начинает нести в себе метафорический заряд.

Зачастую, помимо эффекта оригинальности и новизны, авторы пытаются добиться с помощью обыгрывания устойчивой метафоры комического эффекта: «*We got some from a cottage a little higher up. I daresay that was only river water, if we had known. But we did not know, so it' was all right. What the eye does not see, the stomach does not get upset over*» [6]. В данном отрывке писатель использует поговорку «*what the eye does not see, the heart does not grieve*» — «что глаз не видит, о том сердце не тужит». При этом, он заменяет вторую часть на свободное сочетание «*the stomach does not get upset over*» — «то, что не нарушает пищеварение», создавая тем самым новую метафору и производя комический эффект.

Однако, несмотря на частые заимствования устойчивых идиом, большей популярностью у авторов пользуются собственные, оригинальные метафоры. Каждый писатель отличается своим собственным, неповторимым стилем, создает уникальные метафоры. И тем не менее существуют определенные принципы, по которым можно классифицировать все художественные метафоры.

Одним из самых распространенных приемов создания метафоры в англоязычных текстах является соединение понятий «животное — человек». Зачастую в художественных произведениях человеку приписывают свойства животного. К примеру: «*As I said before, I really want a friend, and should be glad to have your acquaintance. Although I am very well off,' said Mr Toots, with energy, 'you can't think what a miserable **Beast** I am*» [1]. На первый план в данном случае выступает понимание концепта «зверь» как указания на отсутствие присущих человеку качеств, подчеркиваются жестокость, беспощадность.

Однако стоит отметить, что зачастую перенос осуществляется не только в направлении «животное — человек»,

но и наоборот. Авторы наделяют животных в своих произведениях человеческими способностями, к примеру: «*Beyond the screen of leaves the sunlight pelted down and the butterflies danced in the middle their unending dance*» [5]. Автор употребил к бабочкам слово «*dance*» — «танцевать», характеризующее человеческое действие, чтобы подчеркнуть быстроту и красоту их полета, воздействовать на воображение читателя.

Следующий пример показывает использования слов, описывающих явления природы для характеристики чувств и эмоций человека: «*That the man whom she hated — yes, in her blind anger, she hated him then — should so impose upon her, should excuse himself by lies, lies base and false as he was, from accompanying her out, on purpose to pass the hours with Barbara Hare! Had she been alone in the carriage, a torrent of passion had probably escaped her*» [8]. Автор использует «*torrent*» — «стреми́тельный поток\ливень», чтобы ярче передать всю глубину чувств героини.

Однако, зачастую свойства живых существ переносятся на объекты неживой природы, например: «*When it comes, the landscape listens,*

Shadows hold their breath...» [2].

Большой интерес представляют метафоры, в которых осуществляется перенос значения «артефакт» — «человек». Подобные метафоры служат для описания внешних характеристик человека, эмоционального состояния, интеллектуальных способностей и т.д. «*She looks rather like an orchid, and makes great demands on one's curiosity. In all her movements she is extremely graceful*» [7]. С помощью данного сравнения героини с орхидеей автор хочет показать читателю более ярко и образно такие внешние характеристики, как красота и изящество.

«*Aye! dreams unfulfilled — gnawing, lurking, idle phantoms which beckon and lead, beckon and lead, until death and dissolution dissolve their power and restore us blind to nature's heart*» [3]. В данном случае метафорический перенос осуществляется по схеме «живые существа интеллектуальный, социальный, эмоциональный план человека» (физическое действие или состояние живого существа («*gnaw*» — «грызть», «*lure*» — «соблазнять, искушать») соотносится с состоянием мыслей в мозгу у человека («*dreams*» — «мечты»)).

В заключение стоит еще раз отметить, что метафора является неотъемлемой частью художественного текста, так как именно в художественной среде находят применение все ее функции и особенности: субъективный характер, экспрессивно-эмоциональное и эстетическое воздействие на читателя, образный показ действительности, апеллирование к воображению и др.

Специфика использования метафоры в англоязычных художественных текстах представляет большой интерес для изучения. Вследствие существования большого количества художественных произведений и авторов, отра-

жения действительности через метафору с субъективной точки зрения, разнообразий функций и ролей метафоры, — вследствие этих и других факторов место, зна-

чение и качество метафоры в определенном произведении, творчестве, и даже стиле может быть установлено лишь в конкретном анализе.

Литература:

1. Dickens, C. Dombey and Son [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/821/821-h/821-h.htm>
2. Dickinson, E. There's a certain slant of light [Электронный ресурс] // The Literature Network. — Режим доступа: <http://www.online-literature.com/dickinson/830/>
3. Dreiser, T. Sister Carrie [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/5267/5267-h/5267-h.htm>
4. Galperin, I. R. «Stylistics». — М., 1981. — 295 с.
5. Golding, W. Lord of the Flies [Электронный ресурс] // Global Village. — Режим доступа: http://gv.pl/pdf/lord_of_the_flies.pdf
6. Jerome, K. Jerome Three Men in a Boat [Электронный ресурс] // eBooks Adelaide. — Режим доступа: http://ebooks.adelaide.edu.au/j/jerome/jerome_k/three/chapter13.html
7. Wilde, O. An Ideal Husband [Электронный ресурс] // The Literature Network. — Режим доступа: http://www.online-literature.com/wilde/ideal_husband/1/
8. Wood Mrs. Henry East Lynne [Электронный ресурс] // The Project Gutenberg. — Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/3322/3322-h/3322-h.htm>
9. Большой академический словарь русского языка: Том 10. — М., СПб., 2008. — 130 с.
10. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. — Том 4. — М., 1967. — 258 с.
11. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] // Академик. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/752/%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%90%D0%A4%D0%9E%D0%A0%D0%90
12. Общая риторика/Пер. с фр. — М., 1986. — 364 с.
13. Петрова, З. Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987. — М., 1989 — с. 120–133.

К проблеме сравнительного изучения понятия обладания на материале французского и русского языков

Риндевич Анатолий Анатольевич, студент;
 Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
 Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: национальный менталитет, понятие обладания, лексическая единица, лексическая группа.

Объектом настоящего исследования являются лексические единицы, обслуживающие понятие обладания в исследуемых языках. Предмет исследования — изучение структуры понятия обладания в рассматриваемых языках как отражение особенностей национального мировидения.

Источниками для работы послужили, прежде всего, словари: французско-русский и русско-французский (под редакцией В.Г. Гака), исторический словарь французского языка (A. Rey); словарь французского языка (Le Robert quotidien), этимологический словарь французского языка (Dubois J., Mitterand H., Dauzat A.), словарь синонимов русского языка (под редакцией А.П. Евгеньевой).

Помимо этого, использованы книги ряда авторов, посвященные различным проблемам языкознания.

Проблема изучения понятия обладания, в том числе, во французском и русском языках, достаточно актуальна. Для современной лингвистики характерно изучение различных понятий через исследование соответствующих смысловых полей, а смысловое поле обладания, отражая самые различные стороны жизни народа, как нельзя лучше подходит для подобного исследования.

На настоящий момент данная проблема разработана лишь частично. Существует ряд работ, посвященных изучению развития категории обладания в индоевропейском

и латинском языках (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы» и В. Г. Гак «Сопоставительная лексикология»); по особенностям категорий бытия и обладания на примере французского и румынского языков [Л. И. Лухт «Категории бытия и обладания (французско-русские параллели)»], на примере немецкого языка (Н. Г. Виноградова «Категория обладания и ее языковая онтология в современном немецком языке»).

Современная лингвистика активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается не просто как орудие коммуникации и познания, а как культурный код той или иной нации [5, с. 629]. Фундаментальные основы такого подхода были заложены еще в трудах В. Гумбольдта, А. А. Потемби и других ученых. Выдающийся ученый А. М. Хайдеггер назвал язык «домом бытия». Язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Именно поэтому философия XXI века развивается на базе использования языка. Поэтому и лингвистика, наука о языке, занимает авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания и обойтись без ее помощи при изучении культуры просто невозможно [1, с. 4].

Понятие обладания является одним из основополагающих в культуре любого народа, так как оно зависит от социального строя, хозяйственного уклада, неразрывно связано с реальной жизнью. Оно ярко иллюстрирует представления о мире, характерные для этого народа [2, с. 39]. Таким образом, сравнительное изучение категории обладания позволяет выделить черты различия и сходства французского и русского национальных менталитетов.

На современном этапе развития французского языка лексическими единицами, выражающими основной объем понятия обладания, являются глаголы *acquérir, attraper, avoir, bénéficier, disposer, éprouver, (être) doué, — e, jouer, obtenir, posséder, prendre, sentir, tenir*.

Проанализировав исследуемые лексемы и выделив их семантические составляющие, представляется возможным составить следующую структуру понятия обладания, которая отражает его видение носителями современного французского языка и культуры:

ОБЛАДАТЬ

- 1) владеть, иметь в распоряжении, пользоваться: *avoir, disposer, bénéficier, jouer*;
- 2) обладать, владеть, иметь в наличии, иметься: *avoir, posséder, tenir*
- 3) овладевать, приобретать, занимать, захватывать: *avoir, prendre, attraper, obtenir, acquérir*
- 4) испытывать чувство, эмоции: *avoir, éprouver, sentir*
- 5) обмануть, предать, заполучить что-либо обманым путем, украсть: *avoir, attraper, posséder tromper, duper, rouler, bernier, empraumer, baisier, entuber, emberlificoter, feinter* (слова, относящиеся к жаргону, просторечью)

- 6) соблазнить, обмануть, изнасиловать: *avoir, posséder séduire, baisier, entuber, tomber* (слова, относящиеся к жаргону, просторечью) [6].

В последних двух пунктах приведены лексические единицы, относящиеся к просторечью, но все-таки зафиксированные в лексикографических источниках. Это сделано для более точной иллюстрации процессов, характерных для понимания категории обладания французским обществом.

В современном русском языке категория обладания представлена следующими лексическими единицами — *владеть, иметь, обладать, располагать, существовать, быть, наличествовать, захватить, завладеть, овладеть, занять, обуть, охватить, поиметь*.

Структура понятия обладания в русском языке может быть представлена следующим образом:

ОБЛАДАТЬ

- 1) владеть, иметь, обладать
  - 2) иметь, существовать, быть (чаще 3-е лицо, ед. число), располагать, наличествовать
  - 3) захватить, овладеть, завладеть, занять
  - 4) овладеть, охватить, обуть (о чувстве)
  - 5) поиметь (в разных смыслах)
- Рассмотрев структуру понятия обладания во французском и русском языках, мы выделяем основные признаки, организующие эту структуру в исследуемых языках:
- 1) процесс овладения «=«состояние обладания
  - 2) способ получения «=«результат
  - 3) внутренний мир человека «=«внешний мир, окружающая действительность
  - 4) отторжимость объекта обладания «=«неотторжимость объекта обладания
  - 5) насилие при овладении «=«его отсутствие [4, с. 472].

Сравнивая структуру понятия обладания во французском и русском языках, в глаза бросается большая развитость граней понятия обладания, связанных с незаконным обладанием, получением чего-либо обманым путем и обманом как соблазнением, овладением телом во французском языке, тогда как русский язык ограничивается лишь одной лексической единицей — *поиметь*. Заметим, что в русском языке существует ряд лексических единиц, выражающих указанные категории, но эти единицы относятся к области очень низкого просторечья и не фиксируются в лексикографических источниках, например — *кинуть, развести*. Подобные факты могут быть объяснены через обращение к одному из важнейших для современного общества факторов — правовому фактору. Французская культура формировалась под сильнейшим влиянием культуры римской, которая имела очень четкие и юридически зафиксированные правовые нормы (римское право). Таким образом, понятие собственности как на самого себя (на свое тело), так и на свое имущество у французов сформировалось задолго до русских. Вместе с тем, французское общество, осознавая собственность человека как его

неотъемлемое право, неизбежно сталкивалось с нарушением права собственности, что находило свое отражение в языке (отсюда глаголы avoir, posséder, séduire, baisser, entuber, tomber в значении «обмануть, изнасиловать, захватить»), особенно в старо- и среднефранцузский период (IX–XV века).

Здесь же обратим внимание на присутствие в русском языке глагола «быть» в структуре понятия обладания и его отсутствие во французском. Причем во многих случаях при описании одной и той же ситуации французский язык предпочитает глагол avoir «иметь», а русский — **быть** или другой непереходный глагол, соотносимый с ним. Подобное предпочтение глагола **быть** глаголу **иметь** для выражения отношений поссесивности характерен для русского языка и для всех восточнославянских языков, хотя в древнерусском языке глагол **иметь** использовался в целом шире, чем в современном. В процессе развития языка отмерли многие выражения (типа дерзновение иметь), которые составляли видовое соответствие простому глаголу (дерзнуть) [3, с. 112]. В русском сознании наличие, присутствие чего-либо (глаголы **быть, водиться, иметься**) подразумевает обладание этим имуществом, возможность распоряжаться им. Тогда

как во французском сознании из факта наличия чего-либо не следует право обладания этим предметом.

Кроме того, Франция намного раньше России встала на путь капиталистического развития, освободившись от пережитков феодализма еще в ходе Великой французской революции XVIII века. Зарождение и развитие капиталистических отношений, неизбежный период «дикого капитализма», обмана, надувательства оставил в языке свой след: tromper, duper, bernier, empaumer, baisser, entuber, emberlificoter, feinter и др. Русское же общество столкнулось с этими реалиями значительно позднее и, как следствие, язык не развил эти грани понятия обладания.

Таким образом, понятие обладания является одним из наиболее подвижных, оно зависит от социального строя, хозяйственного уклада, культуры народа, то есть оно неразрывно связано с реальной жизнью, где все очень быстро изменяется и постоянно приобретает новые формы. Дальнейшее исследование ЛГ, обслуживающей семантическое поле понятия обладания, позволит еще глубже раскрыть особенности французского и русского менталитетов через эту важнейшую для любого языка категорию.

Литература:

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Академия, 2001.
2. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Сопоставительный анализ ключевых слов, обслуживающих понятие «народ», во французской, русской и английской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 37–40.
3. Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVII века. — М., 1952. — с. 110–114.
4. Словарь синонимов русского языка. Т. 1 (в 2-х томах). Под. ред. А. П. Евгеньевой. — Л.: Наука, 1970. — с. 431–433.
5. Тумакова, Н. А., Захарченко Е. А. Мультимедийные средства как способ интенсификации образовательного процесса в вузе // Молодой ученый. — 2015. — № 4. — с. 629–633.
6. Le Robert quotidien. Dictionnaire de la langue française. — P.: Le Robert, 1996.

Из истории развития концепта «обладание» в русской лингвокультуре

Риндевич Анатолий Анатольевич, студент;
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: концепт «обладание», этимологическое гнездо, концептология, русская лингвокультура.

Проблема изучения концепта «обладание», как и концептов вообще, достаточно актуальна. Концепт «обладание» — очень важный элемент концептосферы любой языковой культуры, который проходит долгий путь формирования и изменений. Именно значимость концепта «обладание», нуждающегося в исследовании с когнитивных позиций, делает данную работу актуальной. Анализ язы-

кового материала проводится в рамках двух традиционных научных парадигм (сравнительно-исторической и системно-структурной) [9, с. 706], а аспектация, интерпретация полученных результатов происходит в свете антропоцентрического подхода к изучению языка.

Целью данного исследования является изучение процесса формирования и эволюции концепта «обладание»

в русской лингвокультуре через рассмотрение семантического поля со значением 'обладать'.

На современном этапе развития русского языка лексическая группа, выражающая концепт «обладание», состоит из 20 лексических единиц; ядро же семантического поля со значением 'обладать' составляют 7 лексем: *иметь, обладать, владеть, существовать, захватить, завладеть, овладеть* [7, с. 431–432]. Основной лексемой для выражения концепта «обладание» в современном русском языке является глагол *иметь*. У данного глагола отмечаются следующие значения:

1) *кого-что*. Обладать, располагать, владеть кем-либо, чем-либо;

2) *что*. В сочетании с существительным обозначает действие в соответствии со значением данного существительного;

3) иметь мнение, считать, полагать;

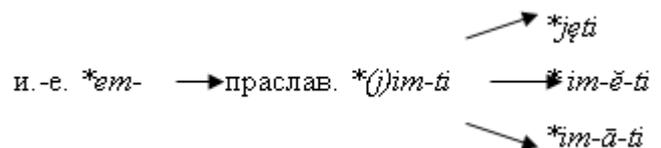
4) В сочетании с неопределенной формой глагола обозначает будущее время (в соответствии со значением смыслового глагола) (книжное) [4, с. 431].

Глагол *иметь* играл роль основного глагола обладания на всем протяжении развития русского языка. Первые письменные его фиксации относятся к концу XI в. в форме др.-рус. *имѣти* в значении 'обладать, иметь', например, *лѣно естъ члвку имѣти паче всего жития...* (1076 г.) [6, с. 229], также отмечается значение 'быть в состоянии' (XI в.) [10, с. 226]. В XVI в. фиксируется значение 'соблюдать, блюсти, иметь обыкновение, привычку' (1548 г.), позже 'содержать, поддерживать в каком-либо состоянии' (1682 г.) и 'содержать в себе' (XVII в.). С существительными глагол *имѣти* образует сочетания, обозначающие действие или состояние по значению существительного; например, *имѣти воздержание, лѣсть, любовь, дерзновение* и т.д. (с XII в. вплоть до XVI в.). Эти выражения отмерли в процессе развития русского языка и были заменены простыми глаголами (типа *воздержаться, лѣстить, любить, дерзнуть*), составившими им видовое соответствие [3, с. 112]. Кроме того, глагол *имѣти* занимал особое место в группе несобственно модальных модификаторов со значением 'долженствовать' в выражениях типа *имѣти возможность, необходимость*, т.е. пересекался с концептом «долженствование» [1, с. 44].

В современном русском языке слово *имение* в значении 'имущество' встречается лишь в диалектах, однако оно является одним из древнейших слов русского языка, обозначающих имущество. Начиная с XI в., его семантика связана, прежде всего, с общим наименованием «имущества, собственности», с обозначением «богатства». Кроме значений 'имущество' и 'богатство' отмечаются значения: 'добыча', 'мзда', 'имение, земельное владение', 'захват' [6, с. 228]. Слово *имение* в русском языке в период с XI–XVII вв., сохраняя стабильность в основных своих семантических контурах, претерпевает некоторую эволюцию. Однако в дальнейшей истории этого слова основным и единственным его значением станет 'земельное

владение' (впервые встречается в письменных памятниках Юго-Западной Руси) [8, с. 58–59].

Основное средство выражения обладания в русском языке — глагол *имѣти* 'иметь, обладать' восходит через праславянское **jьmĕti* к индоевропейскому корню **em-* со значением 'брать' — изначально атематической форме настоящего времени [11, с. 310], т.е. не имеющей основообразовательного элемента, что позволяет отнести данную форму к самому древнему пласту лексики индоевропейского праязыка. Развитие корня **em-* в славянских языках происходило следующим образом:

В данных формах *j* — протетическая согласная, которая является собственно славянской инновацией [10, с. 225].

Глагол **jьmati (se)* 'ловить, собирать' (глагол многократного действия с суффиксом *-a-*), выражающий процесс приобщения объекта, развивается в следующие славянские формы: болг. *ѣмам* 'иметь', диал. *имам се* 'важничать', *имам сѣ* 'мирииться', макед. *има*, сербохорв. *ѣмати* 'иметь', чеш. *jĕmati* 'брать, хватать', словц. *mat'* 'иметь, обладать', в.-луж. *jĕmać* 'хватать', польск. *imać* 'брать, иметь', др.-рус., рус.-цслав. *имати* 'брать', 'захватывать', *емати* 'брать', рус. диал. *ѣмать* 'иметь, обладать' (арх., олон., влад., смол., зап.-брян.), ст.-укр. *имати* 'иметь', 'ловить', укр. *ма́ти* 'иметь, намереваться', блр. *імаць* 'брать, принимать', 'иметь'. Как отмечалось выше, глагол **jьmati* (глагол на *-ati*, итератив-дуратив) образован от **jĕti*, **jьто* на базе презентных форм последнего. Форма **jьmati* представляет собой обычную для славянского тематизацию (*-a-ti*) и имперфективацию [10, с. 224–225].

От глагола **jьmati* образованы производные слова:

— обозначение орудия, посредством которого осуществляется приобщение объекта, с суф. — (*a*) *dlo* — **jьmadlo*: чеш. *madlo* 'перила, ручки', словц. *madlá* 'ручки', польск. *imadło* 'зажим, щипцы', рус. диал. *ѣмало* 'приманка' (волог., твер.), *ѣмало* 'аркан', 'узда, оброть' (волог.);

— обозначение действия по приобщению объекта и самого объекта обладания (в данном случае конкурирует в славянских языках с производным **jьmĕnje* от **jьmĕti*) с суф. — (*a*) *nje* — **jьmanje*: ст.-слав. *ИМАНИ Є* 'собираение, сбор', чеш. *jĕmání* 'взятие под арест', в.-луж. *jĕmanie* 'хватание', ст.-польск. *imanie*, рус. диал. *иманье, имание, иманьѣ* 'ловля, поимка' (арх., енис.), укр. *іманка* 'поимка' [10, с. 223].

Таким образом, можно заметить, что в современных славянских языках лексические единицы, произошедшие от праславянских форм **jьmĕti* и **jьmati* (как и произво-

дные от них **jьmьnъje* и **jьmьnъje*), конкурируют в выражении концепта «обладание». В одних языках данный концепт выражают формы, восходящие лишь к одной из двух праформ (например, макед. *има*, полаб. *met* < **jьmьti*), в других обе формы присутствуют в лексической группе, выражающей концепт «обладание» (например, польск. *imać* < **jьmati* и *mieć* < **jьmьti*; укр. *мати* < **jьmati* и *імти* < **jьmьti*). В русском языке представлено только форма *иметь* < **jьmьti*, хотя в ряде диалектов фиксируются глаголы типа *имать* в значении 'обладать, иметь' (арх., олон., влад., смол., зап.-брян.). Еще один праславянский глагол, восходящий к и.-е. **em-* и продолжающий семантику 'братъ' — **jьti*, **jьto* 'братъ, взять', выражающий действие приобщения объекта. В славянских языках он дает формы: сербохорв. *jěti*, *iměm* 'братъ', чеш. *jmouti* 'взять', слов. *jat'*, *jme* 'взять, схватить', польск. *jać*, *imie* 'схватить, взять', др.-рус., рус.-цслав. *имо* 'взять, братъ, схватить', рус. диал. *ять* 'стать' (яросл.), 'братъ', *яться* 'братъся, обещаться', укр. *яти*, *йму* 'начинать, братъся', *няти*, *йму* 'братъ', блр. *няць* 'взять, охватить' [10, с. 71].

От формы **jьti*, **jьto* в славянских языках образуется ряд лексических единиц:

— производное прилагательное с суф. *-ъкъ*, характеризующее как объект обладания, так и субъект с положительной стороны — **jьmькъjь* (подобная схема в латинском языке *habēo* 'иметь, обладать' *habilis*, *e* 'легко управляемый, способный, годный'): рус. *ёмкий* 'вместительный', диал. *ёмкий*, *ёмкой* 'крепкий, сильный, ловкий' (арх., волог., перм., яросл.), 'поместительный' (арх., влад., костр.), *ймкий*, *ймкой* 'прирученный, смиренный, которого легко поймать (о домашних животных)' (арх., перм., урал.), укр. *ёмкий*, — *а*, — *ё* 'хваткий, ловкий', блр. диал. *ёмкі* 'ловкий, здоровый';

— имя деятеля с суф. *-ьсь* — **jьmьсь*: цслав. *ЕМЬЦЬ* 'поручитель', сербохорв. *јатац* 'поручитель', словен. *jetec*, *jetse*, ст.-польск. *jeniec* 'узник, пленник', польск. *jeniec* 'пленник, военнопленный', рус. диал. *емѣц* 'расторопный, взяточник' (курс., калуж.), *емцы* 'щипцы' [10, с. 229];

Сходная с праслав. **jьti*, **jьto* семантика обнаруживается и в других индоевропейских языках. В балтийских языках отмечаются лексические единицы: лит. *imù*, *imti* 'братъ', латыш. *jēti*, *jēti*, *jemt* вместе с *ñēti*, *ñēti*, *ñemt* 'братъ', возможно как следствие германского

лингвокультурного влияния (гот. *niman* 'братъ' > нем. *nehmen* 'братъ', восходит также к и.-е. **em-* [11, с. 310–311]) или как общая германо-балтийская изоглосса (ср. с рус. *-нять* при *от-нять*, где *n* также неэтимологический).

Сложность и неясность реальной истории глагольных рефлексов и.-е. **em-* в современных языках обусловлена, по мнению этимологов (М. А. Иллич-Свитыч, О. Н. Трубачев, В. Н. Топоров), многочисленными аналогиями и перестройками типов основ и флексий, оставившими следы в тех нерегулярностях, которыми изобилует парадигма этих глаголов [5, 11].

Таким образом, производные индоевропейского корня **em-* являются очень древними и продуктивными в следующих ветвях индоевропейской языковой семьи: хетто-лувийской, италийской, кельтской, германской, балтийской, славянской и в греческом языке. И лишь в славянских языках к этому корню восходят лексические единицы, являющиеся центрами ядра семантического поля концепта «обладание» [2, с. 41]. В ходе становления славянских языков в смысловой структуре лексического гнезда с исходным и.-е. корнем **em-* выделился новый семантический центр 'иметь, обладать', связь которого со значением 'братъ' ('братъ' 'иметь') осуществляется через сему 'приобщаемый/приобщенный объект': ['братъ' (что?) 'приобщаемый объект'] ['иметь' (что?) 'приобщенный объект'].

Все вышеуказанное еще раз подтверждает тезис об отнесенности древности исследуемого концепта «обладание». Он является все-таки вторичным, производным от других, более «примитивных» концептов. Изначально одни из самых простых отношений (более наглядные, доступные зрительному восприятию) лежат в основе отношений принадлежности, которые позже, в свою очередь, могут переходить в другие виды отношений. Понятие об обладании возникает на определенном уровне социально-экономической организации общества, в процессе его имущественного расслоения; при формировании товарно-денежных отношений, когда начинает устанавливаться юридически закрепленное право собственности. Материалы исследования показывают, что концепт «обладание» является достаточно динамичным, его структура зависит от социального строя, хозяйственного уклада, культуры народа, то есть он неразрывно связан с реальной жизнью, где все очень быстро изменяется и постоянно приобретает новые формы.

Литература:

1. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.
2. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Выражение концепта «народ» в русском языке // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 40–42.
3. Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVII века. — М., 1952.
4. Ожегов — Толковый словарь русского языка. Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. — 16-е изд. — М., 1984.

5. Пятаева, Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *beg- «брать, взять» в русском языке: Автореф. дис...канд. филол. наук. — Уфа, 1995.
6. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. — М., 1982.
7. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. Л.: Наука. — Т. 1. — 1970.
8. Смолина, К. П. Лексика имущественной сферы в русском языке XI—XVII вв. — М.: Наука, 1990.
9. Тумакова, Н. А., Ткаченко Ю. А. К вопросу о роли мотивации в обучении иностранному языку в вузе // Молодой ученый. — 2015. — № 6. — с. 705–707.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 8. Под ред. О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1981.
11. Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. — Leipzig, 1984.

К вопросу о словообразовательных процессах в заимствованной экономической лексике (на материале русскоязычной прессы Узбекистана)

Рузметов Сурожбек Аллаберганович, магистрант
Ургенчский государственный университет (Узбекистан)

Одно из важнейших мест в жизни общества занимает экономическая сфера, так как она определяет ход всех происходящих в нем процессов. Соответственно, развитием общества обогащается специальная лексика данной сферы различными путями (процесс заимствования, образования новых слов из имеющихся и т. п.). В течение последних десяти лет в русском языке отмечен активный процесс словопроизводства в сфере экономической лексики.

Описание словообразовательных процессов, происходящих в образовании экономических терминов, не требует особого изучения, так как язык экономики, как и язык любой другой терминологической сферы — не располагает особыми средствами образования новых терминов. Он использует те же способы номинации, как и общелитературный язык. [4, с. 188–189].

Среди самых активных словообразовательных процессов в заимствованной экономической лексике доминирующими являются такие типы морфологического словообразования, как аффиксация и префиксация. В качестве других активных способов словопроизводства М. В. Китаргородская упоминает семантическую деривацию, аббревиацию и терминологические эквиваленты [4, с. 196].

Аффиксация — это один из самых продуктивных морфологических способов словообразования русского языка. Слова, образованные морфологическим способом, являются производными словами, возникшими в результате присоединения к основе слова или целому слову словообразовательных аффиксов, существующих уже в языке. Необходимо также отметить, что морфологическая деривация не приводит к появлению абсолютно новых слов [6, с. 67].

В зависимости от словообразовательных элементов, т. е. служебных морфем, употребляющихся для словообразования, аффиксация может делиться на некоторые

отдельные группы. Согласно Н. М. Шанскому и А. Н. Тихонову, таких групп всего три: суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способы деривации, первые двое из которых являются активными и значительными в образовании новых слов от заимствованных.

При суффиксации деривационное значение выражается с помощью суффикса и системы флексий производного слова. С помощью суффиксации могут быть образованы как слова одной части речи, так и слова разных частей речи. Суффиксация — главный способ образования существительных и прилагательных. В образовании имен существительных принимает участие около 400 суффиксов, имен прилагательных — около 70 суффиксов, глаголов — 7 суффиксов. Необходимо отметить, что в русскоязычной прессе Узбекистана также активно используются иноязычные (особенно заимствованные из английского языка) термины, образованные путем суффиксации. В качестве примера можно привести слова с суффиксальным элементом -ер (-ор), — инг и другие:

Дилер. В настоящее время в странах СНГ действуют более 250 дилеров автомобильной промышленности Узбекистана. (Голос Узбекистана. 19.07.2013);

Дебитор. ... выявление и анализ платежеспособности дебитора и обеспечение кредитными средствами осуществляются в короткие сроки. (Голос Узбекистана. 09.11.2013);

Лизинг. На основе трудового договора надомники могут бесплатно или на условиях аренды, в том числе на основе лизинга приобретать оборудование, приборы ... (Голос Узбекистана. 04.10.2013).

Этот ряд можно продолжить словами демпинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, аутсайдер, бартер, брокер, дистрибьютор, импортер, инвестор, кредитор, маклер, и многие другие.

При рассмотрении слов можно заметить, что все иноязычные существительные с элементом *-ep (-op)* называют лиц, т.е. участников тех или иных экономических отношений. Это связано с тем, что каждой области экономической деятельности свойственны свои специалисты, например бирже — брокер, маклер, дилер, трейдер; банку — директор, менеджер, бухгалтер, кассир и другие.

Характерными для экономических терминов считаются присоединение иноязычным словам суффиксов *-ация/-изация*. Слов, образуемых с помощью этих суффиксов М.В. Китайгородская и Л. Ферм называют процессуальными. В страницах газет можно встретить, например, следующие существительные с данными суффиксами: *адаптация, амальгамация* (слияние корпораций в единую компанию для централизации капитала), *бартеризация, девальвация* и другие.

Кроме упомянутых выше суффиксов, есть и ряд других менее продуктивных, с помощью которых образуются новые существительные от заимствованных слов. Такими суффиксами являются, например, — *тель*, — *ист*, — *изм* и *-ость*. Их значение в образовании новых экономических слов иноязычного происхождения довольно незначительное, так как в экономических текстах можно встретить небольшое количество слов, образованных с помощью этих суффиксов. В качестве примера можно привести несколько слов с вышеупомянутыми суффиксами: аукционист (лицо, проводящее аукцион), экономист, абсентеизм (отсутствие собственника), бихевиоризм (поведение потребителей, покупателей при выборе и покупке товаров), монополизм, номинализм (отрицание товарной природы денег), чартист и другие.

Согласно М.В. Китайгородской, образование имен прилагательных от имен существительных является очень активным процессом. Наиболее продуктивными суффиксами она называет *-ск-*, — *н-* и *-ов-*. Рассмотрим примеры употребления слов с данными суффиксами в газетных текстах:

Аудиторский. Членами партийной фракции также был обсужден законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Узбекистан «Об аудиторской деятельности»». (Голос Узбекистана. 11.01.2013).

Бухгалтерский. Сама я, помимо своих непосредственных обязанностей по организации работы, научилась вести и бухгалтерский учет. (Народное слово. 23.01.2015).

Банковский. Арендная плата уплачивается арендатором ежемесячно до 25 числа отчетного месяца на банковский расчетный счет торгового комплекса. (Солик Инфо. 17.02.2015).

Брокерский. На сегодняшний день в республике осуществляют свою деятельность более 140 инвестиционных институтов, создана система организаторов торгов, брокерских компаний и двухступенчатый депозитарий. (Голос Узбекистана. 20.09.2013).

Валютный. ... реализация которых облагается по нулевой ставке, принимается к зачету в доле от поступившей валютной выручки от экспорта товаров на счет налогоплательщика ... (Солик Инфо. 30.01.2010).

Депозитный. Для подключения к системе «SMS-To'lov» клиенту необходимо один раз посетить коммерческий банк для регистрации в системе и подключения к депозитному счету клиента. (Голос Узбекистана. 06.12.2013).

Ипотечный. ... сумма заработной платы и других доходов, подлежащая налогообложению, направляемая на погашение ипотечных кредитов и начисленных по ним процентов... (Солик Инфо 31.10.2009).

Кредитный. В рамках проекта был организован кредитный фонд, который кредитует женщин-предпринимателей. (Народное слово. 3.10.2014).

Патентный. За 2012 год в Государственный фонд патентной документации поступило 3,7 млн. копий документов. (Правда Востока. 11.11.2013).

Гербовый. ... взимается гербовый сбор в размере 10 процентов минимальной заработной платы. (Правда Востока. 4.07.2006).

Финансовый. Таких, как повышение эффективности государственной финансовой системы, целевого расходования средств Государственного бюджета... (Солик Инфо. 14.07.2010).

Фондовый. На ведущих мировых фондовых рынках до критического уровня снизились индексы и рыночная стоимость акций крупнейших компаний... (Голос Узбекистана. 8.08.2014).

Глагольное словообразование в русском языке менее активно, чем образование существительных и прилагательных. В основном, образование глаголов из заимствованных слов производится при помощи суффикса *-ировать*: авансировать, балансировать, декларировать, дискредитировать, импортировать, компенсировать, регламентировать, транспортировать, финансировать, *экспортировать*, эмитировать (выпускать в обращение деньги или ценные бумаги) и другие.

Префиксация — это способ словообразования, при котором новое слово образуется путем присоединения приставки к целому слову, поэтому префиксация действует только в рамках одной части речи.

Префиксальный способ словообразования (префиксация) — это образование новых слов присоединением к производящему слову приставок (префиксов). Для префиксации характерно, что приставка присоединяется не к основе слова, а к целому слову. Образованное префиксальным способом слово всегда принадлежит той же части речи, что и производящее: *финансировать* — *перифинансировать*, *аренда* — *субаренда*, *тарифный* — *нетарифный* и другие.

Как отмечает М.В. Китайгородская, в словообразовании экономической терминов наиболее продуктивны префиксы *не-*, *ре-*, *суб-*, *дез-*, которые наделены оттенками значения:

— приставка *ре-* вносит значение повторности, возобновления действия или противоположности действию, указанному во второй части слова — *ревальвация*, *реимпорт*, *реинвестирование*, *реконверсия*, *ремаркетинг*;

— приставка *не-* имеет значение отрицания — *не-гарантированный, некоммерческий, неконвертируемый, некондиционный, нерациональный, нетарифный, нефундированный*;

— приставка *суб-* указывает на «вторичность» — *субандеррайтер* (вторичный гарант займа), *субаренда* (передача арендатором части арендованного имущества в аренду третьему лицу);

— приставка *дез-* означает отказ, удаление, отсутствие или искажение чего-либо — *дезинвестиции, дезинтермедиация* (отказ от посредничества банков на рынке ссудных капиталов в пользу прямого выпуска ценных бумаг), *дезинфляция* (изъятие из обращения части денежной массы с целью подавления темпов инфляции);

— приставка *де-* обозначает обратное действие или отделение, удаление, прекращение, чего-либо — *девальвация, демаркетинг, демонетизация, демонополизация, денационализация, денонсация*;

— приставка *анти-* вносит значение направленности против чего-либо, борьбу с чем-либо — *антидатование* (выдача документа векселя задним числом), *антидемпинговый, антимонопольный*.

Таким образом, самыми продуктивными способами образования новых слов из заимствованных являются аффиксация и префиксация. Заимствованный из чужого языка элемент адаптируется в новом языке, входит в его грамматическую систему и подчиняется нормам его словоизменения.

Литература:

1. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Просвещение, 1973.
2. Ферм, Л. Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). — Уппсала, 1994.
3. Белашапкина, В. А. Современный русский язык. — М.: Высшая школа, 1989.
4. Китайгородская, М. В. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX века. Языки русской культуры. — М., 1996.
5. Осипова, Л. И. Активные процессы в современном русском словообразовании. — М.: Прометей, 1994.
6. Шанский, Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. Ч. 2. — М., 1987.

Гуманистические проблемы в рассказах Лу Синя

Ручина Александра Викторовна, аспирант, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Лу Синь (настоящее имя Чжоу Шужень, 1881–1936.) выдающийся китайский писатель начала XX века и один из знаменательных авторов мировой литературы. Его творчество относится к тяжелейшему для Китая времени. Он был мастером короткого рассказа. Несмотря на небольшой объем произведения, Лу Синь мог мастерски раскрыть самые насущные проблемы своего времени. Его перу принадлежат такие знаковые произведения, как «Записки сумасшедшего» и «Подлинная история А-кью». Он был одним из первых, кто позволил себе открыто заявить о несправедливом и жестоком отношении к простому человеку со стороны власти, чем снижал себе особое расположение со стороны самого Мао Цзэдуна, который говорил, что «Лу Синь был не только великим писателем, но и великим мыслителем и великим революционером». Лу Синь продолжает вызывать неподдельный интерес и простого читателя и ученых всего мира.

Начало XX века для Китая — это время долгожданных перемен не только в государственном устройстве страны, но и, как следствие, в духовной сфере. Страна переживала смутное время, то и дело вспыхивали восстания и протесты. Главные действующие лица рассказов Лу Синя — это простые рабочие люди, чаще крестьяне,

интеллигенция и мещане. Народ был доведен до крайности и отчаяния тяжелым трудом, голодом и нищетой. Высокопоставленные чиновники не желали видеть, насколько убогой жизнью живет народ; их совершенно не волновало, что к началу века небывалого технического развития и прогресса большая часть населения была абсолютно безграмотна. Веками существовавшие феодальные порядки вынуждали к осуществлению давно назревавших революционных преобразований. Лу Синь был одним из первых авторов, заявивших об этом в своих произведениях. С одной стороны, его глубоко задевал вопрос нелегкой жизни своего народа. Он ратовал за просвещение народных масс, за достойное существование каждого члена общества, за общество без классовых предрассудков, укоренившихся в Китае с древнейших времён. В то же время, он всем сердцем переживал, что, несмотря на беспощадный гнет со стороны господствующих классов, народ продолжает безропотно сносить издевательства. Заслуга художника состояла в том, что он ввел в китайскую литературу персонажей, которые раньше считались недостойными того, чтобы о них писали. Лу Синь открывает сложный внутренний мир простого китайца, показывает, насколько глубокими могут

быть переживания самого обычного, непримечательного человека.

Родился и рос писатель в семье отнюдь не бедной, но в подростковом возрасте он сталкивается с арестом деда и смертью своего отца — кормильца семьи, что приводит семью к разорению. Именно в это время писатель познает ужасающее существование бедняков. Переживая поражение революции одиннадцатого года, Лу Синь прекращает писать, но через несколько лет, окрыленный событиями 4 мая 1919 года (происходит государственный переворот, смена власти, что приводит к Культурной революции общегосударственного масштаба), вновь берется за перо и с небольшим временным интервалом пишет несколько рассказов, принесших ему известность — «Снадобье», «Кун И-цзы», «Маленькое происшествие».

Рассказ «Кун И-цзы» (март 1919) назван именем человека, который по молодости несколько раз пытался сдать экзамены на должность чиновника, но так в этом и не преуспел. В итоге, в свои теперь уже немолодые годы он влачит жалкую жизнь и перебивается то попрошайничеством, то воровством. Он — завсегда одной винной лавки, где является посмешищем для приходящих туда после работы местных трудяг. В один прекрасный день он пропадает. Повествователь узнает, что его поймали на воровстве и покалечили — перебили ему ноги. После этого события еле живой Кун И-цзы появляется в лавке лишь раз, вновь сопровождаемый насмешками, а после пропадает совсем.

Само имя Кун И-цзы свидетельствует о том, с каким презрением к нему относят в обществе. Дело в том, что принадлежит ему лишь фамилия Кун, а два остальных иероглифа, составляющих имя, представляют собой ничего не обозначающие символы, которыми нарекли его местные, давать же имена, не имеющие смысла, не в китайской традиции. Кун И-цзы является как бы воплощением того пережитка конфуцианского прошлого, которое призрается современниками Лу Синя. Он постоянно сыплет «умными» словами, пытаясь показать всем, что он интеллектуально выше присутствующих, но это не вызывает ничего, кроме раздражения и приступа хохота у собравшихся. Ведь он выучил всю конфуцианскую мораль на зубок, а сам живет воровством. Следовательно, мораль, завещанная Конфуцием, ничего не значит для таких, как он, следовательно ей нет места в современном обществе. Но, с другой стороны, когда Кун пропадает, никто из часто бывающих в винной лавке о нем не вспоминает, кроме хозяина, которому тот должен деньги. Узнав, что Кун И-Цзы перебили ноги, завсегда и вновь начинают осмеивать его. Автор изображает полное безразличие самих простых людей к бедам отдельного человека. Деспотичное отношение со стороны власти к «маленьким людям» настолько загоняет их в угол, что они думают только о том, как выжить самим, у них стирается чувство сострадания к ближнему, остается лишь холодная душа, расчет. Это видно в конце, когда автор описывает долгое отсутствие кун И-цзы. Хо-

зяин лавки просто стирает его имя и сумму долга с доски, таким образом, стирая его из общей памяти. Герои понимают, что человек умер, но ни у кого не возникает сожалений по этому поводу.

В рассказе «Снадобье» (апрель 1919) речь идет о казненном молодом революционере Ся и об умершем от туберкулеза молодом Хуа. Молодого Ся за вознаграждение сдал властям его родственник, родители же молодого Хуа за большие деньги купили у палача пампушку, смоченную в крови казненного Ся, чтоб вылечить сына. В первую очередь здесь изображается невежество простого народа, который на протяжении тысячелетий продолжает верить, что хлеб, смоченный в крови казненного, сможет вылечить любую хворь. И разрушает этот миф смерть молодого Хуа. И в этом рассказе изображается безразличие людей к бедам друг друга. Никого из присутствующих в чайной не трогает тот факт, что молодого революционера Ся из-за денег предал родственник. Никто из них не ценит, что храбрец Ся положил свою жизнь на алтарь революции. До последних минут своей жизни, даже будучи в тюрьме, он не прекращал агитировать людей пойти по пути революции ради новой жизни, освобождения от гнета. Общество чайной же продолжает считать, что в их жизни менять нечего и власти виднее, как лучше устроить существование простого народа. Но это не значит, что молодого Ся никто не поддерживает. Венок на его могиле говорит о том, что у него есть последователи, которые таким образом дают понять, что его дело не забыто и будет продолжено.

Местом действия рассказов «Снадобье» и «Кун И-цзы» не случайно являются чайная и винная лавка — места общения бедняков. Люди приходят туда в течение всего дня, едят, обмениваются новостями. Возможно, только здесь бедняки могут почувствовать себя в своей тарелке, среди таких же, как они. Потому что там, за дверью чайной, существует жестокий мир, поделенный на классы. Однако уже в самой винной лавке четко проведена грань между людьми бедными и теми, у кого денег больше: «...у посетителей в куртках таких денег не бывает. Ну а те, что в длинных халатах, проходят в комнатку за перегородкой, и, заказав там вино с закусками, выпивают сидя, не спеша» [1]. Получается, что проблема не только в наплевательском отношении власти к народу, но и в самом народе, который покорно сносит унижения, давая властям возможность и впредь поступать подобным образом.

«Маленькое происшествие» (июль 1919) — рассказ об уроке нравственности, который преподавал автор-повествователю простой рикша. Несмотря на опасность остаться без заработка, он останавливает повозку с пассажиром, чтобы помочь пожилой женщине, которую задел на ходу. Пассажир же в раздражении из-за незапланированной остановки подгоняет рикшу, однако тот, не обращая внимания, пытается помочь женщине. Человек низшего сословия заставляет устыдиться образованного пассажира, заподозрившего старуху в намеренном обмане. Работающий за копейки рикша помогает

старухе несмотря ни на что, проявляет свои лучшие моральные качества без оглядки на возможный обман и потерю заработка. Пассажира же, напротив, поведение рикши удивляет и раздражает, но позже заставляет задуматься и прийти к выводу, насколько сам он был отвратителен в этой истории. Случайное происшествие становится для него проверкой на собственную человечность. Действие рассказа происходит на дороге, которая символизирует жизнь автора до и после этого происшествия. Он осознал собственную заносчивость и высокомерие, и читатель понимает, что отныне он будет более участлив по отношению к людям, к какому бы классу они не принадлежали, и не сможет равнодушно пройти мимо.

Во всех трех произведениях повествование ведется от первого лица. В «Снадобье» историю рассказывает сам автор, который не принимает участия в происходящем, а наблюдает со стороны. В «Кун И-цзы» историю рассказывает мальчик, который работает в винной лавке, а в «Маленьком происшествии» рассказ ведется от лица пассажира, сидящего в рикше. Важнейшая функция перволичного повествования — подлинность, достовер-

ность изображаемого. Достоверность фактов, излагаемых Лу Синем в его произведениях, была важнейшим условием создания рассказов. Все, о чем пишет автор, либо произошло с ним, либо он был свидетелем этих событий. Именно поэтому большая часть его произведений написана от первого лица. Рассказчик не всегда является главным героем, но всегда находится в непосредственной близости от него.

Изображая переломное время в истории Китая, Лу Синь становится летописцем происходящего в стране, тех духовных процессов и умонастроений, которые витали в воздухе и делали неизбежным наступление новой жизни. Позиция, которую занимает писатель в изображении мира и человека, гуманистическая: человек, его свобода, уважение и самоуважение в центре его художественного мира. Кроме того, своими почти документальными историями Лу Синь воспитывает читателя, призывая каждого к самоанализу, акцентирует моменты жестокости, несправедливости не только власти к народу, но и простых людей друг к другу. Мораль его рассказов-притч побуждает человека начать изменение мира с себя.

Литература:

1. Лу Синь. Кун И-цзы // Лу Синь. Клич // Лу Синь. Повести и рассказы. — М.: Художественная литература. 1971 — с. 56.
2. Никифоров, В. Н. Очерк истории Китая. 2 тысячелетие до н. э. - начало 20 столетия. — М.: изд-во Института Дальнего Востока РАН. 2002.
3. Федоренко, Н. Т. Китайская литература. М.: Художественная литература. 1956.
4. Большой китайско-русский словарь, под редакцией Ся Чжунъ и. Пекин: Шаньуйньшугуань. 1990.
5. Ван Шицин. Еще раз об искании и стремлении Лу Синя. // Ежегодник изучения Лу Синя. Пекин: Мир Китая. 1990.

О словообразовании имен прилагательных в современном узбекском языке

Саидов Жамшид Рустамович, преподаватель

Ханкинский агропромышленный профессиональный колледж (Узбекистан)

Некоторые лингвисты отмечают, что прилагательные в узбекском языке, как и в других тюркских языках, не существуют как особая грамматическая категория слов, поскольку в морфологическом отношении они ничем не отличаются от существительных и, сплошь и рядом, сами существительные заключают в себе значение и существительного и прилагательного: *бош* «голова», «начало»; «главный», «передовой», *чечан* «мастер»; «красноречивый», «расторопный».

В известной своей части прилагательные и существительные имеют общие средства словообразования — это аффиксы, образующие имена от глагольных основ: *ён* «горящий» (*ён* «гореть»), *тинч* «спокойный», «тихий», «мирный» (*тин* «успокаиваться»), *қайноқ* «кипячёный», «горячий» (*қайна* «кипеть»), *ёнгин* «пожар» (*ён* «го-

реть»), *кўчма* «передвижной», «переходящий» (*кўч* «переходить», «переселяться») и другие.

Такого рода двойственность объясняется тем, что аффиксы образования имен (существительных и прилагательных) от глагольных основ являются формами архаических причастий и отглагольных имен с разошедшимися значениями.

Относятся к прилагательным в большей мере аффиксы *-қоқ*, — *гоқ*: *ёпишқоқ* «прилипчивый», «назойливый» (*ёпиш* «липнуть», «прилипнуть»), *тиришқоқ* «старательный» (*тириш* «стараться»); — *агон*: *билагон* «знающий», «сведущий» (*бил* «знать»), *қопагон* «кусающийся», «злой» (*қоп* «кусать» — о собаке), *чонагон* «быстро бегающий», «скачущий» (*чоп* «скачать») и т. п.

Относительные прилагательные образуются от существительных с помощью аффикса **-ли** со значением наличия чего-либо или обладания чем-либо: *болали* «имеющий детей», *ерли* «имеющий землю», «местный», *ақлли* «умный», *даҳшатли* «ужасный» и т. п.

От имени действия на **-иш (-иш)** с аффиксом **-ли** образуются прилагательные со значением пригодности для чего-либо: *ейишли* «пригодный для еды», «аппетитный», *ўтиришли жой* «удобное, уютное место» и т. п.

Значение аффикса **-ли** распространяется на определенное словосочетание: *қизил майкали бола* «мальчик в красной майке», *паст бўйли киши* «человек низкого роста», *қўш деразали уй* «двухоконный дом».

При однородных членах аффикс **-ли** возможен как при обоих существительных, так и при последнем: *ерли-сувли* или *ер-сувли* «имеющий землю и воду», *ўғил-қизли одам* «человек, имеющий сыновей и дочерей» и другие.

Противоположное аффиксу **-ли** значение выражает аффикс **-сиз**, обозначающий отсутствие чего-либо, заключенного в основе существительного: *билимли* «знающий», «образованный», *билимсиз* «незнающий, необразованный», *кучли* «сильный», *кучсиз* «бесильный».

Необходимо отметить, что в узбекском языке довольно часто встречаются таджикско-персидского происхождения с приставками **бо-**, **ба-**, также обозначающими обладание чем-либо и **бе-** и **но-** с прямо противоположным значением: *боадаб* «вежливый», *бақувват* «сильный» и *беадаб* «невежливый», *норози* «несогласный» и другие. В редких случаях эти приставки распространились на узбекские основы: *нотинч* «неспокойный», *нотўғри* «неправильный».

Наиболее отвлеченное значение имеет аффиксы **-ги**, **— ки (-қи)**, образующие прилагательные от существительных со значением времени, срока и места: *кечаги* «вчерашний», *кечки* «вечерний», *ташқи* «внешний», «наружный».

Тот же аффикс с существительными в местном падеже образует значение «находящийся в определенном месте, среде»: *бозордаги* «находящийся на базаре», *суздаги* «находящийся в воде», *уйдаги* «находящийся в доме».

Из таджикского и персидского языков узбекским заимствованы относительные прилагательные с суффиксом **-аки**, **— ин**, который распространился и на некоторые узбекские основы: *қалбаки* «подложный», «фальшивый», *огзаки* «устный», *рангин* «цветной», *оташин* «пламенный».

Непродуктивный аффикс **-чан (-чанг)** образует прилагательные от существительных со значением наличия свойства у кого-либо, склонности кого-либо к чему-либо, содержащихся в основе существительного: *ишчан* «дельный», «трудолюбивый» (*иш* «дело», «работа»), *ўйчан* «задумчивый» (*ўй* «дума», «мысль»), *курашчан* «воинствующий» (*кураш* «борьба»), *уятчанг* «стыдливый» (*уят* «стыд»), *кўнгилчан* (*кўнгилчанг*)

«отзывчивый», «душевный» (*кўнгил* «душа») и другие. Исключение: *бўйчан* (*бўйчанг*) «рослый», «долговязый» (*бўй* «рост»).

От ряда существительных с предметным значением (обычно обозначающим предметы, одежды) тот же аффикс **-чан (-чанг)** образует значение ограничения данным предметом: *кўйлакчанг* «в одной рубашке», (*кўйлак* «рубашка»), *маҳсичанг* «в одних ичигах», (*маҳси* «ичиги»).

Аффикс **-чил** малопродуктивный, образует прилагательные от существительных со значением склонности кого-либо к чему-либо, наличия у кого-либо свойства, отвлеченного от основы существительного: *дардчил* «болезненный» (*дард* «болезнь», «недуг»), *изчил* «последовательный» (*из* «след»), *эпчил* «ловкий», «расторопный» (*эп* «ловкость», «умень»).

Аффикс **-симон** в сочетании с существительными обозначает подобие: *одамсимон* «человекообразный» и другие.

В старом книжном языке и в поэзии встречаются слова таджикско-персидского происхождения с суффиксом **-ваш** с тем же значением подобия: *моҳваш* «луноподобная», *париваш* «подобная пери».

Узбекским литературным языком усвоены относительные прилагательные арабского происхождения, которые в языке-источнике обозначали принадлежность, происхождение, причисление и образующиеся заменой окончания слова суффиксом **-ий**, **— вий**, **(-ун)**. В узбекском языке данные суффиксы встречаются и в некоторых новообразованиях, значение же самой формы очень расширилось: *асосий* «основной», «главный» (*асос* «основа», «основание»), *тарихий* «исторический» (*тарих* «история»), *илмий* «научный» (*илм* «наука»), *оммавий* «массовый» (*омма* «масса», «народ»).

Прилагательные новообразования в узбекском литературном языке образуются разными путями с окончаниями на:

а) **— ик**: *демократик* «демократический», *педагогик* «педагогический», *органик* «органический» и т. п.

б) **-ив**: *объектив* «объективный», *прогрессив* «прогрессивный», *конструктив* «конструктивный» и т. п.

в) **-л (-ал)**: *гениал* «гениальный», *коммунал* «коммунальный» и т. п.

г) **— ион**: *комиссион* «комиссионный», *дискуссион* «дискуссионный» и т. п.

Сложные по составу прилагательные образуются из двух или нескольких основ, именно:

а) из двух существительных, первое из которых является определением второго, но вместе с тем все словосочетание метафорически обозначает признак кого-либо или чего-либо: *бодом қовоқ* (букв. «миндаль-веки») «миндалевидные веки», «с миндалевидными веками», *шер юрак* (букв. «лев-сердце») «львиное сердце», «храбрый» и т. п.

б) из сочетания прилагательного и существительного с тем же значением: *қиммат баҳо* (букв. «дорогая цена») «драгоценный», *хипча бел* «тонкая талия», «с тонкой та-

лией», *қора қош* «чёрные брови», «с чёрными бровями» и т. п.

в) оба типа такого рода словосочетаний могут быть морфологически оформлены с помощью аффикса **-ли**: *кулча юзли* «круглолицый», *хипча белли* «с тонкой талией», *кўк кўзли* «синеглазый», «голубоглазый» и т. п.

Определительное словосочетание прилагательного и существительного превращается в словосочетание предикативное, когда они объединены обратной связью, то есть сначала следует существительное с местоименно-притяжательным аффиксом третьего лица единственного числа, затем прилагательное. Наличие местоименно-притяжательного аффикса в словосочетаниях подобного рода относит все словосочетание к кому-либо или чему-либо и обуславливает двоякий его характер — предикативный и определительный: *юраги қора* (букв. «сердце (его) чёрное») «скрытный», «завистливый», *бўйи узун* (букв. «рост (его) длинный») «высокого роста», «долговязый», *аччиғи тез* (букв. «гнев (его) быстрый») «вспыльчивый», *бурни пучуқ* (букв. «нос (его) курносый») «курносый», *сифати паст* (букв. «качество (его) низкое») «низкого качества», *эси паст* (букв. «разум (его) низкий») «глуповатый», «недалёкий», *юраги йўқ* (букв. «сердце (его) отсутствующее») «трусливый» и т. п.

Рамки таких словосочетаний расширяются в случаях, когда на месте прилагательного оказывается причастие, например, *қадди букулган* (букв. «стан (его) согбенный») «сутулый», «сгорбленный», *оёқ-қўли чакқон* (букв. «ноги-руки (его) проворные») «расторопный», *эти суяғига ёпишган* «худой» (букв. «мясо (его) к костям приставшее») и т. п.

Повторение а) усиливает первоначальное значение прилагательного, например, *баланд-баланд* «высокий-превысокий», *узун-узун* «длинный-длинный», «очень длинный» и т. п.; б) привносит новый лексико-семантический момент, например, *ораси очик-очик* «редкий», «нечастый», *йўл-йўл* «полосатый», «рубчатый» (*йўл* «дорога», «полоса») и т. п.

Парные словосочетания распространяются как на прилагательные, так и на существительные и образуются из:

а) тавтологических и синонимических сочетаний прилагательных: *пишиқ-пухта* «крепкий», «тщательный»,

қинғир-қийшиқ «кривой», «искривлённый», *очик-ойдин* «ясный», «очевидный», «рельефный», *эгри-бугри* «искривлённый», «изогнутый» и т. п.;

б) рифмических словосочетаний: *ола-була* «пёстрый», «разноцветный», *майда-чуйда* «мелкий», «мелочный», *гадир-будур* «шероховатый», «шершавый», *калта-култа* «короткий», «куцый» и т. п.

Сложные по составу прилагательные образуются:

а) из сочетания существительного и причастия настоящего и будущего времени, при этом форма причастия, сохраняя глагольное управление, распространяет подчинительную связь на предшествующее существительное: *эрксевар* «свободолюбивый», *ишёқмас* «ленивый» и т. п.;

б) из сочетания наречного слова с тем же причастием: *тезотар* «скорострельный», *тезучар* «быстролетящий», «скоростной», *эртапишар* «скоропелый» и т. п. Большей частью это кальки. Кальками являются также сочетания существительных со словом *олд* «перед» с местоименно-притяжательным суффиксом третьего лица единственного числа: *сайлов олди* «предвыборный», *май олди* «предмайский» и т. п.

Особый разряд прилагательных составляют сочетания существительных с приставкой **сер-** таджикско-персидского происхождения, обозначающим многочисленность, обилие того, что выражено в основе следующего существительного, например, *серсоя* «тенистый», *серҳосил* «высокоурожайный», *серҳаракат* «подвижный», «деятельный» и т. п. Данная приставка в персидском языке являлась самостоятельным словом. Переходя в узбекский язык, оно превратилось в очень продуктивную словообразовательную приставку и стала сочетаться с многими исконно узбекскими и заимствованными словами: *сербутоқ* «ветвистый», *серкўкат* «изобилующий травой, зеленью», *серсув* «изобилующий водой», *серунум* «плодородный», «урожайный» и т. п.

Некоторые прилагательные, обозначающие название цвета, в сочетании с прилагательными *қора* в значении «тёмный», *ола* «пёстрый», *тўқ* «насыщенный», «густой», *оч* «светлый» выражают оттенки цвета: *қора қизил* «тёмно-бордовый», *тўқ қизил* «тёмно-красный», *тўқ сариқ* «тёмно-жёлтый», *оч кўк* «светло-зелёный» и т. п.

Литература:

1. Грамматика узбекского языка. I том. Морфология. — Ташкент: Фан, 1975.
2. Решетов, В. В. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. — Ташкент, 1965.
3. Современный узбекский язык. Морфология. — Ташкент, 2008.
4. Узбекско-русский словарь. — М., 1959.
5. Щербак, А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. — Л., 1977.

Феномен комического. Чувство юмора. Смех

Салимгерей Замира Маратовна, магистр

Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова (Казахстан)

Туребекова Жулдызай, студент

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Казахстан)

Комическое, или смешное, — это свойство объектов действительности. Субъективное качество восприятия этих объектов представляет собой чувство юмора. Комическое, с помощью чувства юмора отраженное в сознании субъекта и преобразованное в материальную форму (шутка, карикатура, анекдот, частушка, байка) определенным образом (юмористически, иронично, сатирически, саркастично) — это и есть юмор.

Прежде чем приступить к анализу юмора, следует определить и разграничить термины, относящихся к области смешного, поскольку понятие «юмор» толкуется чрезвычайно разнообразно не только в обыденном понимании, но и в научной среде. Как отмечает Р.А. Будагов, «ни в одном современном языке ирония и юмор не выступают как строгие термины с однозначными значениями» [1]. Во-первых, юмор сложен как объект познания: сам исследователь должен обладать развитым чувством юмора, чтобы не оказаться в позиции слепца, критикующего живопись.

Вторая причина состоит в многогранности этого явления, привлекающего внимание различных наук. Юмор изучается с философской точки зрения как мировоззренческое явление и как эстетическая категория, как социальный феномен и как характеристика культуры. Лингвисты занимаются семантикой, структурой и прагматикой вербального юмора. В рамках психологического подхода, по замечанию R. Martin, чувство юмора рассматривается как поведенческий паттерн (склонность часто смеяться, рассказывать шутки и смешить других), способность (запоминать шутки, рассказывать их, создавать, понимать), черта характера (обычная веселость), эстетическая реакция (смех над определенным рода вещами), отношение (позитивное отношение к юмору или к смешным людям), взгляд на мир, стратегия преодоления трудностей (склонность преломлять невзгоды через призму юмора) [2].

Закономерным результатом многовариантности подходов стала терминологическая путаница. Данная проблема, впрочем, типична для многих разделов социальных наук. Специфика последних по отношению к естественным, по мнению Ф.У. Ригса, состоит в многозначности понятий, в силу чего обществоведческий словарь оказывается полисемантическим, а обнаружение однозначных дескрипторов — невозможным [3].

В научной литературе «смешное», «комическое», «юмор», «смех», «остроумие» нередко употребляются в сходном значении. Наблюдается и обратная картина, когда одно понятие содержит различные смыслы в работах разных авторов. Широко разброс в определении

места «иронии» и «сатиры» относительно вышеперечисленных понятий. В данном параграфе предпринята попытка провести границы между терминами и определить систему категорий, пригодную для достижения целей данного исследования.

Можно выделить два основных подхода: Первый исходит из того, что юмор представляет собой нечто цельное, которое сложно разложить на составляющие. В таком случае какой-либо один термин используется в качестве всеобъемлющего, «зонтичного», покрывающего все стороны изучаемого объекта. Как правило, в роли таких категорий выступают понятия «смех», «юмор», «смешное», «комическое». В словаре В. Даля юмор определяется как «складка ума, умеющая подмечать и резко, но безобидно выставлять странности нравов или обычаев» [4]. Даль трактует его как мировоззрение и не устанавливает границы с иронией, отмечая, что юмористическая похвала может быть хуже всякой брани. Данный подход присущ работам Б. Дземидока, Л.В. Карасева, А.В. Дмитриева, М.Т. Рюминой.

Второй подход полагает, что рассматриваемые феномены слишком различны, чтобы быть объединенными под одним названием. Жан Поль ввел разделение на юмор и сатиру, Гегель заговорил об иронии, в дальнейшем ряд относительно независимых понятий обогатился сарказмом, шуткой, насмешкой.

Вычленение из глобального объекта частей представляет собой весьма полезный, а в ряде случаев и необходимый научный инструмент, однако изучение отдельных элементов вне совокупности связей между ними грозит привести к ошибочным результатам. Нам близка точка зрения А. Бергера (A. Berger), заметившего по этому поводу: «Расчленение юмора — это очень интересная операция, в ходе которой пациент обычно умирает» [5].

По результатам анализа словарей, энциклопедий и научной литературы в качестве основания системы был избран смех. Как наиболее общую категорию его трактуют Л.В. Карасев, А.А. Сычев, М.Т. Рюмина, Т.В. Иванова. Такой взгляд кажется нам оправданным, в частности, потому что этот термин имеет более долгую историю, как взятый из непосредственного наблюдения за сферой физических проявлений деятельности человека, в отличие от потребовавших осознания состояний духовной жизни «юмора», «сатиры», «комического». Несмотря на продолжающиеся споры о том, что именно обозначали первые знаки: предметы окружающего мира, элементы деятельности или черты быта, — этот вывод подтверждается позицией, которую поддерживает, в частности, Л. Нуаре (Noiré L.), утверждающий, что «первослова» обозначали

действия, а не предметы [6]. При этом общепризнанно, что знаки, обозначающие проявления духовной активности, появились в более поздний период. Смех же достаточно легко идентифицировать по внешним проявлениям, диапазон которых достаточно широк. Т. Кун (T. Kuhn) выделил 15 видов смеха по критериям уровня самоконтроля смеющегося субъекта и «добровольности» выражения эмоций: от контролируемого легкого подъема уголков губ до конвульсий [7].

Какое содержание вкладывается в понятие смеха? В толковом словаре Ожегова он определяется как «выражающие полноту удовольствия, радости, веселья или иных чувств отрывистые характерные звуки, сопровождающиеся короткими и сильными выдыхательными движениями» [8]. По Брокгаузу «смех, физиолог., сост. из дыхательных движений в связи с определенной мимикой, то есть с движением (игрой) мышц лица» [9]. В этих и иных словарных статьях подчеркиваются два основных аспекта смеха. Это физиологический акт, во-первых, и, во-вторых, наблюдаемое выражение определенных чувств. Перечень последних варьируется от статьи к статье, неизменно завершаясь фразой «и другие». Что интересно, чувство юмора в нем обычно не упоминается.

М. Т. Рюмина выделяет четыре распространенных способа употребления рассматриваемого термина. Во-первых, это психофизиологический смех. Во-вторых, эстетическое значение, в котором «эстетический смех» приравнивается к комическому. В рамках такого подхода смех нередко понимается также как субъективная реакция на комическое. И, наконец, это «смех вообще», все вышеперечисленные понимания без разграничения [10].

В качестве основы категориальной системы удобнее всего взять последнее значение, а затем попытаться определить виды смеха. При этом нельзя не упомянуть о претендующей на научность, однако широко цитируемой типологии видов смеха Р. Юренева: «Смех может быть радостный и грустный, добрый и гневный, умный и глупый, гордый и задушевный, снисходительный и заискивающий, презрительный и испуганный, оскорбительный и ободряющий, наглый и робкий, дружественный и враждебный, иронический и простосердечный, саркастический и наивный, ласковый и грубый, многозначительный и беспричинный, торжествующий и оправдательный, бесстыдный и смущенный. Можно еще и увеличить этот перечень: веселый, печальный, нервный, истерический, издевательский, физиологический, животный. Может быть даже унылый смех!» [11]. В этом перечне можно усмотреть основы классификации смеха по признакам эмоциональ-

ного (испуганный, торжествующий, веселый, печальный), физического и интеллектуального состояния (умный и глупый) смеющегося, его отношения к объекту смеха (дружественный и враждебный), характера проявления смеха (ласковый и грубый), наличия внешних комических раздражителей (беспричинный), выражения субъектом оценки объекта (оправдательный), наличия цели (заискивающий, оскорбительный, ободряющий), различий в статусе субъектов юмористического взаимодействия (снисходительный и заискивающий), передачи некой дополнительной информации (многозначительный), стадии развития личности (наивный), выражения определенных личностных черт (простодушный, наглый, робкий).

Можно предложить массу оснований для классификации, однако в настоящее время преобладает выделение в массиве смеха физиологической и духовной областей. Первая предпочитается представителями естественных наук: биологии, физиологии и психофизиологии. Смех данного рода не требует аудитории, и потому социальные науки чаще оперируют второй сферой, которая обычно трактуется как область смешного, или комического. Она представляет собой систему, в которой существует объект комического — собственно, комическое, или смешное (эстетика изучает именно его); субъект — тот, реагирует на комическое смехом (предмет психологического анализа) и взаимосвязи между ними формы и способы, в которых комическое из непосредственного опыта переносится в сознание субъекта. Это различные жанры юмора — анекдоты, частушки, шутки, афоризмы. Их структурой и прагматикой занимаются филологи, а социологи, культурологи и историки используют в качестве фактического материала, достоверно отражающего социальную реальность в силу своей неподцензурности.

Итак, на основе проведенного анализа сформируем систему категорий. Комическое, или смешное, — это свойство объектов действительности. Субъективное качество восприятия этих объектов представляет собой чувство юмора. Комическое, с помощью чувства юмора отраженное в сознании субъекта и преобразованное в материальную форму (шутка, карикатура, анекдот, частушка, байка) определенным образом (юмористически, иронично, сатирически, саркастично) — это и есть юмор. Внешне наблюдаемой реакцией на юмор или комическое выступает смех. Однако эта же реакция способна возникать и в ответ на иные стимулы: «чувство телесной радости», требования ситуации и т.д., поэтому уместно говорить о различных видах смеха: физиологическом, эстетическом, ситуационном.

Литература:

1. Будагов, Р. А. История слов в истории общества / Р. А. Будагов. — М.: Просвещение, 1971. — 178 с.
2. Martin, R. Approaches to the sense of humor: A historical review // W. Ruch (Ed.), *The sense of humor; Explorations of a personality characteristic*. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. — 180 p.
3. Ригс, Ф. У. Информация и общественные науки: потребность в ономастике. / Ф. У. Ригс // Международный форум по информации и документации Т. 14. — № 1. — М.: 1989. — 175 с.

4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4/В. Даль. — М.: Terra, 1994. — 684 с.
5. Berger, A. Humor: an Introduction // American Behavioral Scientist: Vol. 30. — No 1./A. Berger. — 1987. — 177p.
6. Noiré, L. Der Ursprung der Sprache/L. Noiré. — Mainz, 1877. — 300 с.
7. Кун, Т. Логика науки или психология исследования. Структура научных революций/Т. Кун. — М.: АСТ, 2003. — 605 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка/С.И. Ожегов. — М.: Русский язык, 1986. — 638 с.
9. Брокгауз, Ф. А., Энциклопедический словарь: Т. XXX/Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб.:Русское слово, 1900. — 597 с.
10. Рюмина, М.Т. Смех как эстетический феномен: автореф. дисс.... докт. филос. наук/М.Т. Рюмина. — М.: МГУ, 1999. — 20 с.
11. Юренив, Р. Советская кинокомедия/Р. Юренив. — М.: Наука, 1964. — 400 с.
12. Латышев Юрий Викторович. Феномен юмора в социально-информационном взаимодействии (Теоретико-методологический анализ): Дис. канд. филос. наук: 09.00.11: Новосибирск, 2003 147 с. РГБ ОД, 61:04–9/82–2

Специфика перевода контрактов в нефтегазовой отрасли (на материале английского, китайского и русского языков)

Самарьян Ирина Викторовна, студент;
Гредина Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ведущие специалисты в области правовых отношений до сих пор ведут споры о том, являются ли такие понятия, как «контракт» или «договор», понятиями равнозначными и равноправными. В нефтегазовой отрасли понятия «контракт» и «договор» абсолютно равнозначны, название договора дается для удобства и не влияет на его толкование.

Язык международной торговли весьма сложен и специфичен. Любое изменение в значении слова может вызвать серьезные последствия в толковании условий и понятий контракта. Каждая индустрия использует свой набор терминов, поэтому чтобы сделать язык международной торговли более универсальным, Международная промышленная палата в 1936 году составила свод правил под названием «Incoterms» (от англ. International commercial terms — «Международные торговые термины»). Данный свод правил добился однозначной трактовки всех определений и условий контракта.

Лексика китайского языка, которая обычно употребляется в контрактах, относится

к тому пласту лексики современного языка, который обычно именуют книжным [1, с. 56]. К этому пласту лексики в первую очередь относится специальная лексика, например, 申请 просить, прошение; 批示 наложить резолюцию, резолюция; 批准 ратифицировать; 核准 санкционировать; 委托书 доверенность; 签订 подписание; 协议 договор, 标记 маркировка, 包皮 тара, 证明书 сертификат брутто, 净重 нетто, 明细单 спецификация, 租 фрахтовать, 罚款 штрафные санкции, 不可抗力 форс-мажор, 石油通 баррель, 账单 счетная ведомость, 运费 фрахт, 声明书 декларация, 借记 дебет, 托收 инкассо, 生效 вступить в силу.

Некоторые обычные слова, употребляемые в разговорном китайском языке, текстах контрактов обретают стилистически-окрашенное значение [3, с. 34]. Некоторые примеры мы приведем в нижеследующей таблице:

	Значение в разговорном языке	Значение в книжном языке
标记	отметка	маркировка
罚款	штраф	санкции
不可抗力	непреодолимая сила	форс-мажор
批准	утвердить	ратифицировать
包皮	обертка	тара
装	одеваться	погрузить
批示	указание	резолюция
单据	документ	квитанция
段	период	абзац
条	ветка	статья
手续	документы	процедура
型号	модель	артикул
对象	жених, невеста	предмет

Наряду со специальной лексикой используются также специальные обороты, фразеологические штампы, или стилистически отмеченные фразеологизмы [5, с. 186]. К ним можно отнести следующие трафаретные выражения:

1. 具有约束力 — обладает обязательной силой
2. 查照办理 — принять к сведению и исполнению
3. 如有下列情况 — при следующих обстоятельствах
4. 按照下列手续进行 — производится в следующем порядке
5. 下面的各种单子 — нижепоименованные документы

6. 适当的标记 — надлежащая маркировка
7. 合同规定的其他单据 — документа, предусмотренные в контракте
8. 根据本条第№段 — согласно абзацу № настоящей статьи
9. 按照每次的个别情况 — в каждом отдельном случае
10. 彼此不等 — не совпадать друг с другом
11. 其他一切情况 — прочие обстоятельства
12. 签署合同内容如下 — заключили настоящий договор о нижеследующем:
13. 以下称为 — в лице
14. 合同对象 — предмет контракта

Необходимость точного наименования и подробного перечисления официальных учреждений и должностных лиц, их служебных обязанностей и функций, а также различных предметов, вовлеченных в сферу официальной деятельности, приводит к усложнению синтаксической структуры предложений. Поэтому нередко используются развернутые, многоступенчатые, большие по своему физическому объему синтаксические построения. Очень часто предложения настолько длинные, что компьютерный редактор подчеркивает их.

Пример: Если из-за природных или иных обстоятельств, находящихся вне воли сторон, исполнение настоящего контракта невозможно, то стороны освобождаются от ответственности за неисполнение обязательств по настоящему контракту, если оно является следствием непреодолимой силы, если эти обстоятельства непосредственно повлияли на исполнение настоящего контракта — при этом срок выполнения обязательств по настоящему контракту переносится соразмерно времени, в течение которого действовали такие обстоятельства.

Перевод: Стороны освобождаются от ответственности за частичное или полное неисполнение обязательств по настоящему Контракту, если оно явилось следствием природных явлений, действия внешних объективных факторов, прочих обстоятельств непреодолимой силы, если эти обстоятельства непосредственно повлияли на исполнение настоящего Контракта — при этом срок выполнения обязательств по настоящему контракту переносится соразмерно времени, в течение которого действовали такие обстоятельства.

Необходимо учесть тот факт, что предложения с китайского на русский язык чаще всего переводятся с конца.

В английском языке также существует широкий пласт специальной лексики, которая употребляется при составлении контрактов [6, с. 23]. Это обеспечивает точность передачи содержания контракта. Приведем несколько примеров: *atransshipment* — перевозка, *insurancecertificate* — страховое свидетельство, *anunderwriter* — страховщик, *losses* — убытки, *aconsignor* — отправитель, *abillofloading* — транспортная накладная, *anendorsement* — индоссамент, *aninvoice* — счет, *wiretransfer* — банковский перевод.

В ряде случаев при переводе контрактов переводчик отказывается от поисков контекстной замены, предпочитая дословный перевод формулировки текста, чтобы исключить возможность разночтений или неправильной интерпретации перевода документа. Переводчику необходимо хорошо знать наиболее часто употребляемые

штампы и обязательно использовать их при переводе подобных текстов. Приведем несколько примеров:

1. hereinafter referred to — именуемый в дальнейшем
2. acting according to the Articles — действующий на основании Устава
3. contractingparties — высокие договаривающиеся стороны
4. on behalf and instruction of — от имени и по поручению
5. hereby agree as follows — заключили настоящий договор о нижеследующем:
6. effective date — дата вступления силу
7. the price is firm and not subject to any alteration — цена установлена и не подлежит изменению
8. the best price — самая низкая цена
9. to unite in trading agreement — объединяться в торговые союзы
10. a service provider contractual services — поставщик услуг
11. Chamber of Commerce — Торговая Палата
12. to insure the goods to the full value — страховать товар на полную стоимость

В связи с обилием традиционных формулировок, исторически складывавшихся в течение длительного периода времени, для официально-деловых материалов характерно также широкое употребление торжественной, а подчас и архаической лексики. Такие слова как: вышеуказанный — *abovesaid*, вышеупомянутый — *abovementioned*, настоящим — *hereby*, в дальнейшем именуемый — *hereinafter*, впредь — *henceforth* и др.

Также обращает на себя внимание значительное пространство в английских официальных текстах латинских и французских слов и выражений типа: совершившийся факт *-faitaccompli*, неременное условие *-conditionsinequanon*, с соответствующими изменениями — *mutatismutandis*, по преимуществу *-parexcellence*, временное решение вопроса *-modusvivendi*, специальный — *adhoc*, временно *-protempore*, в целом *-enbloc* и т.д.

В текстах контракта мы сталкиваемся еще с одной особенностью жанра официально-деловых материалов. Стремление в максимально сжатой форме изложить содержание документа приводит к тому, что в одном предложении излагаются самые разнообразные положения [7, с. 42]. А это, в свою очередь, вызывает появление внутри одного предложения многочисленных инфинитивных или причастных оборотов, т.е. употребление параллельных конструкций, причем графически каждое придаточное предложение оформлено как отдельный абзац. При переводе на русский язык эта особенность английских документов сохраняется и передается с помощью дословного перевода.

Пример:

Specification of research, technical and other documents, drawn by the Performer and delivered to the Customer at different phases of the work performance and after the com-

pletion of the Contract, and execution procedure of acceptance testing of new experimental technological samples in compliance with the Contract are set forth (assigned) in the planned schedule, technological requirements and specifications or other documents, including annotations and final research-technical reports. Above-mentioned documents are the integral parts of the Contract itself.

Перевод:

Перечень научной, технической и другой документации, подлежащей оформлению Исполнителем и передаче Заказчику на отдельных этапах выполнения и по окончании Договора, порядок проведения приемочных испытаний опытных образцов (партий) новой техники, изготавливаемых в соответствии с Договором, определены календарным планом, требованиями и особыми условиями технического задания или иными документами на проведение Работ, аннотационными и итоговым научно-техническим отчетами о выполненных Работах являющимися неотъемлемой частью Договора.

Литература:

1. Горелов, В. И. Современная стилистика китайского языка. М., 1979.
2. Лю Яньхуэй, Лю Ецин. Деловой китайский. М., 2011.
3. Дашевская, Г. Я. Китайский язык для делового общения. М., 2000.
4. Кочергин, И. В. Основы научно-технического перевода с китайского языка на русский язык. М., 2012.
5. Жданов, А. А., Жданова И. Ф. Деловые письма и контракты. — М.: Филоматис, 2002.
6. Дарская, В. Г. и др. Новый деловой английский \ В. Г. Дарская и др. — М.: Вече, 2005.
7. Федотова, И. Г. Англо-русский словарь-справочник по торговому праву и деловой документации. — М.: Иннко, 1992.

Содержание контрактов нефтегазовой отрасли имеет огромную ценность, поэтому к такому виду документации требуется очень качественный и точный перевод. При работе переводчик может столкнуться не только с очевидными трудностями, связанных с языковым барьером или недостатком знаний в сфере нефти и газа, но и со скрытыми трудностями, которые проявляются по причине того, что разница русского и китайского языков не только в лексическом составе слов, но и в самой культуре языков, в их традициях.

Также затрудняет понимание содержания контрактов их структура составления, а именно употребление сложных грамматических конструкций. Однако в связи с тенденцией дословной передачи различных формулировок при переводе, в русский язык проникает целый ряд дословных переводов английских и китайских выражений, которые впоследствии создают новые штампы, хорошо известные русскому читателю.

Модернизм в русской литературе 1920–1930-х гг. Общая характеристика

Степура Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Литература конца XIX — начала XX вв. характеризуется отрицанием общепринятых норм и заменой их новыми установками, вызовом здравому смыслу и рационализму, который заменяется иррационализмом; «значение и значимость становятся проблематичными и, как следствие, сам язык тоже. Все это черты модернизма, которые дополняются процветанием структурного и лингвистического экспериментирования» [1, с. 39].

В последнее десятилетие XIX в. в русской литературе также формируются новые направления, которые ставят своей задачей переосмысление старых средств выразительности и возрождение поэзии. Началом данного периода обновления, часто называемого «Серебряным веком» русской поэзии, считается 1892 г., год появления манифеста и сборника «Символы» Д. Мережковского; его верхней хронологической границей — 1917 г. Согласно другой точке зрения, эта граница определяется 1921–1922 гг., годами гибели

А. Блока и Н. Гумилева, добровольной и вынужденной эмиграции многих деятелей русской культуры. Деятельность поэтов «Серебряного века» относят к модернистскому направлению в литературе; в этот период также выделяются такие литературные направления, как реализм, и литературный авангард (футуризм). Важная роль в развитии литературы XX в. принадлежит А. М. Горькому (1868–1936), основоположнику соцреализма и Л. Н. Андрееву (1871–1919), представителю «Серебряного века» русской литературы и родоначальнику русского экспрессионизма.

1920-е годы в Советской литературе (здесь и далее Советскую литературу следует читать как русскую литературу) характеризуются возрождением забытых романтических форм (В. Короленко, А. Грин, Н. Нечаев, И. Привалов); в это время появляется новое поколение писателей, участников Гражданской войны в 1920-е гг. (Л. Леонов, М. Шолохов, А. Фадеев и др.).

1930-е годы в Советской литературе относятся к переломному периоду. В это время наблюдается смена привычных основ жизнеустройства, в культурной сфере происходит активное вмешательство партии, формируется соцреализм, главный инструмент партийной идеологии. Впервые термин появляется в советской печати в «Литературной газете» за 23 мая 1932 г. В 1934 г. Первый съезд советских писателей определяет развитие советской литературы на многие годы вперед. Теперь задачей всего Советского искусства, включая литературу, становится создание образа идеального героя, борца и строителя. Для этого используются принципы народности, идейности и конкретности, требующие, чтобы искусство было понятно всем без исключения, прославляло героизм человека, изображало коммунистическую действительность и демонстрировало ход исторического развития.

Таким образом, в Советской литературе 1920–1930-х гг. модернизм не мог быть представлен, однако его отсутствие восполнялось переводами современной западноевропейской литературы (М. Пруст, Дж. Джойс, Б. Брехт, Дж. Дос Пассос, У. Фолкнер, Ш. Андерсон, Э. Колдуэлл) и критической литературой, сопровождающей переводы: статьями, примечаниями и комментариями (А. Старцев, Р. Миллер-Будницкая, Д. Мирский).

Переводы всегда играли существенную роль в русской литературе, давая ей то, чего ей самой не хватало — необходимый материал, наглядные примеры, возможность отработки новых приемов. Переводы становились «рабочим подспорьем», своеобразной «лабораторией», что было характерно для «эпохи больших культурно-поэтических переломов — и для Третьяковского, и для Жуковского, и для Брюсова [2, с. 121].

Тенденции модернизма в литературе определенным образом повлияли и на переводческие установки эпохи. Конец XIX — начало XX вв. характеризуется несомненным усилением интереса к передаче формы переводимых произведений. Вполне закономерно, что у русских модернистов — переводчиков данного периода наблюдался односторонний интерес к форме переводимого произведения, выражавшийся в буквализме. Содержание произведений, выбираемых для перевода, соответствовало взглядам модернистов на литературу: реалистическую литературу они не переводили. Символом веры русских поэтов и переводчиков эпохи модернизма начала XX в. (К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, М. Л. Лозинский и др.) являлось убеждение «обогащать привычки читателя» в связи с подлинником, но не «обеднять подлинник» для читателя [3]. Манифест русских футуристов 1912 г. идеологически перекликался с символом веры символистов и был созвучен установкам западных журналов модернизма: не идти на уступки вкусам массового читателя [4].

В 1920 гг. переводческая позиция в России меняется. Мелкие издательства негосударственного типа выпускают большое количество переводных книг низкого качества: в основном, это развлекательная литература, рассчитанная на массового читателя. Переводы осущест-

вляются случайными людьми, их результатом становятся смысловые ошибки и буквализмы, которые высмеиваются журнальной и газетной критикой. С их точки зрения, данные переводы не удовлетворяют самым элементарным требованиям.

В №2 «Литературной газеты» за 1929 г. была открыта рубрика «Наши переводы плохи», в которой предлагалось выносить проблемы современного перевода на всеобщее обсуждение: «Переводческое дело находится у нас в хаотическом состоянии. Халтура и случайность царствуют здесь. Выбор произведений, оценка переводов в прессе, формы подачи переводимого материала, отношение переводчика к своему труду и условия его работы — все это требует коренных изменений. Помещаемыми ниже статьями редакция открывает обсуждение вопроса о переводах» [5]. О необходимости упорных и длительных усилий для изменения сложившейся ситуации писал Александр Ром в статье «Премирование безграмотности». С его точки зрения, литературные журналы должны были заняться проблемами качества перевода и начать помещать статьи по теории перевода: «Пусть столкнутся разные точки зрения, пусть гласно сформулируются рабочие принципы разных переводческих школ» [6]. Следующая статья Б. Ярхо «Как переводить классиков» была достаточно позитивна. В ней сообщалось, что в последнее время многие крупные издательства заинтересовались переводами классиков с желанием объединить эту работу в большие серии. «Русские издания мировых классиков могут вылиться в несколько отличных друг от друга форм, обусловленных многообразием читательской среды» [7]. На переводчика возлагалась обязанность быть одновременно и художником, и знатоком языка, и литературоведом. Совмещение этих качеств встречается редко, поэтому Б. Ярхо считал важным прибегать к коллективной работе, к тому, что должно стать переводом «под редакцией»: «Надо раз навсегда упразднить тип редактора, правящего текст в отсутствие переводчика» [7].

Эти пожелания не могли быть сразу реализованы, поэтому в №1 и №2 «Литературной газеты» за 1936 г. по-прежнему появлялись статьи и заметки с различными обсуждениями о качестве перевода. В докладах П. Зенкевича «Переводчик и издательство» [8] и И. Альтмана «Культурная революция и задачи художественного перевода» [9] говорилось о необходимости проведения конкретных практических мероприятий, которые могли бы облегчить борьбу за высокое качество переводной литературы: сплочение переводческих кадров, создание методического руководства, регулярных творческих встреч переводчиков для обсуждения интересных явлений переводной художественной литературы; выпуск словарей синонимов и осуществление идеи А. М. Горького об издании на нескольких языках альманаха литературы народов СССР. Одновременно указывались такие распространенные недостатки современных переводов, как импровизации, вольная обработка, «стилизаторство», «формалистические эксперименты», «натуралистическое

копирование». Но говорили и о «серьезных» переводческих удачах Б. Пастернака, М. Лозинского, П. Антокольского, Н. Тихонова, М. Светлова, В. Рождественского — адекватных оригиналу [9].

Формалистический подход теперь был признан «опасным», особенно в переводе поэзии, где часто ради сохранения ритма и мелодии искажается содержание. Подлинный творческий перевод должен сохранять размер, рифмы, не допускать искажений в содержании и во взаимоотношениях образов. В №2 «Литературной газеты» за 1936 г. были также размещены статьи А. Смирнова «О задачах и средствах художественного перевода» и М. Лозинского «Искусство стихотворного перевода».

В начале 1930-х гг. А.М. Горький выдвинул принцип плановости отбора в области переводной литературы, при этом выдвигалось также и требование высокого качества переводов. В это время по-прежнему существовали переводы, для которых был характерен академический формализм. Они выпускались издательством «Academia»: это были сборник «Лирика» Гёте и «Песнь о Роланде» в переводе Б.И. Ярхо, романы Диккенса в переводах или под редакцией Е.Л. Ланна, А.В. Кривцовой и др. В этих работах передавались все элементы формы. Для так называемых переводчиков-формалистов это была борьба с «кустарщиной» [10], а их лозунгом была научность — «учет всех формальных элементов переводимого текста» [10], которая, по мнению К.И. Чуковского, не возымела должного успеха.

Однако спектр литературных направлений и жанров относительно переводной литературы был еще достаточно

широк: У. Уитмен (сочувствующий социализму в самой общей ее формулировке и один из первых поэтов, воссоздавших реальность огромного современного города); К. Сэндберг, Дж. Дос-Пассос и др. (американские авторы, сочувствующие социализму и приветствующие Октябрьскую революцию); Дж. Голсуорси (писатель, причислявший себя к реалистическому направлению в литературе); Б. Шоу (писатель-драматург, работавший в области сатиры и черного юмора); Б. Брехт (писатель-драматург, основатель нового направления в театре); Дж. Джойс. Дж. Дос-Пассос, Ш. Андерсон, У. Фолкнер, Э. Колдуэлл (писатели, работавшие в стилистике модернизма).

Проявления формализма и буквализма в переводах 1930-х гг. не были единичными, тем не менее, они не являлись господствующей переводческой тенденцией, т.к. в целом качество перевода поднялось на более высокий уровень. Кроме сохранения стилистического своеобразия подлинника, переводчики 1930-х гг. стремились передать смысловую точность и выразительность русского языка [11]. Таким было направление деятельности переводчиков «кашкинской» школы, которая появилась в ответ на нарастание буквалистических тенденций. Отдельные проявления буквализма имели место и в XIX в., но буквализм как широкая тенденция заявил о себе именно в 1920—1930-е гг., что соответствовало модернистскому направлению в литературе — интерес к форме, к новым средствам выражения. Так, на данном этапе переводная литература выполняла функции авангарда — была впереди и информировала о новых установках, задачах и экспериментах.

Литература:

1. Степура, С.Н. Переводческая рецепция романа Дж. Джойса «Улисс» в русской литературе 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. филол. наук, 10.01.01. Томск. 2013. — 203 с.
2. Гаспаров, М.Л. Брюсов-переводчик. Путь к перепутью // Избранные труды. В 3-х т. Т. 2. Москва, Языки русской литературы. 1997. — с. 121–129.
3. Гаспаров, М.Л. Брюсов и буквализм//Поэтика перевода. М., Радуга. 1988. — с. 29–62.
4. Stepura Svetlana N. James Joyce's «Ulysses» in periodical literature of the 1910–1930-s. Virtual Multidisciplinary Conference QUAESTI. EDIS, Publishing Institution of the University of Zilina. December, 15–19. 2014. — P. 362–365.
5. Литературная газета. М., Акц. Изд. Общ. Огонек. 1929. №2. — с. 3.
6. Ром, А. Премирование безграмотности // Литературная газета. М., Акц. Изд. Общ. Огонек. 1929. №2. — с. 3.
7. Ярхо, Б. Как переводить классиков // Литературная газета. М., Акц. Изд. Общ. Огонек. 1929. №2. — с. 3.
8. Зенкевич, П. Переводчик и издательство // Лит. газета. М., Акц. Изд. Общ. Огонек. 1936. №1. — с. 1.
9. Альтман, И. Культурная революция и задачи художественного перевода // Литературная газета. М., Акц. Изд. Общ. Огонек. 1936. №2. — с. 1.
10. Чуковский, К.И. Высокое искусство. М. Советский писатель. 1968. — 384 с.
11. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода. М., Филология Три. 2002. — 348 с.
12. Аксенова, Н.В. Английская тема в пьесе Е.И. Замятина «Блоха» // Коммуникативные аспекты языка и культуры. Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых, под ред. С.А. Песоцкой. НИ ТПУ. Томск. 2014. — с. 80–84.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 8 (88) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.
E-mail: info@moluch.ru
<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4